

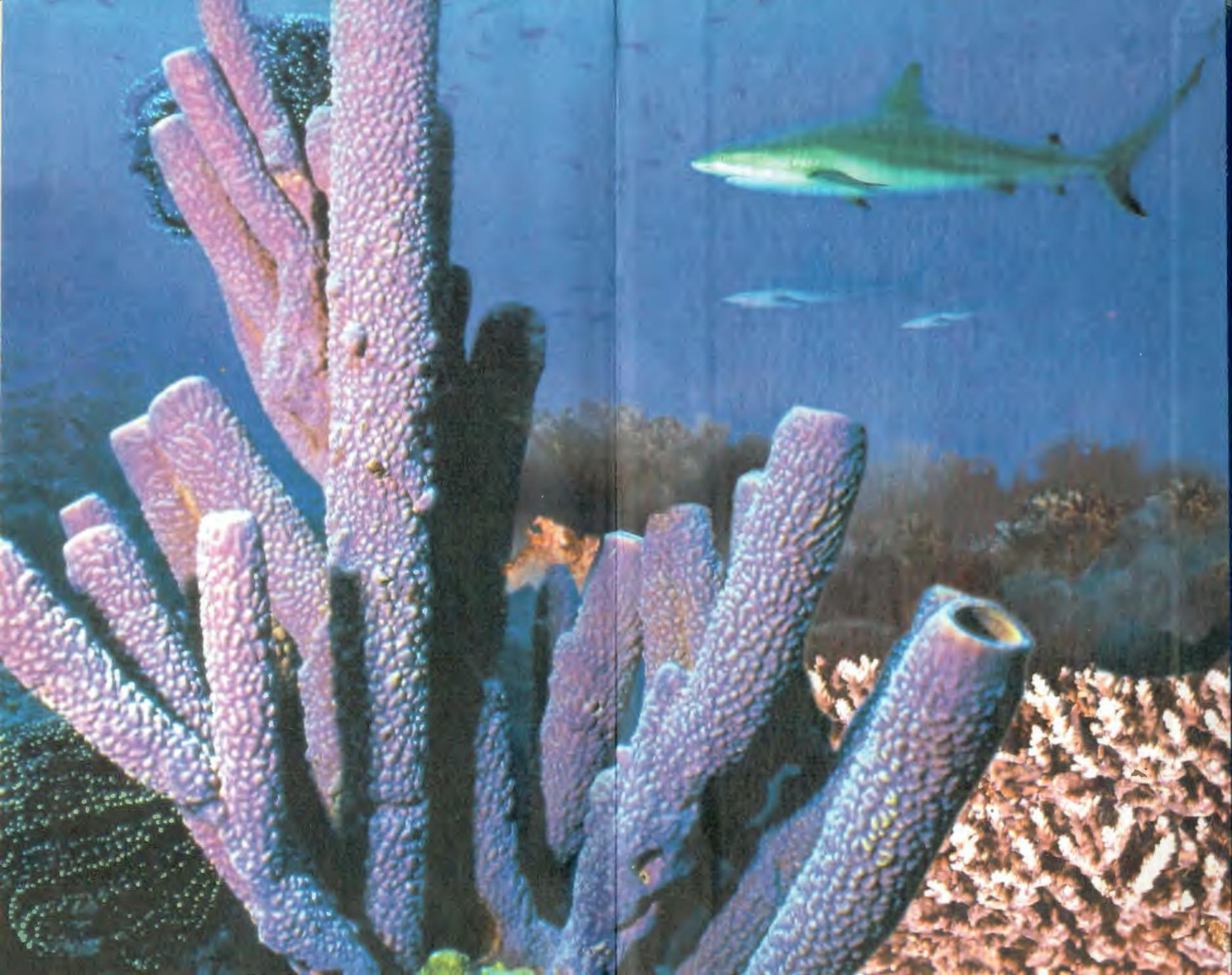
268
K94

ЖАК-ИВ

КУСТО

*Затонувшие
сокровища*

**ЖАК-ИВ
КУСТО**

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ
ВОКРУГ СВЕТА

ЖАК-ИВ КУСТО
Мир без солнца

ЖАК-ИВ КУСТО, ФИЛИПП ДИОЛЕ
Затонувшие сокровища

ЖАК-ИВ КУСТО

*Перевод с французского
Р. А. Фесенко, И. О. Фельдман*

104621/1 *ру*

Москва
«ДРОФА»

Муниципальное объединение

26.89(6)

10

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Фр)-44я5
К 94

Серия основана в 1997 году

**Иллюстрации
В. Э. Брагинского**

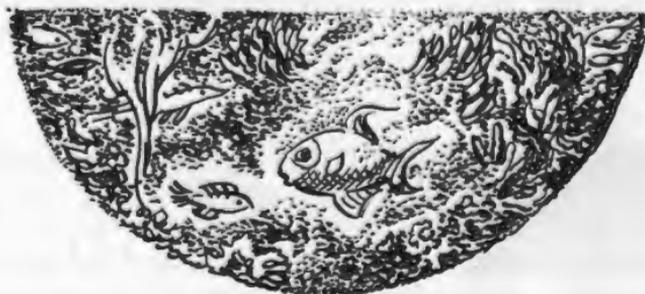
ISBN 5-7107-6613-5

© Иллюстрации, Брагинский В. Э., 2002
© ООО «Дрофа», 2002

ЖАК-ИВ КУСТО

Мир без солнца

Перевод с французского

Р. А. ФЕСЕНКО

КРАСНОЕ МОРЕ ИЗ ИЛЛЮМИНАТОРА РЕАКТИВНОГО САМОЛЕТА

Реактивный самолет ДС-8 авиационной компании ТАИ вылетел из Джибути рейсом Афины — Марсель — Париж. Отстегивая предохранительный пояс, не перестаю думать о том, что еще сегодня в пять утра я находился в заливе Таджура на глубине 300 метров вместе с Альбером Фалько, водителем «ныряющего блюда» — этой замечательной исследовательской подлодки-малютки.

Никак не могу свыкнуться с мыслью, что, позавтракав в Джибути на борту «Жанны д'Арк» (на том самом корабле, где в 1932 году я служил курсантом), сегодня же вечером буду в Париже!

Однако размышления об этом чуде нашей эпохи не могут заглушить чувства тоски, охватившего меня после того, как я покинул свою родную «Калипсо» — пусть всего на несколько дней. Ведь на этом корабле остались мои товарищи, чей энтузиазм, золотые руки и светлые головы дали нам возможность совершить в 1963 году путешест-

вие, полное приключений, пожалуй, самое волнующее в моей жизни.

Пока самолет набирал высоту, я успел разглядеть слева и позади молочные рифы сомалийского побережья, справа вдали — риф Араб, белесую полоску, простирающуюся с востока на запад. Сегодня утром мы погружались на севере этой отмели, здесь же мои товарищи пережили волнующие минуты при встрече со стаей акул.

Впереди виднеются остров Перим и Баб-эль-Мандебский пролив — горловина, соединяющая Красное море с Аденским заливом, Аравийским морем и Индийским океаном.

Ко мне подходит стюардесса:

— Командир был бы рад повидаться с вами в кабине пилота.

С удовольствием принимаю это приглашение.

Командир и его помощник засыпают меня вопросами, их интересует и атолл Альдабра, и риф Гейзер, и остров Успение: оказывается, они часто пролетают над всеми этими местами, возвращаясь с острова Мадагаскар. Беседа, я не перестаю внимательно всматриваться в открывающуюся передо мною даль.

— Вот и Джебель-Зюкюр, — говорю я. — Вы летите со скоростью 500 узлов, а «Калипсо» делает только десять. Да, всего лишь две недели назад мы едва продвигались вперед в этих местах, несколько дней преодолевая сильнейший ветер с юго-востока.

Моя реплика вызывает улыбки сочувствия.

Воспользовавшись оказанным гостеприимством, я решил как можно больше увидеть, тем более что самолет находился на крейсерской высоте в 11 тысяч метров (а это глубина Филиппинской впадины).

Сквозь прозрачную дымку вижу простирающуюся подо мной узкую полоску так полюбившегося мне Красного моря, которое волнует меня уж столько лет...

Вот и зловещие предвестники дьявола — группа вулканических островов Зебаир. Здесь мы пытались укрыться от разбушевавшейся стихии. Остров Саба, где полным-

полно розовых фламинго. Джебель-Таир, или Черный Колпак, у берегов которого наше «блюдец» погружалось две недели назад, берега Йеменской Республики... Остров Камаран... Тут мы погружались в 1954 и 1955 годах...

Напрягаю зрение: там вдали северная часть островов Фарасан, остров Абулат, где мы работали целых два месяца в 1951 и 1952 годах на нашей «Калипсо».

Коралловый ковер

Огромная зона (500 на 80 километров) у берегов Саудовской Аравии обозначена на картах большим белым пятном с предостерегающей пометкой: «Зона усеяна опасными рифами, проливы глубоководны, но непроходимы...» В 1952 году мы смогли исследовать на «Калипсо» лишь окрестности этого района. Но здесь, в самолете, на высоте 11 тысяч метров, я обрел орлиную зоркость, и все фарасанские рифы кажутся великолепным сюрреалистским ковром. Здесь в темно-синюю полосу моря, где глубина не меньше 400 метров, вплетаются разноцветные гряды коралловых рифов — иссиня-черных, бирюзовых, нефритово-зеленых, охровых, сиреневых и снежно-белых. То тут, то там рифы проступают из моря, образуя разрозненные песчаные островки, на которых морские черепахи откладывают яйца. Чаще всего эти рифы слегка скрыты водой. В хаотичных очертаниях рифов можно различить эллипсы, треугольники, полукруги; порой даже трудно разобраться в этом беспорядочном нагромождении геометрических фигур. Слева поодаль, у берегов Судана, Суакинская гряда рифов. Это близнецы фарасанских.

Аравийский полуостров — лишь часть Африки, а Красное море — глубокая расселина, с геологической точки зрения сравнительно недавнего происхождения. Этот разлом протяженностью 2 тысячи километров и глубиной более 1000 метров заполняется водами Индийского океана.

Штурм одного из малоизученных морей

Красное море представляет собой внутреннее глубокое море, в которое не впадает ни одна река. Лишь узкий мелководный пролив, забитый коралловыми рифами, где кишат ненасытные разноцветные рыбы, соединяет Красное море с Индийским океаном. В экспедиции 1952 года «Калипсо» дала нам возможность открыть много видов рыб, ранее неизвестных науке, ученые столкнулись с рядом геологических и биологических загадок, до сих пор остающихся нерешенными.

В 1952, 1954 и 1955 годах наша команда произвела несколько погружений в аквалангах на максимальную глубину 70 метров.

В 1963 году мы первыми совершили штурм Красного моря, мечтая раскрыть его тайны. Шесть месяцев 52 члена экспедиции — ученые, техники, опытные мореплаватели — на двух судах, «Калипсо» и «Росальдо», и базе в Порт-Судане (организованной при содействии правительства Республики Судан) занимались подготовкой беспрецедентного эксперимента. В их руках были последние достижения инженерной мысли — «ныряющее блюдо», способное погружаться на глубину до 300 метров, и подводный поселок «Прекоинтернет-2», который должен был располагаться на глубине 50 метров. Эти революционные методы исследования морских пучин основаны на здравом принципе — сперва ознакомиться с морскими глубинами, а затем ставить перед собой задачи и решать их.

По окончании войны завесу морских тайн приоткрыли первые подводные пловцы. В настоящее время океанографические институты всего мира организуют подводные экспедиции аквалангистов. Однако аквалангисты подчиняются очень строгим законам декомпрессии, ограничивающим как глубину, так и длительность погружения. Соблюдение их обязательно, и поэтому нам удастся лишь «поскрести» дно морей и океанов.

«Прекоинтернет-2» и «ныряющее блюдо» — это ключи, открывшие нам два новых измерения при исследовании морей: глубину и продолжительность погружений.

«Преко́нтинент-2» (подводный посёлок, вернее сказать, подводная база) действительно позволит нам в полном смысле этого слова овладеть ключевыми позициями.

Мысль о создании «Дениз», нашего «ныряющего блюдца», возникла у меня в Красном море. В 1952 году во время великолепного погружения недалеко от рифа Шаб-Сулеим у островов Фарасан я понял, что нам не обойтись без маленькой исследовательской подводной лодки, которая не уступала бы по своей маневренности аквалангистам.

Вот что я там увидел, когда погружался вдоль головокружательной отвесной кручи.

Глубина 6—7 метров: каменные кружева, навесы из ветвистых и сетчатых кораллов, испещренные причудливыми гротами и переходами, в которые мы остерегаемся вплывать.

Глубина 7—15 метров: значительно меньше гротов, много кораллов, в разгаре праздник рыб самых разнообразных цветов.

Глубина 15—35 метров: все еще погружаясь по вертикали, вхожу в зону альционарий, похожих на стебли сельдерея, но розоватого или светло-сиреневого цвета.

Глубина 35—50 метров: круча, похожая на обрывистый средиземноморский берег, с небольшими лоджиями, ярко расцветченными красными, оранжевыми, бордовыми и лимонно-желтыми плитами.

Глубина 50 метров: мы у подножия первого обрыва, переходящего под углом 45° в мрачный песчаный склон серого цвета.

Спускаясь вдоль этого откоса, на глубине 65 метров обнаруживаем второй обрыв, также очень отвесный. Начинается царство «глубинного опьянения»; именно на этой глубине у подводных пловцов появляется привкус металла во рту; возникают галлюцинации, и человек теряет контроль над собой. Я хорошо понимал, что здесь задерживаться нам не следует, но вопреки рассудку не смог удержаться от соблазна взглянуть хотя бы мельком на этот второй утес.

Самые разнообразные формы жизни предстали перед моим взором: извилистые оранжевые губки, белые морские перья, похожие на трости, причудливые студенистые клубки, словно затянутые паутиной.

Еще до того как я поднялся на поверхность, я дал себе слово сконструировать аппарат, который позволил бы нам с маневренностью аквалангистов обследовать второй утес до самого основания коралловых рифов.

Слово свое я сдержал, и вот в 1953 году в Марселе мы организовали французское Управление подводных исследований. Фактически оно представляло собой конструкторское бюро, где должны были проектироваться все аппараты специального назначения, в которых нуждалась «Калипсо».

В 1955 году инженеры Лабан и Моллар засучив рукава принялись за разрешение поставленной перед ними задачи, и в 1959 году «ныряющее блюдце», окрещенное «Дениз», было спущено на воду в Пуэрто-Рико, а затем опробовано в Гваделупе и у островов Зеленого Мыса.

В январе 1960 года я вместе с Фалько совершил первое погружение на 300 метров в заливе Аяччо. Перед нашим отплытием в Красное море на счету «ныряющего блюдца» было уже 70 глубинных погружений. Почти все они проводились с научно-исследовательскими целями.

«Дениз» не маленький батискаф, а настоящая мини-атюрная подводная лодка, которая обладает определенной плавучестью и не нуждается в двигателях внутреннего сгорания для надводного хода.

В отличие от подводных лодок сигарообразной формы, «ныряющее блюдце» напоминает огромного краба, но, хотя у него большие глаза и клешня, оно весьма компактно. Можно было бы увеличить скорость «Дениз», придав ей сигарообразную форму, но при этом маневренность ее значительно ухудшилась бы, а нам для проведения исследований и наблюдений нужна именно хорошая маневренность.

Весь экипаж «блюдца» — водитель и наблюдатель — располагается в стальной оболочке дискообразной фор-

мы диаметром 2 метра. Оба работают, лежа на матрацах из губчатой резины. В «блюде» поддерживается нормальное атмосферное давление, нормальный состав воздуха, бесперерывно подается кислород и специальным поглотителем удаляется углекислый газ.

«Дениз» снабжена двумя иллюминаторами для фронтального обзора и тремя специальными оптическими монокулярными системами наблюдения с полем зрения 180°. Она освещает свой путь мощными прожекторами. «Блюде» имеет передний и задний ход, разворачивается и кружится на месте, поднимается и погружается под любым углом, парит под водой и дрейфует на поверхности. Внешняя гидравлическая клешня сгибается и вытягивается, раскрывает свои стальные «пальцы», захватывает и кладет в своеобразную корзину образцы, взятые у моря. Это дает возможность непосредственно исследовать подводную жизнь. С помощью трех передатчиков, сонара (гидролокатора), подводных фото- и кинокамер, синхронизированных с электронными лампами-вспышками, магнитофонов, рассчитанных на ведение длительных записей, оказалось возможным зафиксировать все, что творится на морском дне.

Изнутри «блюде» как бы обшито вентилями, рычагами, кнопками и циферблатами контрольных приборов. Но сами механизмы находятся снаружи, работают в воде и подвергаются ее давлению. Это аккумуляторы, двигатели, насосы, гидравлические домкраты, электрические реле.

Наконец, шагая в ногу с веком реактивного транспорта, конструкторы «ныряющего блюда» снабдили его вместо гребного винта водометными реактивными двигателями. Что касается двух сопел, через которые выбрасывается вода, прокачиваемая насосом, то они установлены на «Дениз» не для того, чтобы сообщать «блюду» большую скорость, тем более что коэффициент полезного действия у реактивных сопел меньше, чем у гребных винтов, а потому, что они занимают меньше места и обеспечивают лучшую маневренность, — ведь сопла можно поворачивать и попеременно и одновременно в любом направлении.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ПОГРУЖЕНИЙ В НЕИЗВЕДАННЫЕ ГЛУБИНЫ

С 13 марта 1963 года, со дня первого погружения «ныряющего блюдца» в Красном море под рифами Шаб-Али в проливе Джубаль, роль «Калипсо» сводится в основном к тому, чтобы перевозить «блюдце», то есть к роли корабля-носителя. Команда судна прилагает все усилия к тому, чтобы использовать «Дениз» с максимальным эффектом. Двадцать пять погружений, и все на глубину 280—300 метров! Причем каждое длилось не меньше четырех часов! В этот период наблюдения проводились и днем и ночью. Более ста часов мы исследовали зону от самой северной точки Красного моря до Индийского океана.

...Два часа ночи, меня только что разбудил Анри Пле, наш вахтенный офицер. Вскрываю, быстро натягиваю голубой комбинезон и, несмотря на знойную ночь, закутываю шею мохнатым полотенцем; беру с собой очки, миниатюрный карманный фонарик, перочинный ножичек, катушку прозрачной клейкой ленты. Все это может

пригодиться в пути. В кают-компании встречаюсь с членами экипажа «блюдца», которые греют кофе, все еще протирая глаза. Альбер Фалько в тельняшке, Жак Ру, Арман Давсо, судовой врач Бурд, водолаз Бонничи и, конечно, Маритано — капитан «Калипсо». Здесь же команда такелажников — Поль Зуэна, Антуан Лопес, Раймон Коль.

Всякий раз перед погружениями новичков происходила торжественная церемония — тщательно взвешивали пассажиров «блюдца». Теперь же вес каждого известен, и Фалько остается лишь — в зависимости от комплекции своего спутника — прицепить к «блюдцу» или отцепить от него свинцовые грузы.

На ярко освещенном юте каждый занят своим делом. Ру отсоединяет аккумуляторные батареи, находившиеся до последней минуты на подзарядке. Давсо проверяет исправность фотовспышек. Бонничи с Фалько подвешивают две чугунные чушки по 25 килограммов, которые после погружения навечно останутся на морском дне. Тут же заполняются кислородом баллоны и устанавливаются ящики с поглотителем углекислого газа. К трем часам утра все налажено и проверено. Первым в «блюдце» забирается Фалько. Наступает мой черед. Вскарabкиваюсь на нашего огромного желтого краба, проскальзываю в узкий люк и опускаюсь в стальной купол. Фалько осторожно и тщательно задраивает люк. Пока он устраивается на своем рабочем месте, я успеваю произвести ряд переключений на пульте управления, включаю нагнетатели воздуха и кислорода, проверяю вспышку, прожекторы, фото- и кинокамеры, Фалько регулирует расход кислорода, в последний раз сверяет гирокомпас «блюдца» с компасом «Калипсо» и по телефону передает, что мы готовы к погружению.

Чувствуем, как нас приподнимают. Некоторое время висим над палубой, через иллюминаторы видны заботливые и напряженные лица наших товарищей. Затем с легким шуршанием «блюдце» опускается и входит в свою родную стихию. Над головой раздаются резкие удары —

это Бонничи сперва отцепляет «блюдец», затем отсоединяет строп и телефонный кабель. И вот мы на свободе, Фалько включает на несколько секунд водометные двигатели. Воздушные пробки, образовавшиеся в трубах, прогоняются через сопла, и мы медленно «идем ко дну». Лишь клин света нашего прожектора пронизывает крошечную тьму ночных пучин. Почти все время одна или две акулы кружат возле «блюдца». Искося следя за ними, Бонничи провожает нас, погружается еще на несколько метров, протирает напоследок наши плексигласовые иллюминаторы и, устремившись вверх, исчезает.

Дыхание моря

Включаем эхолот. С помощью специального переключателя направляю ультразвуковые сигналы вверх и выясняю, на какой глубине мы находимся, проверяя при этом правильность показаний манометров. Направляю затем сигналы в глубину, чтобы установить точное расстояние до дна и скорость нашего погружения. Посылая сигналы вперед, заранее узнаю о еще невидимых препятствиях на нашем пути. По эхограмме мы можем судить о приближении подводных слоев, которые вчера еще казались таинственными. Глубинные слои рассеивания — это горизонтальные водные слои, находящиеся на различных глубинах, обнаружив которые эхолот посылает отчетливые сигналы; однако в них надо разобраться, чтобы не спутать их с сигналами, получаемыми со дна¹.

Благодаря «ныряющему блюдцу» мы смогли установить, что в этих слоях постоянно накапливаются очень мелкие организмы, и это сильно снижает видимость. Ночью они поднимаются к поверхности моря, и мы их почти мгновенно проходим, днем — опускаются на несколько сотен метров. Такой ритм дыхания моря регули-

¹ Океанографам хорошо известны эти «слои рассеивания», которые эхолот отмечает как «дно»; их существование объясняется резкими изменениями плотности воды или скоплениями планктона. (Примеч. ред.)

руется солнцем, так же как пение птиц. Эти грандиозные суточные миграции охватывают миллионы тонн планктона и влияют (прямо и косвенно) на весь цикл жизни морей и океанов.

Одна из задач, стоящих перед нами, — исследование гигантских ежесуточных миграций по вертикали, этого грандиозного прилива жизни. Когда спускаются и поднимаются мириады мельчайших организмов, вслед за ними спускаются и поднимаются целые скопища более крупных и подвижных морских обитателей, питающихся ими. Жители верхних этажей — рыбы, обитающие ближе к поверхности, — следуют за этими организмами вниз до определенной глубины. Жители нижних этажей — кальмары и малоизвестные нам рыбы — следуют за ними вверх до соответствующего уровня. Мы чаще погружаемся ночью, так как только ночью на глубине от 200 до 300 метров мы можем увидеть тех животных и рыб, которые днем недосыгаемы для «ныряющего блюда».

Несметное множество мелких блестящих рыбешек днем скрывается в углублениях скалистых круч, и только ночью они всплывают до уровня 150—300 метров, где простираются эти удивительные слои, и питаются крошечной добычей. А ранним утром весь этот серебристый народ торопливо возвращается в свое жилище. Но горе тому, кто не успеет вернуться домой! На наших глазах с запоздавшими зверски расправляются крупные хищники, с восходом солнца приплывшие в эти глубины из поверхностных слоев.

Море тоже имеет свои времена года. Оно цветет, как наши луга, особенно весной и осенью. Каждую неделю мы наблюдаем появление все новых видов — целые полчища вступают в борьбу за существование в морских глубинах.

Третья круча

Когда свет нашей фары тускнеет, мы уже знаем: скоро дно. Наше «блюдо» скользит на глубине 45—50 метров над дном, покрывшись плоским и догритом. Фалько одним

движением поворачивает рукоятку, и часть балласта бесшумно отделяется и падает на песок, а наше «блюще», облегченное таким образом на 25 килограммов, продолжает свой путь. Погружение замедляется, и мы совершаем очень мягкую посадку, без единого толчка.

— Мы килограммов на десять тяжелее, — сообщает Фалько и нажимает на кнопку пуска балластного электронасоса. Меньше чем за минуту 10 лишних литров воды сбрасывается обратно в море, и «блюще», слегка покачиваясь, готово вновь ринуться вперед. Тогда Фалько включает двигатель, наша подлодка-малютка трогается, мы по гирокомпасу плывем под уклон вдоль уступа и вскоре достигаем 60-метровой глубины. Здесь начинается та самая вторая круча, которую я видел в 1952 году, погружаясь с аквалангом.

Когда мы проплываем над резко очерченным краем кручи, Фалько переводит рычаг вперед, и за три секунды 70 килограммов ртути перетекает в крайний передний резервуар. «Блюще» наклоняется под углом 35°. Но это далеко не достаточно. Тогда мы начинаем спускаться зигзагами, как слаломисты, вдоль коралловой стены.

Флора и фауна второй кручи на глубине 70 метров довольно богаты и необычны. Но затем подводный мир постепенно беднеет. Формы становятся однообразнее, цвета бледнеют. Вскоре, на глубине 100 метров, мы оказываемся над горизонтальной плитой, изборозженной трещинами. Этот своеобразный тротуар, который мы видим при каждом погружении, возможно, в древности был материковой отмелью Красного моря. Через несколько метров перед нами разверзлась беспросветная мгла таинственной бездны. Это третья круча, о существовании которой мы никогда не узнали бы, если бы не наше «ныряющее блюще».

Вновь пикируем в неизвестность. Нависшая над бездной плита из мертвого коралла выглядит теперь весьма грозно. Мы подбираемся под нее с некоторой опаской; под нами уходит вглубь совершенно отвесная стена, вероятно также образовавшаяся из омертвевших кораллов.

Начинает кружиться голова. По ассоциациям, возникающим при этом, наше погружение можно сравнить с альпинистским восхождением. Только мы обладаем огромным преимуществом по сравнению с альпинистами: находясь в воде, мы невесомы и можем парить в нашей чудо-подлодке. На какое-то мгновение погружение «блюдца» приостанавливается. Значит, мы вошли в более холодный и более плотный слой воды, в котором архимедова выталкивающая сила возрастает. Если бы мы спешили, то преодолели бы этот барьер, увеличив наш балласт за счет нескольких литров воды. Но сегодня можно немного повременить; «блюдец» охлаждается, корпус его сжимается и приобретает почти свой первоначальный вес. Теперь, когда «блюдец» находится в прохладной зоне, мы не изнываем от жары, а Фалько даже натягивает тельняшку. Внутренний термометр показывает теперь не 35, а 26—27°.

— Здесь почти холодно! — смеясь, восклицает Альбер, и мы невольно вспоминаем о гнетущей жаре, которая царит там, на борту «Калипсо».

На глубине 150 метров появляются огромные вертикальные колонны, словно горельефы на стене; потом они переходят в грандиозную колоннаду, которая теряется во мраке глубин.

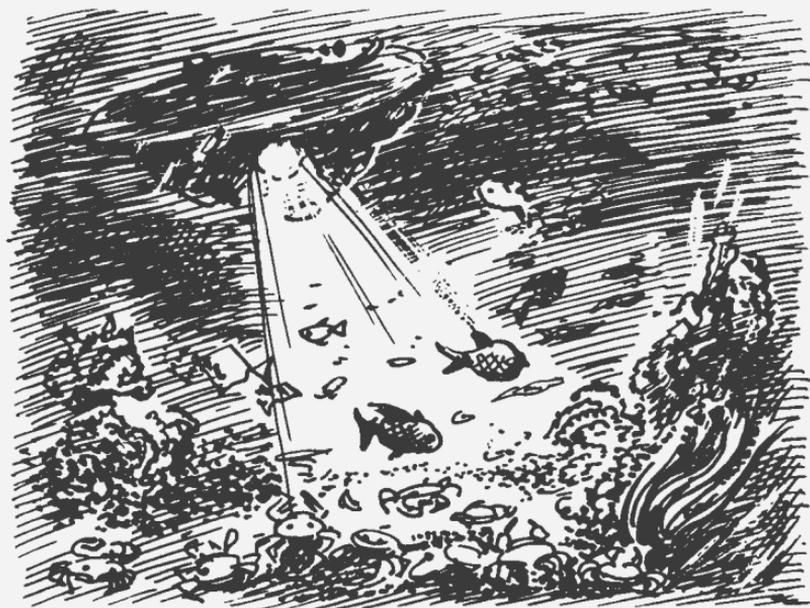
— Органные трубы, — комментирует Фалько.

— Да, или доломиты, — добавляю я. Эта фантастическая колоннада обступает нас; затем на глубине 220—240 метров колонны сливаются в плоскость с наклоном в 75°. К 250—260 метрам заканчивается третья круча, и мы опускаемся до нашей предельной глубины — 300 метров. Мы видим песчаный откос с разбросанными по нему огромными глыбами, несомненно упавшими с карниза, нависшего над нашими головами, — с глубины 110 метров.

Вода на глубине 360 метров все еще очень прозрачна. Наши прожекторы позволяют ночью отчетливо видеть на расстоянии по меньшей мере 30 метров. При первом погружении мы были ошеломлены тем, что солнечный свет проникает даже на глубину 300 метров, так что при

выключенных фарах мы могли отчетливо, как в пасмурный зимний день, видеть все, что творится вокруг нас.

Но и меня и Фалько больше всего удивило обилие и разнообразие глубинной фауны. У поверхности всем известное многообразие разноцветных рыб, рифов и огромных хищников; затем от 100 до 200 метров вдоль обрывов почти пустынно, лишь изредка появляется одинокая акула или всплывет ввысь облако планктона. Без всяких переходов на глубине около 240 метров «блюдце» входит в зону весьма интенсивной жизнедеятельности, в корне отличающуюся от всего, что мы видели прежде. Здесь встречаются крупные серебристые с розоватыми бликами рыбы, которые бросаются прямо на фары нашего блюда и поглощают мальков, попавших в луч света; прозрачные рыбы, у которых видны их красно-черные внутренности; рыбы-ленты, тонкие, как полотно пилы, — эти перемещаются вертикально, извиваясь; трехцветные креветки с огромными усами роют под скалами свои логовища, разметая песок мощными хвостами; всюду шныряют красные и розовые рыбины с огромными пастями, или же величественно проплывают желтые и сиреневые рыбы с развевающимися «фалдами». Поминутно к нам подплывают маленькие кальмары и в свете фар исполняют свои уморительные причудливые танцы: они то переворачиваются вниз головой, как бы пикируя в песок, то выворачивают щупальца, образуя над собой своеобразные зонтики...

«КОНГРЕСС» КРАБОВ

У входа в Индийский океан, южнее острова Сокотра, «ныряющее блюдо» погружается недалеко от глубоководной впадины, обнаруженной эхолотом «Калипсо». После 15 минут замедленного «падения» достигаем глубины 210 метров и видим вдали дно.

— Песок, — говорит Фалько, — а на нем масса морских ежей.

Молча всматриваемся вглубь. Вдруг Фалько восклицает:

— Смотрите, они быстро передвигаются. Да ведь это не ежи, а крабы!

Действительно, это всего лишь крабы, но в ошеломляющем количестве. Опускаемся на дно и разглядываем их как следует. Они напоминают крабов наших побережий и отличаются только тем, что на двух лапах у них плоский нарост, который дает им возможность плыть боком.

Через несколько минут я спохватываюсь:

— Не для того мы сюда спустились, Фалько, чтобы глazier на крабов. Надо найти южную расселину!

Двигаемся в путь. Помогает небольшое течение. Скользим над слегка покатою поверхностью, где в течение более получаса перед нами дефилирует бесконечное множество крабов. Чем глубже мы погружаемся, тем больше крабов встречается на пути.

Площадь в несколько квадратных километров густо усеяна крабами — их десятки на каждом квадратном метре! Под нами миллионы, может быть, миллиарды крабов! Весь этот крабий народ беспрестанно копошится; лес стельчатых глаз следит за нами.

— Фалько, — говорю я, — у нашего «ныряющего блюдца» приплюснутый панцирь, два глаза, одна клешня... мы похожи на крабов, но, видно, наши размеры производят на них сильное впечатление...

В этой крабьей сутолоке то тут, то там вспыхивают непродолжительные бои. Часто какой-нибудь краб, схватив клешней другого, поднимает его над собой и как-то странно раскачивает... Быть может, это свадебный ритуал...

Наконец нам удается обнаружить расселину, которую мы ищем и ради которой совершили это погружение: на 230—300 метров уходит вглубь крутой обрыв, изрытый пещерами, и при свете прожекторов видно, что до дна еще далеко. Перед нами разворачивается красочный подводный праздник — тучи креветок, огромные груперы, удивительные рыбы цвета бордо и крабы... крабы... бесконечный шевелящийся ковер...

На следующий день неподалеку от вчерашнего места Фалько и Гупиль увидели, правда вдаль, на фоне несколько иного морского пейзажа, целый крабий «конгресс». Затем мы отправились на северо-восток к острову Кад-Фарун и пока подготавливались к погружению, Лопес, обладающий зоркостью настоящего рыбака, обратил наше внимание на множество крабов, проплывающих вдоль борта. Вглядевшись в них, мы решили, что это те самые крабы с «конгресса» под Сокотрой. Маритано нам

рассказал, что он уже видел подобное шествие, когда «Калипсо» в течение целого месяца находилась на середине Гибралтарского пролива, производя замеры течений. Тогда целую неделю почти такие же крабы-пловцы беспрестанно проплывали вдоль ее борта. Стоило только опустить сачок, как он сразу же наполнился крабами. Мы с Фалько перемигиваемся: «Здесь тоже дно будет усеяно крабами... это уже становится довольно однообразным». Однако мы глубоко ошиблись. Погружаемся на глубину до 360 метров — ни одного краба! Вернувшись на корабль, первым делом подхожу к борту — крабы продолжают плыть мимо нас полным ходом! Течение здесь небыстрое, но все крабы плывут в одну сторону, явно направляясь к Сокотре, где происходит крабий «конгресс». Что за тайный инстинкт руководит ими, толкает их на столь длительное путешествие? Инстинкт продления своего крабьего рода? Это напоминает мне замечательную сагу об угрях, поголовно отправляющихся метать икру в Саргассово море... Должно быть, наши крабы тоже переживают навеянное временем года чувство любви.

На глубине 290 метров на узком карнизе, обрамляющем обрыв, среди крабов мы обнаруживаем какое-то бесформенное существо. Подплываем к нему — это вздутая плотная масса, восхитительно ловко маскирующаяся благодаря цвету и бугристости своей кожи. Даже с близкого расстояния нам с трудом удается разглядеть маленькие глазки и огромную пасть этого странного существа. У него смешной неподвижный хвостик. Решаем, что это рыба, но тут же обнаруживаем, что у загадочного животного две «лапы», напоминающие задние лапки таксы, — вероятно, это видоизмененные плавники. На голове две крохотные удочки, каждая с желтыми приманками. Когда мы приближаемся к чудовищу, чтобы дотронуться до него, оно нехотя отползает, медленно распрямляя то одну, то другую «лапу», тряся своими приманками, как бубенчиками. Это самое отвратительное существо, когда-либо виденное нами. Пробуем схватить его нашей гидравлической клешней.

Послушная каждому движению руки Фалько, стальная клешня вытягивается на метр перед нашими иллюминаторами, и «пальцы» из нержавеющей стали раздвигаются. Маневрируем, останавливаем клешню точно над нашей будущей добычей. Теоретически нам остается лишь сомкнуть «пальцы» клешни... Это было бы довольно легко сделать, если бы мы имели дело с неподвижным предметом, например с образцом породы. Но ухватить рыбу — задача не из легких... Даром, что наше страшилище было глупым — четырежды ему удавалось, правда с трудом, увильнуть от клешни, проскальзывая между «пальцами», прежде чем Фалько успевал их сомкнуть. Пятая попытка увенчалась успехом. Чудище было изловлено и отправлено в раствор формалина, чтобы в дальнейшем какая-нибудь компетентная лаборатория смогла опознать нашу морскую находку.

Акула-гигант

Акулы Красного моря и Индийского океана занимают большое место в воспоминаниях наших аквалангистов. Акулы бродят всюду, и их вездесущность доставляет порой немало хлопот и волнений. Опыт показывает, что одна или две акулы, вертящиеся у рифа или подводной скалы, не мешают работе, но в исключительных случаях, в которых мы еще недостаточно хорошо разобрались, стая акул может внезапно впасть в своеобразную истерию, и тогда это доставляет аквалангистам довольно много хлопот. Об этом я расскажу несколько позже. Для экипажа «блюдца» присутствие акул совершенно безопасно. Находясь под надежной защитой стальной оболочки, мы имеем возможность спокойно наблюдать за представлениями, которые разыгрывают эти восхитительные животные.

Встретив «блюдце» в верхних слоях, акулы обычно следуют за ним вниз и, как правило, покидают его, когда оно входит в зону холодных течений. Здесь нас встречают другие акулы, но того же вида. Рубеж между теплой и хо-

лодной водой служит тормозом только для вертикального, но не для горизонтального перемещения акул.

Чаще всего акулы подплывают к нашему «блюдцу», чтобы просто поглазеть на нас, стараясь, как правило, не попадать в луч света наших фар. Однако нет правил без исключений! Вблизи острова Сокотра, на глубине около 300 метров, где проходил крабий «конгресс», Фалько и Гупиль увидели, что к «блюдцу» несется акула. Она как слепая плыла прямо на прожектор и лишь перед самыми иллюминаторами развернулась, демонстрируя свою мощь! Это была бычья акула длиной 7—8 метров, весом около полутора тонн. Она трижды артистически продефилировала перед нашими кинокамерами и, внезапно испугавшись чего-то, пустилась наутек, сотрясая «блюдце» ударами своего мощного хвоста.

ПОДВОДНЫЕ КОМАРЫ

В заливе Таджура, в 30 милях от Джибути, с полукилометровой глубины на 7 метров над уровнем моря выступает коралловая банка. Это риф Араб. Во время четырнадцатого погружения «блюдец» сопровождало добрых три десятка акул. Рекордный эскорт! Возвращаясь с острова Сокотра, мы решили совершить еще одно погружение у Шаб-Араба и использовать акулубежище в виде клетки, откуда аквалангисты должны были заснять наше «блюдец», сопровождаемое акулами.

Первая попытка сорвалась. Гупиль, Томази, Дюандье и Коль с глубины 25 метров стали настойчиво требовать подъема на поверхность: на них напала стая в 50 акул. Только один аквалангист успел заскочить в акулубежище, остальные трое остались на крыше клетки у прожекторов и, встав спиной друг к другу, отчаянно оборонялись противоакульими дубинками и кинокамерами. Это эпическое сражение завершилось благополучно в три часа утра в кают-компании «Калипсо» за бутылкой коньяку.

Когда акулы плавают в одиночку или небольшими стаями, они ведут себя довольно трусливо, но когда их много, они храбреют, отвага и наглость возрастают пропорционально их числу, почти как у волков.

— Спустимся снова, — предложил Гупиль, — но только вдвоем, и на этот раз давайте предварительно на палубе запремся в клетку, затем уже погрузимся.

Предложение принято. На сей раз в «ныряющее блюдо» вместе с Фалько спускаюсь и я. Через несколько минут скользим в ночной морской глубине, освещаемые прожекторами акулоубежища. Подплыв к нему, мы оказываемся свидетелями ошеломляющего зрелища. Оба аквалангиста, Гупиль и Томази, побросав кинокамеры на дно клетки, стоят и странно жестикулируют. Оказывается, прожектор привлек внимание такого огромного количества микроскопических существ, что вода изрядно помутнела. Вокруг светильников кружит бесчисленное множество белых точек, точно мошкара вокруг фонаря в летнюю ночь.

Поднявшись на борт, мы узнаем, что подводные «комары» в полном смысле слова заели наших товарищей. Дело в том, что гидрокостюмы из мягкой резины они надели, а резиновые сапоги забыли обуть, и их лодыжки остались незащищенными. Укусов было так много, и они были так болезненны, что Гупиль и Томази орали под водой; подъем казался им вечностью, а на поверхности боялись не подержать их какое-то время на трехметровой глубине для обычной декомпрессии.

За несколько минут лодыжки наших аквалангистов превратились в сплошные кровоточащие раны... Позже Гупиль рассказывал мне, что проклятые «комары» с такой яростью впивались в эти самые лодыжки, что он был готов выскочить к акулам, которые вертелись вокруг клетки, только бы избавиться от этой мошкары.

«Преко́нтинент-2»

Первая часть задания «Калипсо» завершилась двумя погружениями «блюда»: одно в бурном течении у Джебел-Зебаира и другое у Майэтиба — в своего рода колод-

це глубиной 220 метров, полностью изолированном от моря. Теперь нам предстояло провести эксперимент большого масштаба: установить у рифа Шаб-Руми подводную базу «Прекоинент-2», где на дне моря будут жить и работать восемь человек. Все дни, что я провел в Париже и в Монако, улаживая различные административные вопросы и подписывая множество деловых бумаг всех цветов и оттенков, меня неотступно преследовали воспоминания и о рифах на головокружительной глубине, образующих причудливые стены, и о мощной пульсации морской жизни.

Сегодня я получил от своего помощника командира Алина из Порт-Судана телеграмму следующего содержания: «Разгрузка поселка окончена точка Спуск балласта начинаем завтра».

Наступило время вернуться к своей команде вместе с профессором Везьером и Фредериком Дюма. Мы остановимся в Риме, Хартуме и Порт-Судане, где нас ждут «Калипсо» и «Росальдо». Вечная история: «Придется отложить, нужно подождать...»

Выжженная планета...

14 июля 1963 года, Шаб-Руми. В этот праздничный день¹ (конечно, это чистое совпадение) танцуют от радости на улицах Парижа, в 5 тысячах километрах отсюда, но никакая радость не может сравниться с нашей, когда в 17 часов 15 минут три последних океанавта поднялись на поверхность после месяца напряженной жизни под водой.

Профессор Раймон Везьер, Клод Уэсли и Пьер Гильбер, ослепленные солнцем, о котором они успели забыть, выходят на ощупь из воды. Все столпились вокруг них, каждому хочется их обнять, слышится возбужденно-радостный смех, у многих слезы на глазах.

¹ 14 июля, день взятия Бастилии, — национальный праздник Франции. (Примеч. пер.)

Мы находимся в своего рода «салоне под открытым небом», сооруженном нами на корме «Росальдо».

Сравнительно прохладным напитком отмечаем успешное завершение эксперимента с «Прекоинтентом-2». Происходит встреча двух команд — той, что жила в подводном поселке, и той, что в изнуряющую жару не покладая рук трудилась на поверхности во имя осуществления этого эксперимента. Среди всеобщего ликования члены обеих команд делятся воспоминаниями.

В конце апреля оба наших судна встретились в Порт-Судане. «Калипсо» с «ныряющим блюдцем» прибыла из Джибути, «Росальдо» — из Ниццы с «домами» будущей подводной базы, 200 тоннами свинцового балласта, многочисленными ящиками продовольствия, запасными частями, компрессорами, электрогенерирующими агрегатами, а главное, с бесценными пассажирами — остальной частью нашей команды. Последующие дни были полны хлопот: пришлось бегать по всем докам за материалами, выгруженными с «Росальдо», вскрывать сотни ящиков и контейнеров, затягивать тысячи болтов...

Жара, дышать нечем, хоть бы легкий бриз подул! Вместо этого на нас обрушивается обжигающий ветер, он швыряет нам в лицо густой раскаленный воздух, как будто из огнедышащей печи, вздымает тучи песка и цемента. В этом пекле мы выгружаем и собираем диковинные металлические сооружения. Под невыносимо яркими лучами солнца светло-желтая окраска становится кричаще яркой. Ангар «ныряющего блюдца» похож на сказочного морского ежа гигантских размеров... Большой дом — на огромную морскую звезду... Нижняя станция, высотой более 6 метров, — на ракету. Временами нам кажется, что мы — исследователи межзвездных просторов, высадившиеся на выжженной планете.

Все три стальных гиганта — составные части «Прекоинтента-2». Габариты этих конструкций столь велики, что для преодоления выталкивающей архимедовой силы (их нужно удержать на дне моря), когда они будут заполнены газом, необходимо вмести в них несколько тонн

балласта. Мы выполняем эту каторжную работу, манипулируя в адской жаре свинцовыми болванками, размещая их всюду — под полом, за мебелью, на основаниях огромных опор наших домов. А 60 тонн балласта, предназначенные для ангара «блюдца», аквалангистам придется вручную перетаскивать под водой в установленное место. Позже, по окончании эксперимента, перед тем как мы начнем собирать чемоданы, предстоит повторить всю эту операцию в обратном порядке.

«И кто только вас надоумил заняться этим?»

Как-то вечером один из членов команды, изнуренный, но не потерявший чувства юмора, спросил меня: «И кто только вас надоумил пуститься в такую авантюру?» И верно, что же оправдывает такие гигантские усилия нашего коллектива? Зачем пытаться жить под водой?.. Пожалуй, прежде всего мне хотелось осуществить давнишнюю мечту человечества. Еще в древности, если верить легенде, Александр Македонский повелел опустить себя на дно моря в стеклянной бочке, дабы он смог обозреть чудеса морские. Но с тех пор люди стали более практичными, и наша конечная цель оказалась менее бескорыстной.

Мы поставили перед собой задачу — добиться, чтобы человек мог нормально жить и работать под водой на глубинах не менее 200 метров в течение месяца. Нам потребовалось от четырех до пяти лет, чтобы решить все проблемы, связанные с выполнением этой задачи.

Если мы сможем решить ее, то дадим в руки человека средства освоения просторов материковой отмели, то есть мелководий, обрамляющих большую часть суши и заканчивающихся порой очень далеко от побережья крутыми склонами, уходящими в ложе океана. Это континентальное плато — ставка в нашей битве за освоение морских глубин — в целом обширнее Африки.

Первый этап программы освоения морских глубин завершился операцией «Диоген» у берегов острова Поме

вблизи Марселя. Здесь в сентябре 1962 года впервые в истории человечества океанавты Альбер Фалько и Клод Уэсли провели целую неделю на глубине 10 метров, чувствуя себя при этом совершенно нормально. Они работали на глубине 25 метров по пять часов в сутки.

Второй этап — «Преко́нтинент-2». Это двойной эксперимент.

Мы хотим, во-первых, показать, что можно нормально жить целый месяц при давлении воздуха выше атмосферного на глубине 10 метров, работая на глубине 25 метров; во-вторых, положить начало погружениям на большие глубины, используя легкие дыхательные смеси (два океанавта должны по программе прожить неделю на Нижней станции на глубине 26 метров и работать без ограничений времени на глубине 50 метров).

Последующие этапы эксперимента откроют перед нами возможность дальнейшего освоения морских пучин. Возможно, лет через десять будут построены более крупные подводные поселки, постоянно действующие станции, где будут работать представители всех отраслей науки. Континентальное плато заселят тысячи мирных колонистов. Минеральные ресурсы подводных просторов смогут нормально эксплуатироваться, образцовые фермы позволят развить подводное сельское хозяйство и выгодно заменить им рыболовство. Территории суши, освоенные человеком, возрастут на целую четверть, что обойдется человечеству в десять раз дешевле, чем завоевание космоса.

Идеальный атолл

13 мая, Порт-Судан. Спущенная на воду глубинная станция покачивается у борта «Росальдо», готовая к отплытию. Свинцовый балласт, укрепленный на станции, сейчас не тянет ее ко дну, так как балластные отсеки наполнены воздухом и входная дверь в нижней части наглухо задраена.

«Калипсо» берет станцию на буксир и медленно-медленно отплывает. Бесконечно долго выходим из порта. Скорость судна едва достигает 2 километров в час. Наше место назначения — риф Шаб-Руми, всего на 27 миль севернее Порт-Судана; буксировка станции отняла у нас более суток.

Мы решили соорудить нашу базу в негостеприимном Красном море, потому что в этом далеком районе невыносимо жарко и влажно и нет никакого обслуживания мореходов. Если наш эксперимент удастся, то мы можем добиться тех же результатов в любой части света.

Чтобы выбрать строительную площадку, Альбер Фалько проводил погружения в течение нескольких недель, обследуя большую часть рифов на протяжении 80 километров. Нужно было найти на подходящих глубинах две горизонтальные площадки для сооружения Большого дома ангара и Нижней станции. Весь поселок при этом должен быть защищен рифом с подветренной стороны, находиться поблизости от места стоянки нашей плавучей базы «Росальдо» и в то же время быть не слишком удаленным от какого-нибудь порта, чтобы «Калипсо» могла совершать рейсы для пополнения запасов.

Фалько избрал Шаб-Руми, риф, расположенный в 27 милях северо-северо-восточнее Порт-Судана. Это, собственно, не риф, а целый коралловый атолл в форме чаши, выходящей из больших глубин вдали от двух преград, образованных прибрежными рифами.

Рифы атолла достигают самой поверхности моря, оставаясь едва скрытыми под водой, море здесь пенится даже в самую тихую погоду.

Большая голубая лагуна в кольце коралловых рифов, сообщаясь с открытым морем двумя узкими, но проходимыми проливами, оказалась почти идеальным местом. И все-таки потребовалось больше шести недель, чтобы приспособить ее для наших нужд.

Я не беру на себя смелость рассказать об огромных усилиях 45 членов экспедиции. Попытаюсь лишь воскресить в памяти некоторые «обыденные» эпизоды нашей жизни.

Порт-Судан. Только один еле дышащий паровой кран, оказывается, может спустить на воду наши стальные дома... Забастовка крановщиков... 2 тысячи свинцовых болванок, необходимых для закрепления Большого дома на подводном грунте, не удастся разместить под его основанием... Подводные земляные работы у рифа Шаб-Руми ведутся всем, что попадет под руку... Прокладка гигантских цепей и якорей для закрепления «Росальдо» в лагуне... Возведение на рифах своеобразной эстакады, эти леса из сваренных водогазопроводных труб, словно проложенных по поверхности моря... При спуске 4 тонн балласта для Нижней станции лопается трос, весь этот груз приходится поднимать с глубины 50 метров... Накануне эксперимента новые компрессоры вместо воздуха наполняют Большой дом густым маслянистым туманом... Трижды Нижняя станция срывается со своей площадки, скатываясь на глубину 45 метров, — наши электрики едва избежали гибели... У ангара «ныряющего блюда» внезапно складывается выдвигная опора, и он заваливается у самого края обрыва... «Росальдо» едва умещается в лагуне... Постоянные неполадки с электричеством... Утечка гелия на Нижней станции через уплотнение канала, в котором проложен телевизионный кабель...

Нам пришлось столкнуться со многими трудностями, но мы с ними справились. Если бы у нас не хватило хотя бы одного шурупа, эксперимент сорвался бы.

ОГНИ ЗАТОНУВШЕГО ГОРОДА

11 июля. Вечер. На самом дне трюма «Росальдо» вместе с Жаком Бурдом вожусь у огромной барокамеры многократной рекомпрессии. Механики и вспомогательный отряд аквалангистов в полном молчании запускают компрессор. Нервы у всех напряжены, атмосфера тревожная. Сжатый воздух со свистом врывается в камеру, стрелка манометра на глазах ползет вверх. В барокамере Даниэль Томази — третий пострадавший, он весь в поту. Наконец, когда давление достигает трех атмосфер, в динамике раздается знакомый немного гнусавый голос: «Алло, доктор, все в порядке, я больше ничего не ощущаю, рукой двигаю без труда, ничего не болит». Мы с Жаком Бурдом улыбаемся друг другу. Через три часа Даниэль выйдет из барокамеры целым и невредимым. Тогда-то мы и вкатим ему выговор за несоблюдение графика подъема... Это третий член экспедиции, которого выручает наша барокамера.

— Видите, доктор, — говорю я, — вот уже свыше трех недель океанавты живут под водой, работают не покладая

рук, а несчастные случаи происходили только с вспомогательным отрядом аквалангистов, то есть с теми, кто должен возвращаться на поверхность, с океанавтами же ничего подобного не случилось. Одного этого достаточно, чтобы оправдать постройку домов под водой!

Ободренный этой мыслью, выбираюсь на палубу, спрыгиваю с трапа на катер и отправляюсь к «Калипсо». Между эстакадой и моим судном на протяжении примерно 100 метров вижу под водой море танцующих огоньков. Время — 21 час. Океанавты выплывают из своих жилищ, вооруженные мощными прожекторами, тонкие лучи света рыскают по рифам, растворяясь у поверхности. Каждый вечер океанавты выходят на рекогносцировку, застают врасплох спящих рыб, наблюдают за подводными животными, которые выходят из своих укрытий лишь по ночам... Догадываюсь — это деформированные благодаря рефракции мерцающие огни Большого дома и ангара, а также лучи, исходящие от Нижней станции. Весь подводный поселок, как аэропорт, залит светом, когда океанавты плавают за его пределами или же когда «ныряющее блюдце» находится вне своего ангара. Мне кажется, что я пролетаю над каким-то затонувшим городом.

Наблюдая за морем и днем и ночью, океанавты оказались первыми свидетелями жизни подводного царства. Они ежедневно вылавливали и переправляли для Аквариума в Монако и для своей подводной лаборатории самых разнообразных представителей флоры и фауны этих мест.

Все с любопытством наблюдали за колониями «шагающих кустов»; от души смеялись над усердно работавшими рачками-бульдозерами. Случайно океанавты наткнулись на шишколобых рыб весом до 60 килограммов, сущих бизонов, которые с наступлением ночи разбредаются в свои индивидуальные жилища в расселинах рифов. На заре эти рыбины пробуждаются и совершают утренний туалет, купаясь в песке; затем собираются в косяки и устремляются под предводительством вожака к своим каменным пастбищам...

«Никто никогда не имел возможности наблюдать подводную жизнь так, как мы, — изо дня в день, из часа в час. В будущем необходимо сооружать непрерывно действующие подводные биологические лаборатории в ключевых районах», — скажет по окончании эксперимента профессор Весьер.

Бортовой журнал Большого дома

Прочтя следующие отрывки из бортового журнала, который вел океанавт Пьер Ванони, вы сможете себе представить, как проходили наши будни.

15 июня. Все мы очень сильно волнуемся. Нам кажется, что воздух здесь лучше и не может быть, несмотря на то, что дополнительная атмосфера давит нам на легкие. Наш Большой дом исключительно комфортабелен; бытовые приборы, которыми он оснащен, заставят побледнеть от зависти любую домашнюю хозяйку. Стены и пол дома обиты бархатистым трипом пастельных тонов, вся обстановка и цвет пола придают ему особый уют, постепенно завоевывающий сердца обитателей. Однако у дома есть и свои недостатки — это жара и влажность. То тут, то там обнаруживается короткое замыкание, мы еле успеваем справляться с этой бедой. Спать укладываемся к 22 часам.

16 июня. Непродолжительная вылазка на глубину 15 метров во второй половине дня. По выходе из дома сталкиваемся с нашей дежурной барракудой. После семейного ужина освещаем окрестности выдвигаемым прожектором. В салоне, откуда мы ведем наблюдение, свет выключен. Перед нами разворачивается волнующее зрелище. Некоторые рыбы просвечивают насквозь, и перед нами как будто проплывают картинки из учебника анатомии.

17 июня. Работу окончили в 19 часов. Доктор Жак Бурд ужинает с нами. Перед сном проходим небольшой медицинский осмотр. Фолько верен своей привычке: он перечитывает полученные письма, тут же отвечает на них.

Этот скромный приветливый человек всегда пребывает в хорошем настроении, для меня он — пример поведения в подводном общежитии.

18 июня. Абиссальный сон. Произвожу медленный подъем. К 9 часам всплываю на поверхность после длительной декомпрессии. Мы проходим период адаптации. Жак Ру устанавливает у нас ультрафиолетовые обогреватели, теперь мы будем принимать солнечные ванны ежедневно. После обеда Гильбер и профессор Весьер кормят рыб из рук. Можно подумать, что мы в Люксембургском саду, нет лишь маленьких девочек с серсо! В 21 час узнаем, что прибыла почта. Выходим за ныряющим контейнером с бесценным грузом, затаскиваем его к себе. Все заняты чтением писем. Отбой в полночь.

19 июня. Выплываю с Жаком Ру для прокладки электрических кабелей к площадке М. д. (Маленького дома). Во входном цилиндре уровень воды поднялся за 12 часов с 15 до 20 сантиметров. Такое повышение уровня можно объяснить лишь утечкой газа. Однако обнаружить ее долгое время не удастся. Наконец приходим к выводу, что газ просачивается через муфты кабелей.

20 июня. Наши резиновые матрасы покрываются зеленой плесенью. Простыни все время влажные. Ждем с нетерпением установки кондиционеров.

21 июня. У всех, кроме Клода Уэсли, побаливают уши. Боль у большинства в слуховом канале. Подозреваем, что виновниками тому — вентиляторы, направленные нам прямо в голову. Врач скептически относится к этому предположению.

Электрики упорно борются с проникновением влаги в электропроводку. Они выигрывают бой при помощи различных ухищрений, но борьба проходит с переменным успехом, и до полной победы еще далеко. Бернар Марселен использует старый избитый прием: ругает своего «противника», не утруждая себя подбором слов.

22 июня. Ночью затопило Маленький дом. К счастью, он еще не был заселен. Это событие нас очень удручило и озадачило, настроение у всех упало. Через несколько ча-

сов узнаем от командира, что это авария местного характера. Эксперимент на глубине 25 метров не сорван. Он лишь начнется несколько позже.

24 июня. Сегодня у меня сумрачный и печальный день. Мысли все время сосредоточены лишь вокруг ноющего уха — боль тупая и неотвязная.

Обнаружены микроорганизмы, взвешенные в воде.

Разговор вертится вокруг того, какие меры следует принимать, чтобы не потеть.

У нас сегодня было много посетителей, принесших последние новости из Франции.

25 июня. Бессонная ночь, мрачный день. Успокаиваю себя тем, что у меня лишь два уха.

28 июня. После полудня совершили превосходное погружение в синие глубины. Наш профессор, выплыв с неполными баллонами, внезапно оказался без кислорода. Клод Уэсли на ходу передал ему свой загубник...

Спинорог — рыбина, прирученная Пьером, снова подплывает к иллюминаторам нашей гостиной, дабы посмотреть и удостовериться, что все это не сон. Смеемся от души, прочитав в одном научном труде, что спинороги — особенно боязливые рыбы, никогда не клюют на приманку и поэтому изучать их в рифах можно, лишь пользуясь взрывчаткой или ядом. Автор, возможно, пересмотрел бы свою точку зрения, окажись он среди нас.

30 июня. Профессор Вельер установил, что каранксы странно ведут себя в присутствии разноцветных плит. Эти плиты, расположенные среди кораллов для научных целей, оказались необычайно красивыми. Клоду Уэсли удастся даже прикоснуться к свирепым каранксам, которые необычно ведут себя, когда находятся вблизи прямоугольных плит, окрашенных в фиолетовый цвет.

Вечером угощаюсь кружкой пива — в качестве эксперимента: пиво нам противопоказано; даю себе слово продолжать эксперимент со всей тщательностью и строгостью. Рассчитываю на демистификацию того, что мне кажется научным заблуждением.

1 июля. Производим уборку дома — повседневная рутина. Но сегодня это имеет особое значение. К нам на ужин приглашен командир. Он приплывает не с пустыми руками: после ужина пьем шампанское. При давлении в две атмосферы оно немного меньше играет, но вкус его остается превосходным.

5 июля. Итак, Кьензи и Андре Портлатин сегодня уплывают в свое глубинное обиталище. Они с аппетитом позавтракали с нами. У них отличное настроение, это оживляет нашу трапезу.

Вечер. Веселый праздник сардинок-мальков, привлеченных светом нашей фары. Они образовали светящееся подвижное облако, которое искрится, кружится, распадается и тут же вновь возникает. Время от времени этот живой комок пронизывает подводный «метеор» с развернутой пастью.

6 июля. Температура и влажность воздуха резко возрастают. К вечеру вновь наступает явное переутомление. Еще вчера по ряду симптомов я почувствовал, что со мной творится что-то неладное. Слегка кружится голова, когда я выпрямляюсь или встаю. После обеда ложусь вздремнуть на пару часов — невероятный случай для меня — и встаю бодрым. А ночью расплачиваюсь бессонницей за свой поздний дневной отдых.

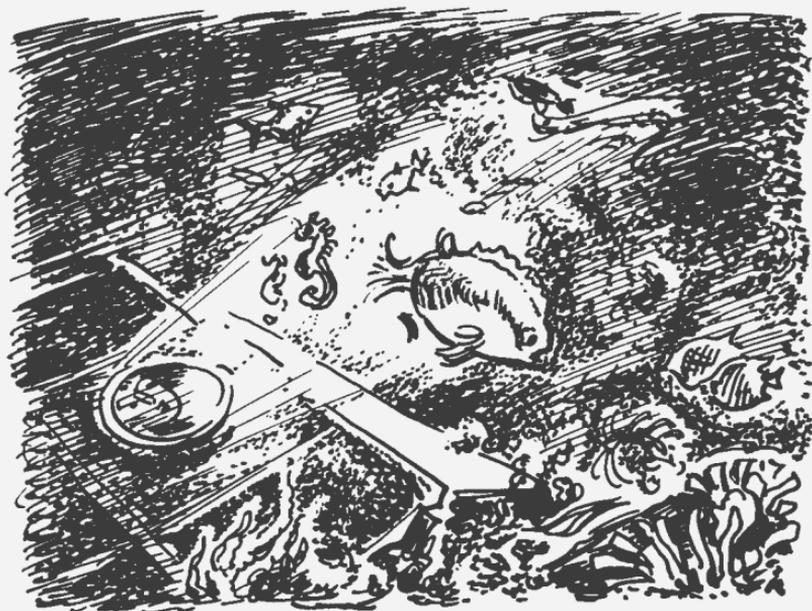
7 июля. Сожалею, что я порой забывал о неумолимом течении времени. Боюсь, что если придется через неделю подняться на поверхность, то я не успею всего увидеть и прочувствовать. Сегодня посетили Маленький дом. Наши голоса изменились из-за особого состава атмосферы на станции, они стали до смешного высоки и как-то странно звучали. Когда кто-нибудь смеялся во все горло, то казалось, что он истерически взвизгивает и всхлипывает.

9 июля. Наша подводная командировка подходит к концу. Откровенно говоря, мы не рассматриваем наш выход на поверхность как облегчение. Продолжить наш опыт было бы нетрудно, но это излишне и ничего нового

не дало бы. В 14 часов внезапно появилась в нашем доме мадам Кусто.

10 июля. Сравнивая нашу жизнь с жизнью на борту корабля, мы испытываем угрызения совести, потому что нам предоставлены преимущества, которых больше достойны наши друзья, работающие на поверхности. Мы розовощеки, сыты, беззаботны, они же худеют с каждым днем.

11 июля. Ко всему, что мы делаем, примешивается чувство тоски по дому. Завтра завершится наше чудесное приключение.

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ НИЖНЕЙ СТАНЦИИ

На Нижней станции обстановка значительно более сурова: отсутствие кондиционеров, большая глубина, меньшие размеры жилища, слабо проникающий свет. Здесь дни кажутся грустными и пасмурными. Этот опыт — испытание стойкости духа подводников. Один из глубинных океанавтов — Кьензи — по-своему выразил это в бортовом журнале.

5 июля. Первые «банные» сутки.

Телефон не работает, холодильник тоже бездействует. Аварийный кран подачи кислорода вышел из строя. Температура $+31^{\circ}$.

Так наш дебют в Маленьком подводном доме. Пора устраиваться. Легкий ужин — и мы ложимся спать в 19 часов 30 минут. Но заснуть никак не можем: пот льется ручьями всю ночь. К 22 часам обнаруживаем утечку кислорода через шлюзовую камеру. После проверки подачи кислорода приходим к выводу, что расход кислорода слишком велик, и мы его уменьшаем.

6 июля. Температура +31,5° С.

Беспокойная ночь. Помимо всяких утечек, которые нас то и дело тревожат, мы не можем заснуть из-за беспрестанно струящегося пота. Андре не сомкнул глаз. Завтрак — кофе с молоком и варенье для меня. Андре ничего не ест, кофе пришелся ему не по вкусу на глубине 25 метров.

Андре делает вылазку со мной, но потом усиливающаяся боль в ушах заставляет его остаться дома.

Большую часть времени нахожусь снаружи, пока не иссякает запас воздуха. В воде чувствую себя значительно лучше. Поразительно то, что здесь можно совершать неограниченные по времени прогулки до 50-метровой глубины. Я решил максимально использовать эту возможность и опорожнил один за другим 12 баллонов. Обнаружил большое количество тунца, две акулы и, конечно, нашу дежурную барракуду. Вода, довольно прозрачная по утрам, к концу дня становится совсем мутной.

В полдень обед — помидоры на холодную закуску, затем индейка, которую мы называем страусом пустыни (так она тверда), горошек, сыр, фрукты и вино. Аппетит превосходный.

После обеда опустошаю еще 12 баллонов.

7 июля. Все еще большая влажность. Малейшее движение — и мы покрываемся испариной. С утра я сделал несколько выходов и дважды столкнулся с двумя акулами, одна из них — более крупная — вела себя подозрительно, и я некоторое время с тревогой следил за ней.

Постепенно знакомимся с окрестностями Нижней станции. Жаль, что расстояние, на которое мы можем отплывать от нее, ограничено запасом воздуха в баллонах. Ежедневно нас посещает врач, он всегда поражает нас своим неиссякаемым юмором и самоотверженностью.

После обеда мы совершаем небольшую прогулку, чтобы проветриться. Ночью при свете глаза у акул горят, как у кошек.

8 июля. Сегодня утром мы выкрали у Нептуна два черных коралловых дерева¹ и теперь испытываем угрызения совести, правда небольшие. Едим мало, а если и садимся за стол, то больше по привычке. Мы не испытываем больше чувства голода или жажды. Провизия накапливается в таких количествах, что вскоре мы сможем выдержать любую осаду в нашей подводной крепости. Андре пытается закурить, но оказывается, что на глубине 25 метров вкус у сигареты отвратителен.

9 июля. Температура +32°.

Ночь спал хорошо, Андре плохо. После завтрака, от которого обычно пот струится ручьями, мы делаем вылазку, чтобы освежиться. Вода на протяжении 60 метров мутная. Выгнали акулу из логова, подергав ее за хвост. Пытался сфотографировать ее, но она оказалась проворнее меня. Эта шутка пришлась акуле не по вкусу, и вид у нее был весьма испуганный. На обратном пути наткнулись еще на двух акул, которые даже не подпустили нас близко. Сегодня наша традиционная ночная прогулка завела нас немного дальше обычного. В этой чернильной мгле мы обнаружили массу фосфоресцирующих глаз, но мне не удалось установить, акулы ли это.

10 июля. Температура +31,5°.

Утреннее погружение привело нас к краю отвесной пропасти глубиной 300 метров. Вода до глубины более 60 метров все еще мутная, затем становится прозрачнее. В полдень распиваем бутылку вина из запасов «Калипсо», Андре находит, что оно лучше «водицы» с «Росальдо».

Остатки завтрака мы отдали на съедение рыбам. По этому случаю групер проглатывает вместе с угощением и пластмассовый мешочек. Впервые с начала нашего пребывания на Нижней станции мне удается поспать около двух часов после нашей прогулки.

11 июля. Впервые сегодня ночью нас прошиб холодный пот, и это при температуре +31°! Вероятно, результат переутомления.

¹ Очевидно, имеются в виду крупные колонии восьмилучевых горгониевых кораллов. (Примеч. ред.)

После завтрака мы совершаем наше последнее погружение. Вода на 100-метровой глубине удивительно прозрачная, видимость здесь не менее 30 метров.

К сожалению, мы не можем оставаться «снаружи» долго: ограниченный запас воздуха в наших аквалангах вынуждает нас не уплывать далеко от Нижней станции; кроме того, мы обязаны помнить о такой опасности, как глубинное опьянение. В нашем положении малейшая оплошность может оказаться роковой. И все-таки я никогда еще не совершал так много рискованных погружений.

В глубине души я рад, что наш эксперимент подходит к концу, но, с другой стороны, мне жаль, что мы не смогли увидеть и четверти того, с чем следовало бы нам ознакомиться.

Сегодня вечером я наверняка смог бы сфотографировать превосходную двухметровую акулу, будь у меня с собой фотоаппарат. Она лежала на песке, и я мог бы даже подергать ее за хвост, поскольку находился в нескольких шагах от нее. Но я был один и потому не осмелился это сделать: а вдруг она проснется в плохом настроении? На глубине 70 метров такая шутка может привести к весьма неприятным последствиям.

12 июля. Последняя «банная» ночь. Заснуть невозможно. Мы не сомкнули глаз ни на минуту. Чтобы скоротать время, медленно и тщательно бреюсь, несколько раз чищу зубы. Андре читает. Затем выхожу, чтобы искупаться и посмотреть, что делается снаружи. В 11 часов 30 минут начинаем дышать азотно-кислородной смесью. Наконец в 15 часов выход. Двухминутная остановка для декомпрессии сперва на глубине 20—15 метров, а затем получасовая — на глубине 12 метров. Остановка в Большом доме, где проводим ночь. Завтра будем на поверхности.

Символическая годовщина

Вот уже пять месяцев, как Симона Кусто на борту «Калипсо», стойко переносит жару и влагу, заботится о пополнении запасов нашей базы, поддерживает светские отно-

шения с местными властями, помогает врачу лечить нашу команду в 45 человек от больших и малых недугов. 9 июля, очень усталая, она решила отдохнуть... в Большом доме нашего подводного поселка. Она решила пробыть там пять дней и стать, таким образом, первой женщиной-океанавтом.

12 июля повидался с Симоной в Большом доме. В 11 часов 30 минут спускаюсь к Нижней станции, чтобы проследить за тем, как Раймон Кьензи и Андре Портлатин вдыхают специальную смесь, состоящую наполовину из кислорода и наполовину из азота. Они смогут подняться в Большой дом только после того, как в течение трех часов будут вдыхать эту смесь через маски. Первый час провожу с ними, затем присоединяюсь к океанавтам «высшего уровня». Обед завершается тортом и шампанским, сегодня у нас с Симоной двадцать шестая годовщина свадьбы, для нас это празднование символично, так как оно проходит в кругу наших друзей-океанавтов, да еще на дне моря.

В 16 часов, когда Пьер Ванони и Андре Фолько уже дышат смесью из 80% кислорода и 20% азота для всплытия на поверхность, наши глубинные океанавты Кьензи и Портлатин попадают в распростертые объятия жильцов Большого дома. Несмотря на все трудности пребывания на Нижней станции, они чувствуют себя хорошо и проведут ночь здесь.

В 17 часов Пьер Ванони и Андре Фолько поднимаются на поверхность, я их сопровождаю.

На следующий день, 13 июля, наступает очередь Кьензи и Портлатина. С Симоной остаются лишь три океанавга. Они покинут Большой дом четырнадцатого. Подобное пошелонное возвращение на поверхность диктуется благоразумием: в случае если понадобится камера рекомпрессии, все сразу не смогут в ней уместиться.

25 июля. Укладываем вещи. После демонтажа оборудования и поднятия свинцового балласта ангар «ныряющего блюдца» останется в Шаб-Руми как немой свидетель наших подводных приключений. Все остальные сооруже-

ния будут подняты на поверхность, разобраны, упакованы, отбуксированы, погружены на «Росальдо».

«Калипсо», так же как и «Росальдо», заполнена весьма причудливым грузом: целыми кустами кораллов, разнообразными раковинами, гигантскими ветвями черного коралла... Подавленные жарой, измученные, страстно желая вернуться поскорее домой, мы все же смотрим на наш риф с чувством грусти.

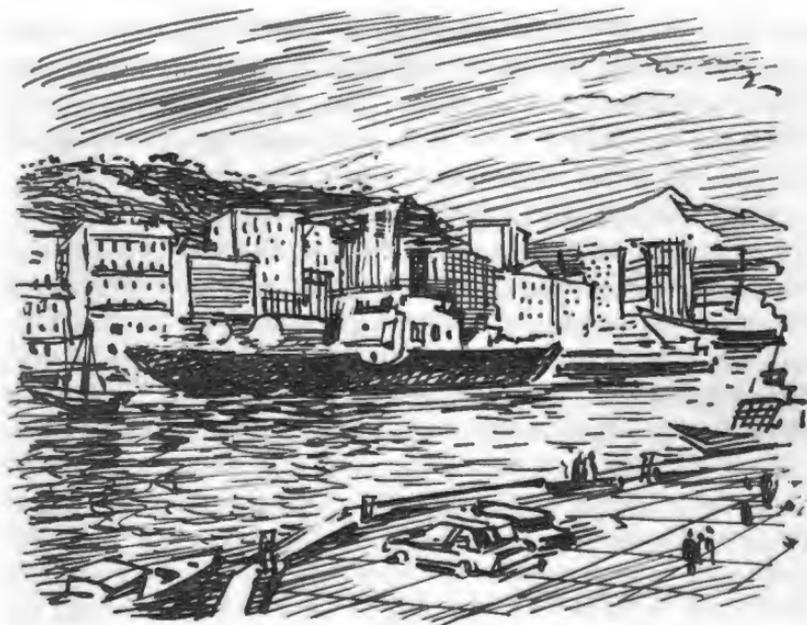
Шаб-Руми... по-арабски это означает «риф римлян». Откуда это название? Может быть, тайну поможет нам раскрыть найденная здесь чудесная древняя амфора, инкрустированная кораллами. Быть может, греческие или римские мореплаватели были в этих местах еще до нашей эры и их корабль затонул в том самом месте, где мы основали наш подводный поселок «Прекоинтент-2»...

Сценарий фильма «Мир без солнца»

Мы намереваемся опустить на дно Красного моря четыре здания, которые собираются из стальных панелей, изготовленных в Ницце. Это ангар «ныряющего блюда», названный «Морским ежом», — своего рода станция обслуживания, здесь будет место стоянки и заправки нашей миниатюрной подлодки.

Это Большой дом, или «Морская звезда», — здесь в течение целого месяца будут жить океанавты. Затем склад для инструментов и Маленький дом, иначе Нижняя станция, на которой два человека должны будут прожить неделю. Маленький дом предполагается опустить на 25-метровую глубину. Остальные сооружения будут расположены на глубине 10 метров.

Построив этот подводный поселок, мы хотим доказать, что человек под водой может жить и работать длительное время. До сих пор водолазы и аквалангисты вынуждены были при всплытии неоднократно останавливаться на разных уровнях, чтобы дать возможность организму освободиться от азота, накопившегося во время погружения в кровеносных сосудах и во всем организме.

Из-за таких «остановок» водолазы могут работать под водой всего два-три часа из шести.

Погружаться на глубину более 90 метров человек не рискует из-за боязни подвергнуться глубинному опьянению, потерять сознание и погибнуть. Наши океанавты будут находиться в значительно лучших условиях с самого начала работы. Им не надо будет всплывать на поверхность, следовательно, им не придется иметь дело с уровнями декомпрессии.

Жители Большого дома смогут эффективно работать по шесть часов в сутки под водой на глубине от 10 до 30 метров, а вернувшись «домой», тут же снять свои гидрокостюмы и акваланги.

Жители Нижней станции смогут работать под водой на больших глубинах — от 25 до 50 метров, а иногда опускаться и до 100 метров.

Но пока все это еще впереди. Ночью на автоприцепе перевозят «Морского ежа». Под погрузкой уже находится Нижняя станция, которую легко узнать по ее ракетобразной форме.

«Росальдо» — маленькое итальянское судно, зафрахтованное на время экспедиции. Оно служит для переправки в Красное море составных частей подводного городка и группы наших аквалангистов. Это грузовое судно оказалось хотя и малокомфортабельным (ни единого кондиционера), зато надежным.

«Морская звезда» — наш Большой дом — уже была перевезена и погружена в собранном виде на носовую часть «Росальдо». Издали «Морская звезда» похожа на огромное морское животное, которое прижалось к земле, распластав плавники и вытянув вперед голову. На дно Красного моря ее опустят на выдвигаемых опорах. Нижнюю станцию установили вертикально в заднем трюме. Здания будущего подводного поселка — всего лишь часть груза «Росальдо». Здесь находятся также сотни ящиков с электрооборудованием, насосами, компрессорами, мебелью, пультами управления и другими предметами, необходимыми для подводного поселка, и 200 тонн свинцовых чушек, с помощью которых основные здания поселка закрепят на дне.

За несколько недель до отплытия «Росальдо» в Красное море отплыла «Калипсо» — старый американский тральщик водоизмещением 360 тонн. Это судно было приобретено на Мальте после войны и полностью переделано для наших экспедиций. Во время наших работ в Антибе мы снабдили его форштевнем со входной шахтой для спуска в кабину подводных наблюдений, водолазным колодцем в камбузе, эхолотом, радаром, двумя дизельными двигателями по 600 лошадиных сил, площадкой и, наконец, алюминиевым наблюдательным мостиком, который оказался очень полезным, поскольку он давал возможность визуально ориентироваться, когда корабль проходил между рифами. «Калипсо», став нашим океанографическим судном, участвовала во многих экспедициях: сперва в Средиземном море и Атлантическом океане, а затем в Красном море, в 1951, 1952, 1954 и 1955 годах. Вместе с кинематографистами-подводниками, в распоряжении которых были акваланги и подводные скутеры, мы

смогли снять фильм «В мире безмолвия» во время нашего плавания на «Калипсо» в 1955 году от Тулузы через Аден до Мадагаскара и Сейшельских островов (всего 15 тысяч миль). А теперь, преодолев то же расстояние, мы перевозим на «Калипсо» нашу чудесную миниатюрную подводную лодку «Дениз». Она своим круглым и плоским корпусом, на котором умещается лежа рослый мужчина, глазами-иллюминаторами, антеннами, фарами, соплами реактивного водометного двигателя и вполне реальными подводными аксессуарами напоминает фантастическое «летающее блюдце».

Еще раз, кажется, восьмидесятый, «Дениз» погрузилась на глубину от 200 до 300 метров. На этот раз командир Кусто не вошел в состав экипажа «блюдца». Находясь на палубе «Калипсо», он с микрофоном в руке комментирует для французского радио и телевидения процесс погружения.

За спуск «блюдца» на воду и возвращение его в док отвечает Кристиан Бонничи — один из наших молодых аквалангистов. «Дениз» опускается в водную стихию. Бонничи в маске и резиновых ластах ложится на опускающееся под воду «блюдце» и быстро отцепляет удерживающий его строп с тремя крюками, затем он налегает всем телом на корпус «блюдца», чтобы помочь ему отплыть от «Калипсо».

Наконец «Дениз» всплывает! Бонничи несется к ней во весь дух на алюминиевой моторке, ныряет и, приблизившись к «блюдцу», крепит нейлоновый канат, а затем пропускает его через шкив на стреле гидравлической лебедки. В то время как Бонничи закрепляет строп, другой член экипажа с палубы мало-помалу подтягивает «блюдце».

Стоя на коленях на краю только что всплывшего «блюдца», Кристиан Бонничи, воспользовавшись легкой килевой качкой, быстро просовывает крюк гидравлического подъемника в петлю стропа. Это самый ответственный момент «выуживания» «блюдца». Крановщик на палубе должен тотчас же оторвать «Дениз» от поверхности

воды, чтобы гребень волны не обрушился на нее — на море сегодня не очень спокойно. «Калипсо» слегка покачивается. Жак Ру с помощью Бонничи, который только что поднялся на палубу, направляет подвешенное на крюке «блюдец» к специальной подставке на задней палубе. Несомненно, океанавтам будет гораздо удобнее вливаться в своем «блюдец» в подводный ангар.

Итак, после очередного погружения наша миниатюрная подводная лодка вновь на задней палубе «Калипсо». Отсюда Ру и командир Кусто наблюдают за установкой «блюдца» и переговариваются по телефону с обоими членами экипажа, лица которых видны в иллюминаторах. Теперь, когда работа подводников завершена, они стремятся поскорее выйти из своей скорлупы, тем более что под палящими солнечными лучами жара в желтом «блюдец» становится невыносимой — кипящий котел, да и только. В то время как Поль Зуэна маневрирует лебедкой, Кристиан Бонничи, ползая по «блюдцу» на четвереньках, старается побыстрее снять строп.

— Можно выходить? — спрашивают подводники.

— Выходите, — отвечает Жак Ру по телефону.

Через несколько секунд приподнимается крышка люка, и появляется командир «блюдца» Альбер Фалько, по его лицу струится пот.

Альберу Фалько 35 лет, у него за спиной 20-летний стаж подводного плавания. Он с давних пор прослыл мастером-аквалангистом. Альбер Фалько вместе с Фредериком Дюма — он и сегодня в одном строю с командиром Кусто — был одним из главных участников экспедиции 1955 года, во время которой снимался фильм «В мире безмолвия». В сентябре 1962 года он вместе с Клодом Уэсли пробыл целую неделю в стальном цилиндре на глубине 10 метров около Марселя, став, таким образом, одним из первых двух океанавтов в истории человечества.

В этой экспедиции Фалько не только водитель «ныряющего блюдца», он также несет ответственность и за водолазную службу на «Калипсо». На корме корабля

вывешена доска, где для каждого участника экспедиции указаны глубины и длительность погружений в акваланге. Фальшко часто можно видеть у этой доски. Он-то прекрасно знает, что разрешено, запрещается, предписано новичкам при подводных исследованиях в каждом отдельном случае.

В ясные дни между двумя погружениями «блюдец» находится на задней палубе «Калипсо», когда же погода портится, его опускают в трюм. На верхней палубе остаются лишь бочки со специальным маслом для заполнения контейнеров аккумуляторных батарей и тара поменьше, содержащая запасы гранулированной натронной извести для поглощения углекислого газа, выдыхаемого подводниками в «блюдец».

Арман Давсо, конструктор фото- и киносъёмочной аппаратуры «ныряющего блюда», пришел передохнуть на часок на мостик «Калипсо». Он составляет компанию начальнику хозяйственной части судна Анри Пле по прозвищу Дядя, который исполняет обязанности вахтенного офицера; в данный момент он, кажется, весьма заинтересовался показаниями радара. В штурманской рубке в это время Кусто с Роже Маритано, капитаном «Калипсо», намечает места, наиболее интересные для погружения «ныряющего блюда». Накануне отплытия в эту экспедицию послужной список «Дениз» насчитывал 70 глубинных погружений со дня ее первого выхода в море в 1959 году. С 11 марта 1963 года, со дня начала новой серии испытаний в Красном море, этот список пополнился еще 20 погружениями.

Порт-Судан: конец апреля — начало мая 1963 года. В главном порту Республики Судан, Порт-Судане, происходит встреча наших двух кораблей — «Калипсо», прибывшей из Джибути с «блюдцем», и «Росальдо» — из Ниццы с домами и материалами нашей будущей подводной базы.

Высококвалифицированные моряки, техники и ученые — всего 52 члена экспедиции — собрались здесь, что-

бы осуществить грандиозный эксперимент с подводной базой. Через несколько недель мы рассчитываем основать и заселить подводный поселок. Все наши надежды и мечты о будущем связаны с результатами этого волнующего предприятия.

И вот руководящая группа нашей экспедиции вновь собралась. «Военный совет» вырабатывает план действий по выгрузке и установке подводного городка.

Ныне помощник, а впоследствии заместитель командира Кусто Жан Алина возглавляет первый этап операции. На палубе «Росальдо» — «Морская звезда», огромное сооружение, имеющее 10 метров в пролете и от 2 до 3 метров в ширину. Теперь дело лишь за 25-тонным паровым краном, который должен причалить к левому борту «Росальдо», чтобы поднять и опустить на воду нашу «Звезду».

Между тем оба генератора, предназначенные для снабжения электроэнергией подводной базы, погружены на понтон.

Выгрузка нашего «Морского ежа» — будущего подводного ангара «ныряющего блюдца» — доставляет нам меньше хлопот, так как еще перед отплытием из Ниццы он был разобран на секции. Кран поднимает со дна трюма одну за другой секции ангара; за разгрузкой следит капитан Кристиан Перьен, наш консультант по мореплаванию.

Все члены экспедиции вместе с суданскими докерами работают не покладая рук.

Какая это тяжелая работа! Перетаскивать и вскрывать сотни ящиков, монтировать раскаленные солнцем стальные листы, затягивать болты. А ветер с песком так и обжигает, так и душит. Порт-Судан в эти дни — настоящая печь!

Недалеко от «Росальдо» плавает спущенный на воду Большой дом, имеющий форму четырехконечной звезды. Предварительно задраенный нижний люк «Морской звезды» позволяет ей держаться на поверхности воды. Именно через этот люк океанавты будут проникать в Большой дом после его погружения на дно; он поможет им переходить из водной среды в воздушную. Из предосторожности два больших проема из плексигласа, заменяющие в подводном доме окна, также покрыты двумя кусками толя. Зато в центре самой верхней части «Морской звезды» оставлен, тоже временно, круглый проем. Через этот люк техники, подставляя лесенку, спускаются в Большой дом, пока он находится на плаву, и занимаются установкой различных устройств.

В данный момент два электрика работают в Большом доме, это Луи Биджо и инженер Алексис Сивирин.

Сивирин — член исследовательского центра, основанного в Марселе в 1953 году под названием Управление французских подводных исследований, где определяется, какие материалы и оборудование нам могут понадобиться во время экспедиции. Идет монтаж приборов центрального пульта управления «Морской звезды».

В то время как большая часть персонала была занята разгрузкой «Росальдо» и монтажом будущих домов подводного городка в Порт-Судане, «Калипсо» направилась на поиски наилучшего места для погружения всего городка. Нужно было найти недалеко от порта и на подходящих глубинах (от 10 до 25 метров) сравнительно ровные террасы и удобное место для стоянки «Росальдо».

После неоднократных погружений вдоль рифов Альбер Фалько наконец-то выбрал строительную площадку для нашего подводного городка — в 27 милях севернее Порт-Судана и примерно в 5 милях от берега.

Шаб-Руми — атолл, это коралловое кольцо, едва скрытое водой. Лагуна внутри кольца двумя проливами связана с Красным морем. Один из проливов оказался достаточно широким, и «Росальдо» удалось войти в лагуну.

Наша первая подводная база представляла собой обыкновенный стальной цилиндр размером 5 на 2,5 метра, в нем в сентябре 1962 года Фалько и Уэсли провели неделю на глубине 10 метров в открытом море вблизи Марселя. Мы окрестили эту базу «Преко́нтинент-1». Подводный поселок, который намечалось опустить на глубину 10 и 25 метров в Красное море, мы назвали «Преко́нтинент-2». В нем восемь человек смогут жить и проводить подводные исследования континентальной отмели.

Коралловое кольцо Шаб-Руми покрыто водой всего лишь на 30—50 сантиметров. При такой глубине невозможно пересечь атолл вплавь или на лодке, не рискуя напороться на риф, а пройти по коралловому дну не позволяет сильная изрезанность рифов. Наша первоочередная задача — доставить партию легких металлических труб, используемых обычно как строительные леса. Из таких труб здесь сооружается эстакада, которая даст возможность пройти над кораллами, не заходя в воду, и проложить в благоприятных условиях электрические кабели и воздухопроводы. Тогда будет налажена связь «Росаль-

до», стоящей на якоре в лагуне, с подводным поселком, находящимся за грядой рифов. Металлическая эстакада, сооруженная под руководством капитана Роже Маритано и инженера Алексиса Сивирина, названа «Мостом через реку Квай»¹.

Терраса для строительства верхнего этажа «Преконтинента-2», которую обнаружил Фалько, находится на подходящей глубине — 11,5 метра. Но она оказалась недостаточно ровной и просторной для устойчивой и прочной установки таких сооружений, как «Морская звезда» и ангар для «блюдца». Поэтому нашим аквалангистам приходится вести настоящие земляные работы, которые затруднены тем, что они совершаются в состоянии невесомости, в среде в 800 раз тяжелее воздуха.

Ориентируясь по желтым поплавам при нивелировке подводной террасы, аквалангисты разравнивали песчаные отмели и «выкорчевывали» коралловые кусты. Когда ломы, кирки и молотки не помогали, использовался своеобразный бульдозер, связанный тросом с лебедкой на борту «Калипсо». Все аквалангисты были заняты на этих подводных работах несколько дней.

Порт-Судан, 13 мая 1963 года. Первой готова к буксировке глубинная станция. Это своего рода ракета с закругленной вершиной и плоским основанием; ее диаметр равен приблизительно 2 метрам, высота — 6 метрам. Это сооружение нужно будет поставить вертикально на одну из подводных площадок в районе Шаб-Руми на глубине 30 метров.

«Калипсо» только что снялась с якоря и буксирует на малой скорости наполовину погрузившуюся в воду Нижнюю станцию; последняя держится на поверхности моря за счет воздуха в балластных отсеках.

Но вот настал момент освободить отсеки. Командир Кусто, Поль Зуэна, Раймон Коль и Кристиан Бонничи

¹ Роман современного французского писателя Пьера Буля, по которому поставлен одноименный фильм. (*Примеч. пер.*)

присутствуют при продувке. Маленький дом погружается в воду, но не тонет; виднеется только круглая крыша.

Оба верхних отсека станции заполнены воздухом наподобие водолазного колокола. А нижний отсек, через который будут входить океанавты, прежде чем снять с себя акваланги, заполнен водой. С внешней стороны этого этажа установлены длинные баллоны с гелием, и жильцы станции смогут пользоваться ими, чтобы поддерживать или повышать давление газов в верхних отсеках.

Нижняя станция, нагруженная соответствующим балластом, на толстом нейлоновом канате с помощью лебедки постепенно погружается в море. Раймон Кьензи, один из двух будущих жителей станции, надел акваланг и последовал под воду за своим новым домом. Плавая и ныряя на уровне первого этажа нашей станции, он сопровождает ее, одновременно наблюдая за погружением.

Кьензи снабжен подводным радиотелефоном, входящим в комплект оснащения наших аквалангистов. Приемное и передающее устройства радиотелефона находятся в цилиндре, закрепленном на бедре океанавта, микрофон вмонтирован в его маску.

— Алло, на «Калипсо», слышите ли вы меня?

— Слышим тебя хорошо.

Нижняя станция, опускаясь вдоль крутого обрыва, почти достигла глубины, на которой мы рассчитывали ее установить. Только теперь мы сможем подвести к ней различные телевизионные кабели, телефонные и электрические провода, которые соединят станцию с остальной частью городка.

Наши аквалангисты выполняют эту сложную работу. Один из них готовится «переступить» гидropорог, чтобы проникнуть в нижний отсек Маленького дома, а затем по лестнице попасть в следующие два верхних отсека, куда вода не проникает. На нем все необходимое снаряжение аквалангиста: маска, баллоны сжатого воздуха, прикрепленные к спине, резиновые ласты на ногах, охотничий нож, который может служить ему и молотком, и ножом, и отверткой.

В это время на борту «Калипсо» Антуан Лопес в присутствии Кусто и Фредерика Дюма закладывает в поток свинцовые чушки для закрепления Нижней станции на дне.

Нижнюю станцию едва уместили на единственном уступе на 25-метровой глубине. Поэтому наш Маленький дом надо было поставить на якорь или пришвартовать к скале. Но скальное основание под тяжестью свинцовых чушек осело, опоры обломились, станция качнулась и стала опускаться. Одновременно оборвались электрические кабели, подсоединенные к станции с таким трудом! Но несчастный случай, который мог бы иметь роковой исход, произошел позднее. Вот как это было.

Двое электриков, Пьер Сервело и Жак Ру, спустились в аквалангах к Нижней станции, чтобы устранить обрывы. Раймон Коль, значительно более опытный аквалангист, чем наши электрики, сопровождал их и помогал в наружных работах.

Сервело и Ру вошли в дом, поднялись в верхний отсек, наполненный воздухом, и восстановили телефонную связь с «Морской звездой», где — примерно в 15 метрах над ними — уже заканчивалась установка оборудования. Но в этот момент Маленький дом внезапно накренился и начал сползать с уступа. Вдоль его стенок с внешней стороны образовался рой стремительно поднимающихся пузырей. Сервело успел крикнуть по телефону: «На помощь!» На борту «Калипсо» помощник командира Алина сразу же ответил: «Спускаюсь», — телефонный кабель оборвался, связь была прервана.

Ру каким-то чудом удалось добраться до люка нижнего отсека и в последний момент отскочить от станции; с ужасом он наблюдал за тем, как она летит в бездну, увлекая за собой несчастного Сервело, оставшегося в воздушном мешке верхнего этажа, и Раймона Коля, запутавшегося в сетке, укрепленной с внешней стороны станции.

К счастью, на пути падения станции на глубине 45 метров оказалась еще одна терраса подводного обрыва.

Акваланг Коля заклинился, а один ласт оказался защемленным между рифом и кабиной. Но Коль не растерялся, он набрал полные легкие воздуха, сбросил акваланг и ласты и спокойно поднялся на поверхность. А в это время Алина и Фалько в аквалангах направились к Маленькому дому и извлекли оттуда Сервело. Маленький дом был поднят, прочно прикреплен к предназначавшемуся для него выступу и заякорен свинцовым грузом, опущенным на площадку на глубине 8 метров от станции (то есть на глубине 33 метра от поверхности). Теперь уж Маленький дом, несомненно, не сдвинется с места. В нем двое наших океанавтов смогут спокойно жить в течение целой недели.

«Калипсо», которая держит курс от Порт-Судана к Шаб-Руми, взяла на буксир нашу «Морскую звезду». Огромные балластные цилиндры, предварительно прикрепленные под ней, поддерживают ее на плаву. Вот уже оба люка закупорены — нижний, будущий вход аквалангистов в жилище, и верхний, запасной люк, через который была произведена загрузка необходимого оборудования. Плыдем очень медленно — от одного до двух узлов, так что буксировка займет не менее суток, но это еще не самая большая забота: Кусто и Алина не перестают думать о тех трудностях, которые нам предстоит преодолеть.

Наконец «Калипсо», буксирующая «Морскую звезду», чуть скрытую водой, подошла к Шаб-Руми. Скоро вход в Большой дом откроется перед аквалангистами, жаждущими как можно скорее попасть в него. Огромные балластные цилиндры все еще остаются прикрепленными к дому. На торце каждого цилиндра находятся вентили, которые позволят впустить воздух или воду при маневрировании.

Большой дом с наглухо задраенными люками и торчащими выдвигаемыми опорами вот-вот опустится на подготовленную для него площадку. Огромные балластные цилиндры все еще находятся под ним. Аквалангисты с за-

крепленными на спинах баллонами сжатого воздуха, по четыре на каждого, беспрестанно кружат у дома, подтягивая его, как дирижабль в момент приземления. Дело в том, что архимедова сила стремится вытолкнуть на поверхность этот своеобразный огромный поплавок. Как только все пять выдвигных опор «Морской звезды» соприкоснулись с площадкой, аквалангисты приступили к выравниванию дома, подгоняя каждую опору так, чтобы и пол комнат, в которых будут жить океанавты, и даже выход в водную среду были в одной горизонтальной плоскости.

Командир Кусто вместе с Альбером Фалько в свою очередь надели акваланги и начали погружение. «Паря» под водой на глубине 7—8 метров, они осматривают Большой дом, расположенный несколько ниже. Дом установили точно в подготовленном для него месте. Теперь остается лишь закрепить его. Лебедка «Калипсо» опускает очередную партию свинцовых чушек, перехваченных тросом. На одной из конечностей «Морской звезды» Кристиан Перьен, распластавшись вниз головой, подтягивает спускающийся груз.

Под ним, на глубине 11,5 метра, Раймон Кьензи, сопровождаемый огромным облаком воздушных пузырей, переносит свинцовые чушки и кладет их на основания выдвигных опор, находящиеся примерно в 2 метрах под нижней частью «Морской звезды». Каждая такая чушка весит 47 килограммов. Чтобы окончательно закрепить Большой дом и обеспечить его полную устойчивость, их потребуется 2 тысячи штук общим весом примерно 100 тонн. Аквалангисты не сумели уместить весь этот груз на основаниях опор, и им пришлось закладывать чушки всюду — в ящики, шкафы, под пол, за мебель, чтобы освободиться от балластных цилиндров, которыми мы воспользовались для установки дома.

В отличие от Большого дома, который при погружении на дно наполнили воздухом, ангар для «блюдца» (напоминающий по форме, собственно говоря, крышку масленки с широким основанием) наполнили водой. Ог-

ромные цилиндры с воздухом были установлены на нем (в то время как у Большого дома они прикреплялись под ним) и поддерживали его на поверхности, пока мы не подвели ангар точно к тому месту, где должны были произвести погружение.

Затем мы заполнили водой эти цилиндры, ангар стал погружаться и опустился всеми тремя выдвижными опорами точно на той же отметке (11,5 метра), что и Большой дом, неподалеку от него. Аквалангисты «выкорчевали» несколько коралловых кустов, мешающих установке опор. Работая по двое — один вне ангара, другой между внутренней и внешней стенками двойного кожуха, — они протащили через смотровые люки все свинцовые чушки, спущенные с «Калипсо», и так уложили в проеме между стенами, что там вместились около 60 тонн свинцового балласта.

Как только ангар для «блюдца» был загружен 1200 свинцовыми чушками, отпала нужда во всех четырех балластных цилиндрах, благодаря которым он погрузился вблизи Большого дома. Наши аквалангисты отсоединили эти цилиндры от крыши ангара, к которой они прикреплялись болтами. Поскольку цилиндры были заполнены водой, они тут же сползли с полусферической поверхности ангара на дно. Теперь остается лишь подвести сжатый воздух, чтобы вытеснить из них воду, и они сами всплывут на поверхность, а команда «Калипсо» их выловит. В ангар тоже нужно будет подать воздух, сжатый до двух атмосфер, чтобы вытеснить из него воду. «Морской еж» превратится тогда в своеобразный водолазный колокол и готов будет принять «ныряющее блюдце». Попав внутрь колокола, экипаж «блюдца» окажется в глубинной прохладе, а не под палящим солнцем Красного моря.

Входная дверь «Морской звезды» «прорублена» в полу одного из ее лучей, находящегося примерно в полутора метрах над подводной платформой, в которую упираются выдвижные опоры дома. Подход к двери защищен клеткой от акул или других возможных подводных агрессо-

ров. Мы больше всего опасаемся внезапных нападений при входе и выходе через гидropopог. В противoopакульей клетки установлена лестница, которая дает аквалангистам возможность переступить через этот порог, совсем как при всплытии с глубины на поверхность. В этом луче «Морской звезды» аквалангисты смогут снять маску, гидрокостюм, принять душ и дышать так же, как во всей остальной части дома, — воздухом, сжатым до двух атмосфер.

Наконец мы установили основные «здания» подводного поселка — это Большой дом, или «Морская звезда», ангар «ныряющего блюда», или «Морской еж», и Нижняя станция, или Маленький дом. Теперь остается лишь установить на одном уровне со «Звездой» и «Ежом» более скромное сооружение, все еще поддерживаемое на поверхности моря балластным цилиндром. Это единственное сооружение подводного городка, которое в течение всего эксперимента останется заполненным водой. Здесь будет склад инструментов, где мы также сможем хранить наши сети, сачки для ловли рыб и оба электроскутера, которыми мы пользуемся много лет для проведения своих подводных исследований. Пять «рыбьих садков» из плексигласа завершают комплект подводного инвентаря «Прекоинтента-2». В них будут находиться рыбы, отловленные сетями, сачками или даже просто руками во время наших ночных вылазок.

Настал великий день 15 июня 1963 года — день нашего «въезда» в Большой дом. На каждом океанавте, готовом к погружению, надеты дыхательная маска, соединяющаяся через гофрированную трубку с четырьмя баллонами, наполненными сжатым воздухом, эластичный резиновый костюм, перчатки, ласты. Пятеро из них поднимутся на поверхность только через месяц.

С этого момента и в течение всего месяца в районе подводной базы будут работать две резко различающиеся группы аквалангистов. Во-первых, океанавты, облаченные с головы до ног в серебристые гидрокостюмы. Им разрешено плавать сколько угодно на глубинах от 10 до

25—30 метров, а также свободно выходить из «Морской звезды» и заходить в нее. Однако запрещается во избежание несчастных случаев, связанных с декомпрессией, подниматься выше своего подводного жилища.

Во-вторых, вспомогательный отряд аквалангистов, или временные посетители подводного поселка, обычно проживающие на «Калипсо», одетые в темные гидрокостюмы. Они могут погружаться на глубины от 10 до 20 метров и даже 50 метров, заглядывать глубже, до зоны «глубинного опьянения», но при подъеме на поверхность обязаны соблюдать правила декомпрессии.

В третью категорию аквалангистов входят два постоянных жителя Нижней станции, они будут в черных масках и серебристых гидрокостюмах.

В начале этого необычного эксперимента командир Кусто взволнованно желает удачи своим океанавтам. «Скоро, — говорит он, — я спущусь к вам в гости». Океанавты один за другим спускаются в свое подводное жилище. Не спеша, проплывая на глубине 11 метров под ангаром «блюдца», они направляются к «Морской звезде».

И вот они в своем доме, здесь им предстоит прожить целый месяц. С обоих огромных плексигласовых иллюминаторов снят предохранявший их до сих пор толь. Из гостиной, служащей одновременно столовой, теперь открывается увлекательная картина жизни подводного мира на глубине 10 метров — кажется, что находишься в аквариуме.

Воздух, которым здесь дышат, поступает с «Росальдо» под давлением в две атмосферы, чтобы уравновесить давление морской воды на этой глубине, иначе вода поднялась бы в дом через входной люк. Мы без всякого труда дышим этим воздухом. В доме жарко, но не так, как наверху, на «Росальдо», под знойным солнцем.

Все необходимое для подводного городка «Прекоинтент-2» доставляется с поверхности в специальных контейнерах вспомогательным отрядом аквалангистов.

И вот — сюрприз! Уэсли, старший аквалангист нашей базы, в одной из своих «цыпочек» (так он называет покачивающиеся у входа в дом контейнеры) обнаруживает попугая! Тут же его окрестили Клодом — в честь Уэсли; теперь этот пернатый обитатель южных широт останется с нами до конца нашего пребывания под водой и будет предупреждать нас, если в доме увеличится концентрация углекислого газа. В самом деле, если устройства по удалению углекислого газа выйдут из строя, то Клод первым почувствует недомогание.

Наш попугай удивительно хорошо приспособится к жизни под дополнительным давлением и вместе с нами поднимется на поверхность целым и невредимым. Сидя на руке своего крестного — Клода Уэсли, попугай наблюдает, как перед иллюминатором проплывают рыбы.

Профессор Раймон Весьер, директор биологической службы Океанографического музея в Монако — один из жителей «Прекоинтента-2», связался по переговорному устройству с «Росальдо». Это же устройство позволяет нам поддерживать связь и с ангаром «ныряющего блюдца», и с Нижней станцией, расположенной на 15 метров глубже.

Над переговорным устройством поблескивают три телевизионных экрана, связанные с кают-компанией «Росальдо», с Нижней станцией и подводной телевизионной камерой.

Наш центральный пульт управления также снабжен красными и зелеными сигнальными лампочками, которые подсоединены к проводке пяти акулоубежищ, установленных на участках наших работ, и счетчиками длительности погружения, которые включаются каждым аквалангистом по выходе в море и выключаются при возвращении.

Когда «ныряющее блюдце» поднимается после очередного глубинного исследования рифа Шаб-Руми и скользит мимо Маленького дома на глубине 25 метров, оно кажется издали огромной медузой, а в подводной мгле —

каким-то тревожным призраком. Наше чудо техники — «Дениз» — послушно каждому мановению руки и каждому велению водителя и командира Кусто, находящихся в ней в этот момент. С крыши «Морской звезды», металлические лучи которой простираются над верхней площадкой «Прекоинтернета-2», наши аквалангисты видят, как «блюдец» медленно (скорость его не превышает одного узла, то есть меньше 2 километров в час) направляется к своему ангару. «Блюдце» приближается к нам, и при рассеянном дневном свете, проникающем на эту глубину, мы различаем теперь некоторые детали: нам видно, как через сопла выталкивается вода, а само «блюдец» с прожектором и навигационными фарами кажется каким-то таинственным вододышащим чудовищем. Через иллюминаторы-глаза оба члена экипажа наблюдают за тем, как «блюдец» всплывает в ангар.

Вернувшись после очередного глубинного погружения, «блюдец» как бы проскальзывает между выдвижными опорами ангара и всплывает, направляемое аквалангистом-регулирующим, под «гидродверь», ведущую внутрь «Морского ежа» — этого своеобразного водолазного колокола, куда с «Росальдо» нагнетается воздух под давлением в две атмосферы.

В ангаре, где мы дышим воздухом, сжатым до двух атмосфер, четырехтонный электрический кран переносит «блюдец» через гидропорог, поверх которого вода не может подняться. Это напоминает всплытие подводной лодки в гроте. И лишь когда «Дениз» поднята и находится в отсеке с воздухом, пригодным для дыхания, океанавты выходят из своей исследовательской подводной лодки.

Если посмотреть снизу на ангар «блюдца» при свете дня, когда лучи солнца проникают сквозь 10-метровую толщу вод Красного моря, освещая его крышу, то это сооружение кажется огромным трехлапым жуком. Если спуск и отплытие «блюдца» с «Калипсо» были часто затруднены, то под панцирем ангара всегда спокойно и в распоряжении подводников сухое помещение ре-

монтажного цеха. Впервые в истории подводного плавания ремонтная база подводных лодок установлена на дне моря!

Перед тем как подняться на поверхность или начать глубинное погружение в «блюде», Кусто решил «зайти» в гости к жильцам «Морской звезды». Надев акваланги, он и Альбер Фалько направились вплавь от ангара к Большому дому. Достаточно взглянуть на нагромождение переплетающихся, как лианы, труб и кабелей, идущих от «Росальдо» к Большому дому, а от него далее к Нижней станции, чтобы понять, насколько сложно снабжать океанавтов воздухом и электроэнергией. Будущие подводные дома, несомненно, должны постепенно освобождаться от этих пут.

Подплыв к дому, аквалангисты «повесили» свои четырехбаллонные блоки на противоакульей клетке. Здесь обычно оставляют самое тяжелое и громоздкое оснащение перед тем, как подняться в дом. Как только Кусто и Фалько сняли свои маски, появился бородастый кок — Гильбер.

— Добрый день, командир, хорошо прогулялись? Что хотели бы выпить?

Мы расположились за столом в центральной «гостиной» «Морской звезды». Раймон Кьензи закуривает трубку, а командир затягивается сигаретой. Это парадоксально; здесь, под водой, океанавты живут намного комфортабельнее остальных членов экспедиции, которым приходится ютиться в душных каютах наших кораблей! Кусто берет лист бумаги и машинально вычерчивает всем нам хорошо известную схему «Прекоинтента-2» — нашего подводного городка.

Горизонтальная линия сверху — это поверхность Красного моря. Слева — «Калипсо», курсирующая между Шаб-Руми и Порт-Суданом или любым другим пунктом снабжения. Справа — «Росальдо» на якорной стоянке в лагуне. В центре — коралловое кольцо Шаб-Руми и наш «мост через реку Квай» с проложенными по нему кабелями и различными трубопроводами, связывающими «Ро-

сальдо» с поселком. На подводной площадке на глубине 11 метров расположены Большой дом и ангар, на узеньком уступе на глубине 33 метра — якорный груз Нижней станции. Еще глубже, на глубине 51 метр, находится одно из пяти акулоубежищ, где могут укрыться в случае опасности наши аквалангисты. Вот та небольшая часть подводного континентального плато, которое океанавты взяли исследовать.

В Большом доме океанавты часто прослушивают магнитофонные записи классической музыки, особенно популярны Моцарт, Вивальди и Бах. Вечером, ужиная в столовой, где расположен также центральный пульт управления, океанавты обсуждают погружения, произведенные за день, и намечают программу работ на следующие сутки. У всех здесь радужное настроение, несмотря на то, что работа заканчивается лишь к 19 часам, а отбой либо в 21, либо в 22 часа.

Наступила ночь. С поверхности моря строения верхнего этажа подводной базы несколько напоминают домики лесничих на опушке. Воздухоотводящие трубы, из которых поднимаются столбом пузырьки воздуха, лопающиеся на поверхности моря, похожи на дымящие трубы. В первом из четырех лучей нашей «Звезды» находится прихожая с раздевалкой и душевой, во втором — кухня; к столовой, где все мы собираемся за ужином, примыкает морская биологическая лаборатория, фотолaborатория и туалет. В двух других лучах размещены каюты, с четырьмя койками в каждой.

Наши счетчики длительности погружения снабжены восемью световыми указателями и рамками для восьми табличек с именами океанавтов. В действительности же нас всего шестеро, а в дальнейшем в Большом доме будут жить пятеро.

Каждое утро перед океанавтами «Морской звезды» разворачивается одно и то же зрелище. Вокруг рифов появляется загадочное серебристое облако — это мириады

рыбешек, то чинно дефилирующих, то шаловливо кувыр-кающихся в беспрестанном круговороте вблизи кораллов. Впечатляющее зрелище! У нас создается ощущение, что мы сами превратились в существ, которые постоянно живут под водой. Такое же чувство испытывали аквалангисты во время непродолжительных погружений.

4 июля 1965 года. Итак, настал день, когда Андре Портлатин и Раймон Кьензи, добровольцы-глубинники, должны обосноваться на Нижней станции и прожить в ней целую неделю. Профессор Раймон Весьер, который вызвался их проводить, спустился первым; Кьензи и Портлатин, переодевшись в гидрокостюмы, готовы следовать за ним. На каждом специальная резиновая черная маска, в нее вмонтированы наушники и микрофон, связанные с подводным радиотелефоном, который закреплен на левом бедре. Отныне мы будем звать наших глубинных океанавтов «черными масками». Андре Фолько и все остальные жильцы «Морской звезды» наблюдают за отплытием «глубинников». Все волнуются за них и готовы прийти к ним на помощь в любой момент. Ведь никто из аквалангистов еще не жил и не работал в течение нескольких дней на глубине 25—100 метров. Этот эксперимент станет решающим для будущего освоения морских глубин человеком.

Пьер Гильбер, наш 43-летний кок-океанавт, также был среди добровольцев, желающих пожить в Нижней станции. Однако он должен довольствоваться лишь созерцанием своих товарищей, проплывающих мимо огромного иллюминатора гостиной и отправляющихся к Маленькому дому. Портлатин, Кьензи и Весьер постепенно удаляются от Большого дома.

Раймону Кьензи 33 года. Вот уже 10 лет, как он работает с нами. Это крепкий и выносливый аквалангист. Андре Портлатину 46 лет — он старше всех океанавтов, непосредственно участвующих в эксперименте. У него огромный опыт подводной работы. Будучи директором школы подводных исследований в Ницце, он воспитал целую плеяду талантливых аквалангистов. Ни тот, ни дру-

гой не испугался риска, сопряженного с выполнением будущего задания, а также многих трудностей и аварий, возникших при установке Нижней станции. Все было предусмотрено и точно рассчитано. Перед тем как устремиться к глубинам, все три океанавта успевают окинуть взором подводную кручу Шаб-Руми, а затем начинают скользить в невесомости, словно огромные парящие птицы.

На центральном пункте управления «Морской звезды» Клод Уэсли поддерживает постоянную связь с «черными масками» по радиотелефону.

— Алло, Кьензи? Алло, Портлатин? Вы слышите меня?

Десятью метрами глубже Раймон Кьензи в маске, с наушниками и микрофоном, подсоединенными к транзисторному приемопередаточному устройству, отвечает Уэсли:

— Все в порядке. Погружаемся.

И действительно, все в порядке, хотя непосвященному это погружение вдоль отвесной и бугристой кручи к мрачным морским глубинам могло бы показаться довольно страшным.

— Опускаемся, — продолжает Кьензи, — видим Маленький дом.

На глубине 26 метров на узкий коралловый уступ взгромоздился наш Маленький дом. Когда к нему подплываешь, то сверху он больше похож на головной убор фараонов, чем на ракету или дом. Нижняя треть этого сооружения высотой 6 метров заполнена водой, далее расположена раздевалка, а в самой верхней части — маленькая жилая комната, заполненная смесью кислорода, азота и гелия, сжатой до трех с половиной атмосфер. Это давление уравнивает глубинное и предотвращает попадание воды в остальные две трети станции.

Портлатин и Кьензи входят в Маленький дом через решетчатую дверь, расположенную у самого его основания. Поднявшись по лестнице через нижний отсек, заполненный водой, они попадают в раздевалку и душе-

вую, наполненные дыхательной смесью. Профессор Весьер, оставшийся в это время снаружи Нижней станции, всплыл на 3—4 метра; прижавшись маской к плексигласовым иллюминаторам, он увидел Портлатина и Кьензи, успешно осваивающих свое новое жилище. «Итак, до встречи на следующей неделе», — промолвил про себя Весьер, возвращаясь к «Морской звезде».

После того как Андре Портлатин и Раймон Кьензи сняли с себя акваланги в сыром помещении, расположенном в средней части станции — непосредственно над входным отсеком, они поднялись в верхний отсек, где им предстоит прожить целую неделю. Жара на станции невероятная (термометр показывает 31°C), не говоря уж о влажности! Настоящая баня... Предполагалось, что экспедиция состоится в марте, а теперь июль — Красное море само как водяная баня, и люди, находящиеся на Нижней станции, как будто томятся на медленном огне, несмотря на глубину 25 метров.

В этом причудливом домике не установили кондиционеров; холодильник вышел из строя, аварийный кислородный кран оказался сломанным. Но досаднее всего, что в это время телефон вздумал бездействовать. Тем не менее наши глубинные океанавты не были изолированы. Телевизионная камера, установленная в жилой комнате, круглосуточно передает их изображения на центральный пульт управления Большого дома. И жилище, хотя и весьма тесное (высотой и диаметром в 2 метра), неплохо оборудовано: здесь доска с приборами, показывающими давление кислорода и углекислого газа, унитаз, дабы легче жилось, несколько полотенец, чтобы жильцы могли почувствовать себя хоть ненадолго сухими, две мягкие койки, на которых можно поспать, если не слишком будешь обливаться потом.

— Ну, полно плакаться — выдержим, — говорят наши герои.

Переговорное устройство заработало. С центрального пульта управления Большого дома Пьер Гильбер вызывает жителей Нижней станции.

— Все в порядке там, внизу?

— В порядке, варимся в этой парильне медленно, но верно.

Но что это за голоса? Звук, раздающийся в приемнике Большого дома, вызывает всеобщий смех, это что-то вроде щебетания, которое не может издавать взрослый человек. Таково влияние смеси гелия и воздуха, которой дышат Портлатин и Кьензи.

Газ настолько легок, что голоса океанавтов полностью изменились. Баритоны превратились в тонкие девичьи голоса, говор океанавтов — в гнусавое попискивание.

— На что еще жалуетесь? — продолжает Гильбер.

— Побаливают уши.

— К вам ежедневно будет спускаться доктор.

— Спасибо. Мы, пожалуй, выйдем в море. В воде, наверное, лучше, чем здесь, внутри.

Строительство подводной базы «Прекоинтернет-2», несомненно, спугнуло акул, наводнявших до этого район Шаб-Руми, как и многие другие части Красного моря, где нам приходилось сталкиваться с ними. Однако с нами все же осталась огромная барракуда Жюли длиной 1,8 метра, которая, так же как и ей подобные, имеет очень плохую репутацию. Жюли оставалась с нами до конца нашего пребывания в Шаб-Руми, и ее зловещий силуэт то и дело появлялся в поселке. Она предпочитала вертеться в верхней части нашего поселка, вблизи «Морской звезды» и «Морского ежа». Вела она себя весьма благоразумно и ни разу не доставляла нам неприятностей, хотя поводов для этого у нее было более чем достаточно. Ведь почти все время кто-то находится снаружи. Ежедневно нужно было очищать дом и иллюминаторы (одна из наших многочисленных обязанностей) от водорослей и множества ракушек, прилипающих к стенкам. Они быстро разрастались и разъедали стены. На помощь «серебристым» океанавтам, выполняющим эту утомительную работу, периодически приплывал вспомогательный отряд «черных» акванавтов с наших судов. Закончив работу, они возвра-

щались на поверхность, соблюдая необходимые меры предосторожности при подъеме. В работе по очистке дома большую помощь оказывала «рыба-доктор» — эта рыбка черного цвета с белым пятном на хвосте постоянно лакомила водорослями, вырастающими на стенах наших строений.

Несомненно, Большой дом — комфортабельное жилище. Здесь тепло, но не жарко. Обитатели дышат кондиционированным воздухом, всюду разостлан ковровый трип. Питание более чем хорошее, удобные койки, постоянно работает душ. Океанавты ежедневно по 10 минут принимают ультрафиолетовые ванны. Одни делают это в чисто профилактических целях, по совету врача, из-за отсутствия солнца, другие не забывают о своей внешности и просто поддерживают загар.

К концу работы или во время нее аквалангисты вспомогательного отряда, одетые в черные гидрокостюмы, подплывали к иллюминаторам, чтобы посмотреть на нас. Казалось, чего проще проплыть под домом и войти через «гидродверь», а нам встретить их, поболтать и оставить на ужин. Но они знали, что ритм нашей жизни постепенно замедляется и излишнее возбуждение нас утомит. Приходилось довольствоваться тем, что они приветствовали нас снаружи и тут же отплывали.

Некоторых товарищей мы ждали с большим нетерпением. Например, Антуана Лопеса. В один прекрасный день маленький Антуан, выйдя из-за «гидродвери», откинул на лоб свою маску, как забрало, и начал хохотать. Все с любопытством уставились на контейнер, который он нес перед собой, как барабан. Но никто так и не догадался, что в нем находились... парикмахерские инструменты! Первым получил право подстричься у нашего мастера на все руки Андре Фолько. Парикмахеры района Канебьер, Аллеи англичан, любого казино Монако и даже Елисейских полей не смогли бы подстричь океанавтов лучше, чем наш Антуан здесь, на глубине 10 метров, на дне Красного моря.

После пяти-шести часов работы непосредственно под водой остается время и на отдых. Профессор Весьер и Пьер Ванони проводят настоящий шахматный турнир. Они погрузились в хитроумную комбинаторику ходов под пристальным взглядом рыб, как будто заинтересовавшихся их игрой.

К концу второй недели пребывания под водой океанавты довольно плохо стали переносить не только какие-либо вторжения в их жизнь извне, но и лишние телефонные звонки с поверхности. Здесь, в Большом доме, океанавты приспособились к среде с необычными физико-химическими и биологическими свойствами, они привыкли к особому образу жизни, у них сложились своеобразные привычки. Более плотный воздух в доме тормозит вентиляторы и вызывает их перегрев, сигареты здесь курятся в два раза быстрее, чем на поверхности, поскольку сжатый воздух, которым дышат океанавты, содержит в два раза больше кислорода. Царапины и ранки, которые у нас появляются, когда мы задеваем кораллы, заживают мгновенно, в то время как у аквалангистов, поднимающихся на поверхность, они затягиваются крайне медленно. А вот бороды здесь, наоборот, растут медленнее, чем на борту «Калипсо».

— Гарде, — спокойно объявляет Ванони.

Кроме визитов парикмахера мы все с нетерпением ждем и аквалангистов, которые приносят нам замечательные маленькие контейнеры, так хорошо противостоящие давлению воды извне. Дело в том, что из этих контейнеров появлялись не только машинка и ножницы, но и наша почта, сигареты, табак или провизия, посылаемые нам с «Калипсо». Хотя нас и окружают рыбы, для еды мы их не отлавливаем. Предпочитаем употреблять в пищу свежее мясо, не говоря уж об овощах, фруктах, сахаре, молочных продуктах и всяких напитках.

На «Калипсо» все предметы вокруг нас под лучами солнца казались ослепительно яркими. Индиго, бирюзо-

вый и фиолетовый цвета становились ярче обычного; на кораллы, блестящий песок и желтые дома больно было смотреть. В воде все было голубым или зеленым. Теперь же, когда мы наблюдали по телевизору за тем, что происходит наверху, все представлялось нам в спокойных темно- и светло-серых тонах.

В одной из расселин рифа Шаб-Руми жил большой спинорог (рыба, которую иначе называют баллистой, потому что ее спинной плавник похож на древнеримскую метательную машину). Пьер Гильбер приручил его, угощая содержимым раковин, которое эти рыбы обожают. Наш спинорог быстро научился распознавать Пьера даже среди океанавтов, одетых в такие же гидрокостюмы. Когда Пьер, находясь в доме, стучал в стекло иллюминатора, тут же появлялся спинорог. Узнав своего кормильца, он бросался к выходу и ожидал его до тех пор, пока тот не выносил лакомство. Этот необычайный цирковой номер, довольно часто забавлявший нас, не мешал нам ежеднев-

но отправляться с ловушками и сетями на отлов представителей несметного подводного племени, постоянно посещающих район рифа.

Наши океанавты, точно рыбы, степенно проплывают меж скальных уступов и утесов и закрепляют свои сети в столь укромных местах, что ни один рыбак с лодки никогда не смог бы обнаружить их.

Шаб-Руми весь в глубоких пещерах, гротах, на подступах к которым растут губки, веерообразные горгонарии, состоящие в действительности из колоний мельчайших организмов, альционарий и всякого рода полиповых¹... Кажется, что ты в таинственных подводных джунглях.

Вечером у входов в подводные пещеры мы прикрепляем ажурные нейлоновые сети к кораллам, образующим своеобразный навес над входом. В местах, где чаще всего плавают наша подводная «дичь», устанавливаем верши. Через два или три часа возвращаемся домой. На рассвете выплываем к месту лова и вытягиваем наши сети, как если бы мы находились в двух шагах от берега, в заводи неглубокой реки. Сети переполнены рыбой самых разных видов, среди них часто попадаются никогда нам не встречавшиеся экземпляры.

Отлавливать рыбу для еды около нашего дома противоречило нашим принципам. Обычно Лопес занимался рыболовством вдали от Шаб-Руми. У нас же, океанавтов, существовал неписанный закон: отлавливать только живых рыб. В общем, это была нетрудная задача. За несколько часов полиэтиленовые верши набивались столь разнообразной живностью, что это невольно интриговало нас. Но, пожалуй, еще больше они привлекали внимание крупных обитателей подводного мира, в частности хищных рыб; пластик вызывал у них недоумение. Эти рыбы никак не могли взять в толк, что их что-то отделяет от

¹ Все это представители разных классов кишечнополостных. (Примеч. ред.)

пленниц. Они кружились вокруг полиэтиленовых мешков, натыкаясь на них. Поскольку мы, как рыбы, свободно плавали в водах Красного моря, они потеряли к нам всякий интерес.

Обычно мы поддували полиэтиленовые мешки сжатым воздухом и плавали с ними, как с детскими шарами. Добычу мы оставляли в подводном складе инструментов, где были «на приколе» и наши скутеры. Часто профессор Весьер приплывал сюда проверить улов и отбирал то, что ему нужно было для биологической лаборатории в Большом доме. Аквалангисты из вспомогательного отряда в черных гидрокостюмах спускались за излишками нашего улова и возвращались с ними на борт «Калипсо». Отсюда пойманные рыбы отправлялись в резервуарах с морской водой, обогащенной кислородом, сперва в Порт-Судан, а затем перевозились самолетом в Монако.

Поскольку отловленные рыбы оставались в естественной среде, большая часть их прибывала в Монако живьем. Пожалуй, самое большое испытание, которое выпадало на долю пойманных рыб перед отправкой, — это нападение хищных рыб, свирепо бросавшихся на пластиковые мешки, в которых находились наши пленницы. Откуда только берется эта лютая ненависть хищников к пленным рыбам, на которых они не обращали ни малейшего внимания, когда те плавали на свободе? На этот вопрос мы так и не нашли четкого ответа. Может быть, поведение пойманных рыб, их возбуждение, страх, превращало их в приманку, поскольку они имели вид обреченных жертв? Возможно, это и так.

Однажды, когда Фолько плыл с одним из таких полиэтиленовых мешков с пойманными рыбами, хищницы напали на мешок и разорвали его в клочья. Эти нападения учащались каждый раз, когда океанавты удалялись, оставив свою добычу для аквалангистов в черных гидрокостюмах, чтобы они переправили ее на поверхность. Групперы, каранксы, спинороги, мурены жестоко набрасывались на мешки и верши, стараясь их разорвать. Мы неоднократно слышали издали, как скреже-

тали зубы мурен о поверхность наших плексигласовых «рыбных вольеров».

Ночью рыбная ловля приобретала более необычный характер. Океанавты вооружались исключительно мощными переносными светильниками с концентрированным лучом света.

Наш поселок находился все время в «облаке» планктона — скопления мельчайших организмов, находящихся во взвешенном состоянии. Мы собирали планктон в миниатюрный сачок из тонкого шелка, который вкладывался в маленький, не больше спичечной коробки, чехол из прозрачного пластика. Чехол в свою очередь закладывался в сильно освещаемую рамку, расположенную перед объективом специальной подводной кинокамеры. Это давало нам возможность, не удаляясь от Большого дома, снимать на киноленту крупным планом микроскопические организмы планктона в естественной для него среде.

Миниатюрные аквариумы, на которые мы наводили наши специальные подводные кинокамеры, давали нам возможность снимать на киноленту очень крупным планом мельчайшие живые организмы, которые невозможно увидеть невооруженным глазом. В нескольких кубических сантиметрах объема перед нами раскрывался целый кишаший микромир, который на первый взгляд казался просто пульсирующей водой. То тут, то там хрустальные кубки бьются, как множество сердец. Виднеются причудливые светящиеся бочонки, прозрачные рачки, дрожющие студенистые существа, серебристые личинки, которые питаются, размножаются, погибают. Мельчайшие ракообразные строят себе прозрачные домики, более хрупкие, чем они сами; двигая лапками, они образуют токи воды, затягивающие добычу.

Наши светильники ослепляли и замораживали крупных рыб. Они замирали на месте, когда мы заставляли их врасплох. При этом мы могли приблизиться к ним и взять их, как говорится, голыми руками, на которые, правда, все же были натянуты прочные резиновые перчатки.

Рыбы-попугаи vyplывают после захода солнца. Ночью они спят в кустах «огненного» коралла — эта разновидность кораллов вызывает сильные ожоги, и, чтобы избежать серьезных несчастных случаев, все аквалангисты одеты в гидрокостюмы, закрывающие тело с головы до пят. Мы решили воспользоваться нашей ночной подводной прогулкой и для наблюдения за реакцией рыб, попавших под разноцветные лучи света. Под ультрафиолетовыми лучами специальных ламп кораллы как бы полыхают. Выхваченные из мглы лучом света, рыбы вплотную подплывают к нам и ударяются о наши маски, как бы пытаясь заглянуть в глаза.

Кроме склада инструментов, центра сбора наших уловов, несколько поодаль, в разных местах, находятся «рыбные вольеры».

Это своеобразные садки с легким стальным каркасом, покрытым прозрачными плексигласовыми панелями. Здесь так же, как и на складе инструментов, мы оставляем наши пластиковые мешки с рыбой, которая попадет либо к профессору Везьеру в Большой дом, либо в Монако.

Морской гребешок не остается неподвижным на морском дне. У этого легковозбудимого моллюска есть беспощадный враг — морская звезда, постоянно терроризирующая его. Мы неоднократно проводили над ними опыты. Когда морской гребешок видит, что он попал на глаза морской звезде, — а глаз у нее множество, — он начинает лихорадочно раскрывать и захлопывать створки своей раковины и перемещается скачками, за счет образующейся реактивной силы. Неуклюжее «бегство» морского гребешка — зрелище поистине поразительное.

Профессору Везьеру поручено вести «Официальный бортовой журнал» «Морской звезды». Но молодой Ванони (31 год, женат, один ребенок) ведет другой, свой собственный журнал; непринужденный характер его записей доставил всем немало удовольствия. Ванони «на

гражданке» работал инспектором таможни. На первых порах своего пребывания в Большом доме он немного страдал от жары (26—27°C) и от влажности. Временами у него побаливали уши, тем не менее он свыкся со всеми этими невзгодами и пристрастился к погружениям. Вечером, когда уже нет желающих играть в шахматы, слушать музыку и смотреть рыбий «балет» через иллюминатор, Ванони садится за пишущую машинку и добавляет несколько строк в свой дневник, выкуривая последнюю за день сигарету.

На Нижней станции обстановка более напряженная. У Кьензи (по прозвищу Каноз) и Портлатина немало хлопот. С первого же дня их пребывания на станции в средний отсек стала подниматься вода. Это неопасно, поскольку вода прибывала за 12 часов не больше чем на 20 сантиметров и достаточно было впустить дополнительную порцию гелия, чтобы давление в доме достигло трех с половиной атмосфер, а уровень воды понизился до надлежащей отметки. Очевидно, какой-то прибор разладился.

Напрасно техники-аквалангисты, прибывшие с «Морской звезды» и даже с «Калипсо», пытались найти утечку. Лишь после нескольких посещений они обнаружили, что утечка гелия — этого сверхлегкого газа — происходила через муфту телевизионных кабелей. Вода перестала прибывать, как только муфта была заменена, однако у океанавтов-глубинников осталось чувство полной зависимости от окружающих их приборов и беспомощности перед влажностью.

Воздух как сироп, пот непрерывно покрывает все тело. С большим трудом «черным маскам» удастся заснуть.

Там, наверху, ранним утром риф пробуждается. Среди слабо освещенных кораллов виднеются ветвистые растения, колеблемые течением, скорость которого достигает одного узла. Поднявшаяся дымка планктона через несколько минут превратится в своеобразное пастбище

рыб. У океанавтов начинается новый день. Как только дневной свет проникает в морские глубины, целые колонии подводных существ, похожих на цветы, начинают пульсировать и «охотиться» за пищей.

В предшествующих экспедициях мы сталкивались с уродливыми рыбами-попугаями, прозванными нами «шишколобыми» из-за огромной шишки на «лбу», которая оказалась такой же твердой, как у бизонов. Здесь мы выловили около 40 таких рыб весом от 30 до 40 килограммов. Питаются они кораллами, которые разбивают ударами головы и затем дробят мощными челюстями. Ночью эти рыбы спят поодиночке или парами в расселинах рифа. Их можно было брать за голову, но если мы прикасались к хвосту, они начинали судорожно метаться, так что мы рисковали оказаться под градом коралловых обломков (что и случилось однажды с Фалько), которые вполне могли оглушить любого из нас. На заре шишколобые рыбы пробуждаются и выплывают из своих пещер, совершают утренний туалет, «купаюсь» в песке; затем собираются в стада, как бизоны прерий, и устремляются под предводительством своего вожака к каменным пастбищам.

При малейшей тревоге бесчисленное множество тварей ретируется, закрывается, уползает и прячется в расселинах Шаб-Руми. Мимикрия здесь играет первенствующую роль. Существа, плохо вооруженные для защиты от хищников, маскируются, сливаясь с окружающим пейзажем. Где здесь грань между растениями и минералами, между растительным и животным миром? Это один из тех вопросов, которые встают перед нами ежедневно.

Альционарии — это полипы, то есть существа, принадлежащие к типу кишечнорастных, который включает еще большое число морских созданий, как, например, медузы и кораллы. Точнее, это коралловые полипы, принадлежащие, как и сами кораллы, мадрепоровые и актинии, к классу антозоев. Антозоа (по-гречески *antos* —

цветок и *zoa* — животное) — это название как нельзя лучше подходит альционариям, этим «животным-цветам»¹.

Ветви альционарией, которые нам попадались по пути, напоминали яблони в цвету. В этих необычайных садах при рассеянном свете наши биологи-аквалангисты в резиновых перчатках осторожно отбирали образцы маленькими пинцетами. Невесомо плавая над подводными лугами, управляя своим телом взмахами ластов, океанавты собирали образцы не спеша, сколько хотели. Благодаря «Морской звезде» они могли не беспокоиться о длительности своих погружений, не думать о декомпрессии и работать неограниченное время на глубинах от 10 до 25 метров. Время придает как бы новое измерение научным наблюдениям в морских глубинах.

Название «полипняк» дают всем колониям антозоев и гидрозоев, в особенности когда это массивные или разветвленные образования. Колонии полипов могут быть мягкими, роговыми и известковыми. В пестрых джунглях, которые мы исследуем, многие «животные-цветы» обжигают². Некоторые из них могут даже вызвать сильную аллергию. Хотя вода была даже излишне теплой, мы не могли оставлять открытыми ни один квадратный сантиметр кожи, дабы избежать соприкосновения с этими неприятными представителями подводного мира. Все собранные образцы помещались либо в большие полиэтиленовые мешки, либо в небольшие банки, а затем аквалангисты вплавь возвращались с ними в Большой дом.

Пьер Гильбер развлекался время от времени тем, что заставлял своего прирученного спинорога подплывать к иллюминатору. Спинорог действительно узнавал Гильбе-

¹ На цветы они похожи только внешне, это настоящие животные. (*Примеч. ред.*)

² Все кишечнополостные в покровах тела и особенно на щупальцах имеют огромное количество так называемых стрекательных клеток, способных при соприкосновении выбрасывать стрекательные нити, обжигающие тело подобно крапиве. (*Примеч. ред.*)

ра, так как если его подзывал кто-либо другой, он, присмотревшись к зовущему сквозь плексиглас, отплывал в расстроенных чувствах.

Тем временем наш профессор Везьер, имеющий огромный опыт работы в Океанографическом музее в Монако, продолжал свои работы в лаборатории «Морской звезды», ныне постоянно снабжаемой живыми образцами. Впервые в мире на дне моря сооружена морская биологическая лаборатория, оборудованная бинокулярными лупами и микроскопами, оснащенная приборами и аппаратурой, которые имеются лишь в лучших наземных биологических лабораториях. В Монако профессор Везьер должен был довольствоваться образцами, которые прибывали к нему издалека, иногда с большим запозданием и в жалком состоянии. Здесь он отбирает, делает запасы или же на месте исследует коллекции, собранные не далее чем несколько часов назад, в той же воде, в которой находится и «Морская звезда», и его подводная лаборатория. Под микроскопом перед его взором раскрываются тайны морской воды, которая ока-

зывается питательной средой, кишашей микроорганизмами. Обычные личинки морских ежей превращаются под микроскопом в фантастические сюрреалистские структуры.

Все эти годы во время наших погружений мы привыкли видеть чарующие подводные пейзажи и необычайно красивые существа. Однако все еще неизведанным остается феерический разноцветный подводный мир микроорганизмов. Червячки, покрытые волосками, или прозрачные личинки, водоросли в виде тростей, шестнадцатиногие ракообразные и множество других странных чудовищ. Одни питаются мелкими водорослями, другие — хищники — пожирают первых. Планктон — это живая масса. В кубическом метре морской воды содержатся иногда миллионы микроорганизмов.

Теснота на Нижней станции, отсутствие кондиционеров, удаленность от поверхности превращают пребывание в ней в тяжелое испытание. И Кьензи и Портлатин все чаще с удовольствием надевают свои гидрокостюмы и черные маски.

— Мы лучше чувствуем себя вне станции, — сообщает Кьензи. Давно уже известно, что использование гелия позволяет аквалангистам погружаться на большие глубины. Нижняя станция, наполненная смесью воздуха с кислородом и гелием, была некоторым образом исходным рубежом для дальнейших, более детальных исследований. Цель наша заключалась не в установлении новых рекордов глубинного погружения — мы хотели прежде всего доказать, что аквалангисты, живущие на глубине 25 метров, могут работать, плавать и наблюдать сколь угодно продолжительное время на глубинах от 25 до 55 метров. И наши «черные маски» это полностью доказали.

На большой глубине целые леса гигантских бурых, зеленых и красных водорослей¹, колеблемых подводными течениями, превращали наши прогулки в кошмар; нас

¹ Крупные морские прибрежные водоросли относятся к трем порядкам — бурых, красных и зеленых водорослей. (*Примеч. ред.*)

неотступно преследовала мысль: «А вдруг наши гидрокостюмы запутаются в этих водорослях? Не обовьют ли нас эти постоянно колышущиеся растения, как шупальца осьминогов и кальмаров?» За занавесом вирчулярий¹ обнаруживаем одно из пяти акулубежищ, установленных в районе Шаб-Руми, чтобы мы смогли в случае опасности в них укрыться. Океанавты, оказавшиеся в этих клетках, сообщают об опасности на центральный пульт управления Большого дома при помощи звукового и светового сигналов «Тревога».

В Большом доме кто-нибудь все время дежурит у центрального пульта управления, следя за телевизионными экранами, сигналами тревоги и световыми указателями, которые расположены слева от табличек с именами океанавтов, находящихся вне дома. Если «черные маски» попадут в затруднительное положение, они могут немедленно связаться с «Морской звездой» и, например, потребовать срочной присылки сменных баллонов. В этом случае океанавты сразу устремляются к складу инструментов, берут подводный скутер и с его помощью доставляют своим товарищам требуемый запас баллонов.

Когда в 1955 году производились съемки фильма «В мире безмолвия», ни один аквалангист не погружался глубже, чем Фредерик Дюма, который еще в 1947 году достиг 93-метровой глубины. В 1963 году, погружаясь от Нижней станции, Портлатин и Кьензи могли ежедневно без труда совершать кратковременные экскурсии на глубины от 90 до 100 метров! Раймон Кьензи однажды погрузился на 110 метров, совершенно не испытывая страшного «глубинного опьянения», порою смертельного, и смог подняться в Маленький дом, то есть на глубину 25 метров, не останавливаясь для декомпрессии. Однако на 100-метровых глубинах потребление океанавтами воздуха возрастает в десять раз по сравнению с объемом воз-

¹ Вирчулярии — представители мягких восьмилучевых кораллов из группы морских перьев. (*Примеч. ред.*)

духа, поглощаемым пловцом на поверхности. На глубине 40 или 50 метров, то есть в пределах нормальной зоны работы «черных масок», потребление воздуха все еще велико. Послеобеденная прогулка океанавта, называемая «проветриванием», обходилась каждому из них в три-четыре комплекта, по четыре баллона сжатого воздуха в каждом (то есть 12—16 баллонов). При этом быстро таял запас баллонов, и тогда Кьензи и Портлатин обращались за помощью к Большому дому. Моторизованный отряд океанавтов привозил им на скутерах сменные комплекты, наполненные дыхательной смесью, и оставлял их у клетки № 5, расположенной на южной оконечности рифа на 50-метровой глубине. Обе «черные маски» меняли здесь свои комплекты и, таким образом, могли продолжить свои погружения.

На верхнем этаже подводного поселка (глубина 10 метров) мы использовали новое устройство, которое впервые позволило нам следить по телевидению и снимать на кинолентку подводные существа, которые при приближении человека спасались бегством и скрывались. В это устройство входила телекамера, соединенная с центральным пультом управления «Морской звезды», и телеуправляемая кинокамера. Так что после того как мы наводили нашу подводную кинокамеру в избранном направлении, мы могли приводить ее в действие на расстоянии, когда на телевизионных экранах Большого дома появлялись успокоившиеся представители подводного мира, и снимать их на кинолентку в нормальных условиях.

Это хитроумное устройство позволило нам заснять с близкого расстояния ряд сцен из жизни подводного мира; ничего подобного ни один из нас никогда не смог бы увидеть. Странное существо, которое мы прозвали «краном-бульдозером», показало прелюбопытнейший спектакль. Это маленькое ракообразное, похожее на карликового омара, длиной примерно в 5 сантиметров, живет в миниатюрной норке, которую оно непрерывно расчищает и расширяет. Сидя в столовой «Морской звезды» перед

телевизионным экраном, Андре Фолько наблюдал и описывал проделки этой малютки. Над норкой постоянно лениво плавала красивая рыбка, раза в четыре или пять больше нашего трудолюбивого краба, без усталости занимающегося уборкой дома. Оказалось, что он раб этой рыбки.

Как днем, так и ночью «ныряющее блюдо» выплывает из своего ангара; оно обладает теперь большей маневренностью, чем при спуске в море с палубы «Калипсо». Океанавт в скафандре, как моряк-регулирующий самолетов на авианосце, некоторое время направляет и сопровождает «ныряющее блюдо». В «блюде» в данный момент находятся командир Кусто с водителем Альбером Фалько, через иллюминаторы они внимательно следят за операцией отправки.

«Ныряющее блюдо» медленно погружается вдоль рифа за счет веса двух 25-килограммовых болванок, подвешенных под ним. Аккумуляторы, снабжающие «блюдо» электроэнергией, осветительные приборы, силовые установки, оба реактивных сопла и насос, подающий воду к ним, находятся между внутренним стальным корпусом и внешним «кузовом» из пластика. Иногда на корпус «Дениз» в цилиндрический стальной бокс устанавливают кинокамеру. Эта телеуправляемая кинокамера позволяет снимать все, что находится на пути подводников, и захватывает в кадр одно из крыльев блюда. Гидроуправляемая клешня для сбора различных подводных образцов выдвигается на метр, раскрывается, закрывается и сгибается, чтобы положить животное, минерал, растение или другой образец в своеобразную корзину, расположенную у иллюминатора водителя.

При отплытии подводники в «блюде» дышат тем же воздухом, сжатым до двух атмосфер, что и в ангаре на глубине 10 метров. Постепенно они добавляют к нему кислород. Углекислый газ, выделяемый при дыхании, поглощается гранулами натронной извести. «Ныряющее блюдо» может пробыть под водой целые сутки, хотя

практически время его погружения ограничивается четырьмя часами.

Рифы Красного моря — это настоящие отвесные стены, вблизи которых нам нужно погружаться.

Водитель управляет «блюдцем», поворачивая сопла или прекращая приток воды в одно из них. «Блюдце» можно наклонить вниз или же, наоборот, развернуть вверх, перемещая массу балластной ртути в его задний или передний отсек. В равной мере можно изменить его плавучесть за счет ввода небольших количеств воды в резервуар, расположенный между водителем и наблюдателем. Нужно быть виртуозом, как Альбер Фалько, чтобы так умело маневрировать на глубине более 150 метров между уровнями 90 и 240 метров. Стена из мертвого коралла, обсыпанная белым песком, кажется вертикально расположенной пустыней.

Ниже отметки 250 метров мы внезапно входим в новую зону подводной жизни, резко отличающейся от всего того, что видели океанавты на меньших глубинах. Что это за бесформенное, вздутое, все в каких-то бугорках существо (длиной приблизительно 40 сантиметров), жадно раскрывающее огромную пасть? Можно подумать, что это жаба. Тем не менее это рыба, плавники которой превратились в лапки. Подводникам пришлось четырежды возобновлять попытки поймать это отвратительное существо, и лишь на пятый раз им удалось схватить его гидравлической клешней.

Огромная рыба бордового цвета, кажется, проявляет интерес к копошащимся креветкам. Вот еще другая рыба с широким упрощенным туловищем и огромной гривой цвета скалы, расположенной за ней. Спереди эта рыба кажется маловнушительной, тонкой, как лезвие ножа. Однако при приближении противника она разворачивается и демонстрирует огромный, внушающий ужас глаз, как будто нарисованный у нее на боку. Нам встречаются еще неведомые, неизвестно откуда попавшие сюда существа. На первых порах они кажутся жителями верхней области рифа, в действительности же они никогда нам еще не

встречались; на таких глубинах все или почти все покрыто мраком неизвестности, нам предстоит еще разобраться в этом.

Мощная лампа в 2500 ватт, которой снабжено «ныряющее блюдце», выдвигается с помощью гидравлической штанги, чтобы лучше осветить предметы, попадающие в поле зрения подводников. Здесь, на глубине 250 метров, Кусто обнаружил, что одна из скал устлана ковром из окаменевших мидий — это может представить большой интерес для геологов и археологов, так как по нему можно определить, как изменялся уровень воды в течение веков. Ночью прожекторы «блюдца» позволяют отчетливо видеть на расстоянии не менее 30 метров. Днем подводники были поражены тем, что солнечный свет проникает до 300 метров, где видимость оказалась такой же, как в пасмурный зимний день. Здесь мы «пролетаем» над песчаным дном — своеобразной Сахарой. Огромная рыба сопровождает «блюдце», как бы указывая подводникам дорогу.

На глубине примерно 300 метров подводники обнаруживают, что существа, которых они приняли издали за морских ежей, шевелятся и даже перемещаются. Это были крабы, вероятно собравшиеся на свой «конгресс» на морском дне. Все они беспрестанно ползут. «Блюдце» возобновляет свой путь, и в течение примерно получаса под ним непрерывно ползут по дну крабы. Миллионы крабов, растянувшихся на несколько квадратных километров! Несомненно, это странное сборище, сопровождаемое парадными и битвами, происходит здесь в период размножения; оно отчасти напоминает знаменитое скопление угрей в Саргассовом море...

В этот же день, в разгар крабьего «конгресса», «блюдце» столкнулось с огромной акулой, длиной от 7 до 8 метров, которая, выплывая из полумрака, быть может ослепленная прожекторами, ринулась на миниатюрную подводную лодку.

Это чудовищная акула, несомненно, весила больше полутора тонн — примерно половину веса «ныряющего

блюдца». Она трижды проплывала взад и вперед перед кинокамерами, раздумывая, очевидно, стоит ли ей напасть и как это лучше сделать. Затем, внезапно испугавшись чего-то, она стремглав удалилась, сотрясая «блюдце» ударами своего мощного хвоста.

После этого происшествия экипаж «Дениз» сбросил вторую свинцовую болванку и немного водного балласта, несколько увеличив скорость всплытия. Путь вдоль круч был усеян огромными белыми губками в виде чаш с тонкими, как бумага, стенками.

Встречаются странные существа в виде диванных пружин. В действительности же это колонии антозоев, похожие на колонии полипов, мадрепоровых и других кораллов.

Командир Кусто, наблюдая за окружающим его подводным миром, тут же, в «блюдце», записывает свои впечатления на магнитофонную ленту. Но вот к концу погружения, когда подводники готовы были подняться на поверхность, они увидели зияющий перед ними грот... По длинному узкому проходу «блюдце» проплывает с трудом, порою задевая за свод и ударяясь о стены. Внезапно оно

вплывает в зал с подводными сталактитовыми колоннами.

Если бы «блюдец» было снабжено гребными винтами, оно перемещалось бы гораздо быстрее. Но мы специально придали ему округлую форму, чтобы, в отличие от сигарообразной подлодки, оно не могло зацепиться ни за одно препятствие и застрять в подводном ущелье. «Блюдце» поворачивается вокруг собственной оси, мы исследуем тупик с помощью наших приборов. Наконец обнаруживаем, что над нами — жидкий потолок, который, вероятно, находится на уровне моря. Может быть, грот, в который мыплыли, так же, как и наш ангар, — своеобразный водолазный колокол, но созданный самой природой?

Выбросив несколько литров воды, постепенно поднимаемся к поверхности. Всплываем, оказываемся внутри грота в озерце, немного большем самого «блюдца». Поднимаем верхний люк и выдвигаем прожектор. Над озерцом небольшой слой воздуха и водяных паров. В гроте слегка чувствуется волнение моря. Здесь уровень воды то снижается, то поднимается на несколько сантиметров; медленно стелющийся туман придает еще большую таинственность всему окружающему. Свет, впервые разрывая многовековую мглу, раскрывает перед нами столь необычную картину, что Кусто — на этот раз в сопровождении аквалангистов — возвратился в грот и заснял его на киноплёнку.

Из Большого дома океанавты наблюдают, как «блюдец» возвращается после ночного погружения; его сопровождают аквалангисты, которые помогают ему всплыть в ангар. Свет прожекторов ангара выхватывает «блюдец» из мглы, и оно кажется огромной белой медузой. Каждый раз, когда «блюдец» выплывает или возвращается перед рассветом или когда ночью аквалангисты занимаются рыбной ловлей и исследованиями морских глубин, весь подводный городок зажигает огни и становится похожим на аэропорт. Между плашкоутом «Росальдо», стоящим на якорю в лагуне, и «Калипсо», также стоящей

на якоре, но с внешней ее стороны, в море переливаются и танцуют отражения огоньков подводного поселка. Наши на поверхности несут свою вахту и наблюдают за океанавтами, любуясь огоньками первого подводного города.

«Преко́нтинент-2», 12 июля 1963 года. Неделя прошла с тех пор, как Кьензи и Портлатин опустились в Маленький дом, — решающий эксперимент на Нижней станции подходит к концу! На центральном пульте управления Большого дома один из телевизионных экранов позволяет Клоду Уэсли и профессору Весьеру вести тщательное наблюдение за тем, что делают «черные маски», находящиеся на 15 метров глубже. Перед всплытием и возвращением в Большой дом они должны вдыхать в течение трех часов специальную смесь, состоящую наполовину из кислорода и наполовину из азота. Это освободит их организм от большого количества гелия, накопившегося в тканях. Командир Кусто спустился к «глубинникам» и провел с ними более часа во время этой процедуры. Затем он поднялся в «Морскую звезду», где дежурный по центральному пульту ждет сигнала готовности «черных масок» к всплытию.

12 июля 1963 года, 15 часов. После трехчасового вдыхания кислородно-азотной смеси Раймон Кьензи и Андре Портлатин, одетые в гидрокостюмы, покинули Нижнюю станцию, где они прожили неделю, и поднялись к Большому дому — промежуточному пункту перед возвращением на борт «Калипсо». Им придется еще пройти две декомпрессии: двадцатиминутную — на 15 метрах и тридцатиминутную — на 12 метрах. Подплыв к Большому дому, они поразились, увидев через иллюминатор жену Кусто, наблюдавшую за их медленным всплытием. Симона Кусто спустилась в Большой дом с борта «Калипсо» 9 июля, чтобы отдохнуть от изнуряющей жары, царящей в это время на Красном море. Она была очень усталой. После пятидневного «отдыха на подводной даче» (то есть до 14 июля) она стала первой женщиной-океанавтом.

Обе «черные маски» с волнением рассказывали, что на уровне Большого дома свет и краски им показались намного ярче. Когда они появились в раздевалке, Пьер Ванони и Клод Уэсли встретили их первыми. Все мы рады, что они вернулись в полном здравии, хотя им и пришлось испытать страшную влажность и жару, одиночество, отсутствие света и прочие невзгоды.

Раймон Кьензи — наш заядлый курильщик — не курил целую неделю, так как система очистки воздуха на Нижней станции не могла бы освободить воздух от дыма. Как только он снимает маску, сердобольный Клод Уэсли вручает ему набитую трубку. Кьензи тут же ее закуривает, с жадностью делает первую затяжку, и сразу его разбирает кашель.

Второй Клод, наш бортовой попугай, прислушивается, поднимает головку и, приоткрыв клюв, тоже начинает кашлять, подражая несколько пораженному Кьензи, который успел забыть про «всякую живность»!

Шаб-Руми, 14 июля 1963 года. Для всех океанавтов месяц, проведенный под водой, подходит к концу. Все готовятся подняться на борт «Калипсо». Благоразумия ради производится позшелонное возвращение на поверхность, так как если несколько океанавтов одновременно почувствуют себя плохо на поверхности или же окажутся жертвами несчастных случаев, происходящих обычно именно при всплытии, то понадобится немедленная помощь, а многоместная рекомпрессионная камера нашего судна не сможет вместить всех океанавтов сразу.

После обеда 12 июля Андре Фолько и Пьер Ванони два часа дышат смесью, составленной специально для жильцов «Морской звезды» и состоящей из 80% кислорода и 20% азота.

В 17 часов они поднялись на поверхность в сопровождении Кусто (который случайно оказался в доме в этот день).

13 июля наступил черед Раймона Кьензи и Андре Портлатина — двух глубинных океанавтов, прозванных «черными масками», которые переночевали в Боль-

шом доме. Сегодня, 14 июля, Альбёр Фалько уже отплыл на поверхность, остается направиться к «Калипсо» одной лишь гостье — Симоне Кусто — и трем океанавтам, все еще находящимся на действительной службе: профессору Весьеру, Клоду Уэсли и Пьеру Гильберу и... попугаю.

На верхней площадке подводной базы под 10-метровой толщей моря покоятся два безлюдных строения — «Морская звезда» и ангар «ныряющего блюда».

Вся команда, работающая на поверхности, встречает океанавтов у самого края нашего «моста». Солнце ослепляет всплывающих на поверхность — сказывается месячное пребывание под водой, а жара, присущая этим широтам, их ошеломляет: ведь всего на одиннадцатиметровой глубине, в Большом доме, термометр показывает температуру на 10° ниже.

Камера декомпрессии, установленная на «Калипсо», послужила лишь вспомогательному отряду аквалангистов, которому приходилось ежедневно возвращаться на поверхность и проходить все уровни декомпрессии. Сравнивая свою судьбу с участью тех, кто оставался на поверхности, океанавты считали себя счастливыми. Симона Кусто не преувеличивала, когда говорила о своем отдыхе в «Морской звезде». Работа, которую ей приходилось выполнять в этом знойном климате, была изнуряющей. Кусто похудел, как и большая часть его сотрудников, килограммов на десять. Океанавты же, которые прожили месяц под водой, по окончании эксперимента были свежими и полны бодрости.

Еще в древности, если верить легенде, Александр Македонский повелел опустить себя на дно морское в стеклянной бочке, дабы он мог обозреть подводные чудеса. Мы осуществили древнюю мечту человечества. Неделями мы жили под водой, при желании свободно выходили из наших подводных домов и возвращались в них, ни разу не всплыв на поверхность. Когда три последних океанавта поднялись на борт «Калипсо», не осталось

больше никаких сомнений, что эксперимент полностью удался.

Все полны нескрываемой радости, теперь мы знаем, что при использовании соответствующих смесей и соблюдении необходимых правил в недалеком будущем люди смогут долгое время жить под водой и постепенно исследовать просторы подводного континентального плато.

Нам, несомненно, остается еще многое сделать в ближайшие дни. Ангар «ныряющего блюдца» после поднятия свинцовых чушек и оборудования, установленного в нем, останется в Шаб-Руми как немой свидетель нашего незабываемого исследования. Все остальные конструкции должны быть подняты на поверхность, разобраны и погружены на наши суда. Однако мысленно мы все переносимся в несколько более отдаленное будущее. Собравшись в ужасно душном трюме «Росальдо», мы пьем за будущее — за претворение в жизнь наших замыслов.

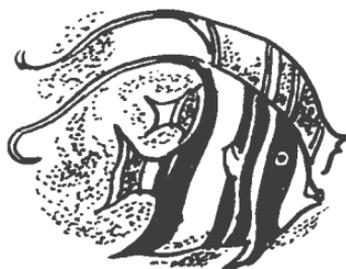
При использовании смеси водорода (в больших пропорциях) и кислорода считается теоретически возможным жить на подводной станции на глубинах до 200 метров, а в аквалангах производить погружения до 400 метров. Для достижения этой цели нужно всего несколько лет; на нашей следующей подводной станции, установленной на глубине 50 метров, мы сможем регулярно работать на глубинах от 50 до 85 метров. После этого будет сооружена станция на глубине 100 метров, откуда аквалангисты смогут погружаться до 160 метров. В любом случае совершенно очевидно, что постройка подводных обсерваторий и лабораторий, возможно, и станет нетрудным делом. Глубинные станции могут служить в качестве заправочных пунктов для подводных лодок, которым тогда не нужно будет всплывать.

Научные исследования и промышленное освоение морских глубин будут расширяться с каждым годом и стоить значительно меньше, чем освоение космических просторов. На дне морей будут выращиваться питательные водоросли, добываться полезные ископаемые, ведь уже сей-

час разведывают и добывают нефть в морских глубинах. Эксперимент, который мы только что провели в Красном море, может быть возобновлен вдоль почти любой прибрежной зоны. Наши океанавты — первооткрыватели подводного континента, исследование которого пока что едва началось, а он ведь побольше Африки! Путь, который позволит человечеству освоить мир без солнца, открыт.

В этом мы твердо убеждены.

И вот настал долгожданный день, когда мы демонтировали и погрузили все наши установки и сооружения; «Калипсо» снялась с якоря и направилась к Суэцкому каналу, чтобы вернуться во Францию...

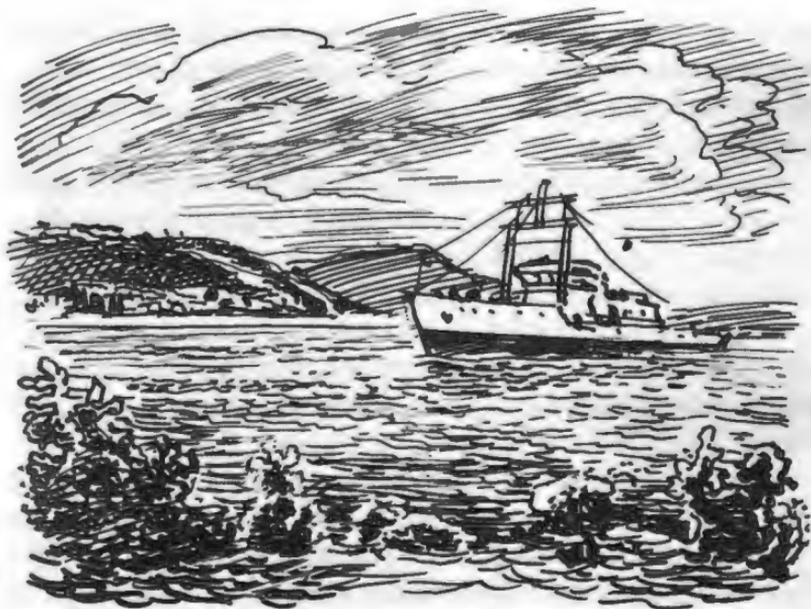
ЖАК-ИВ КУСТО, ФИЛИПП ДИОЛÉ

Затонувшие сокровища

Перевод с французского
О. И. ФЕЛЬДМАН

Глава первая

В ЛОВУШКЕ ДЛЯ СУДОВ

На рифах Силвер-Банк. — Рифы грозят «Калипсо». — Возвращение, это слишком опасно. — Сезон циклонов. — Риф, начиненный сокровищами. — Певец моря. — Карибские корсары. — Вызов принят. — Корабли-призраки. — На широте 20°43' с.ш. — Первая разведка

13 июля 1968 года, 8 часов 30 минут утра. Снизив скорость, «Калипсо» идет на север. Редкие облака лениво влачатся по небу. Перед нами расстилается сине-зеленое море, оно чуть колеблется от легкого ветерка. Вода прозрачна. Дно на глубине 15 метров хорошо просматривается...

Вокруг нас коралловые скалы. Белые и золотистые, они торчат над водой или проступают зловещими темно-синими пятнами на небольшой глубине. Плавать в таких районах опасно. Мы знаем это по опыту, приобретенному в Красном море у островов Фарасан и Суакин. На

борту все знакомы с подобными ловушками для судов. Исключительное внимание и осторожность требуются от всех членов экипажа, где бы они ни находились — в машинном отделении или на палубе. Но и это не всегда гарантирует от аварии.

Сейчас мы в Карибском море, еще одном опасном коралловом районе, правда несколько отличном от тех, с которыми приходилось встречаться раньше.

Площадь массивов, образованных колониями морских животных во всех океанах земного шара, вместе взятых, в 20 раз превышает территорию Европы. Это особый мир, настоящие джунгли со своими законами и образом жизни.

В эти воды нас привел на сей раз отнюдь не интерес к жизни моря, а, скорее, погоня за прошлым. В поисках его следов мы собираемся проникнуть внутрь Силвер-Банк, одного из опаснейших нагромождений коралловых рифов Карибского моря, находящихся к северо-востоку от острова Гаити. Я смотрю на показания эхолота, его записи становятся очень тревожными. Корпус «Калипсо» уже обступил лес вертикальных столбов, расположенных всего на 2—3 метра ниже поверхности моря. Со всех сторон поднимаются только башни да крепости, в хаотическом беспорядке воздвигнутые кораллами. А сколько здесь различных препятствий, остроконечных скал и перемычек, достаточно массивных для того, чтобы раздавить форштевень или пропороть корпус нашего судна!

Возобновляем «вахты на портике», к которым мы так часто прибегали на Красном море, но еще ни разу в Карибском. Порттик — это конструкция из легкого металла, которую я велел соорудить в носовой части судна. Он несет на себе радиолокатор и позволяет, кроме того, пяти-шести нашим товарищам постоянно вести наблюдения за изменением окраски воды, чтобы вовремя распознать подводные скалы. Забравшись на высокий порттик, наблюдатели прокладывают ломаный курс нашего судна. На мысль о портике меня натолкнула книга Монфрейда.

В ней приводится история одного контрабандиста, владельца маленькой арабской бутры, которому неизменно удавалось скрыться от преследователей в узких проходах рифов, в местах, куда не осмелилось бы зайти ни одно другое судно. Секрет его удачи был прост: на вершину мачты взбирался юнга, который высматривал подходящие проходы в лабиринте скал.

Когда море такое синее, как сегодня, а прозрачность воды и освещение благоприятствуют наблюдениям, с высоты портика можно разглядеть пятна кораллов и узкие песчаные коридоры, по которым мы намереваемся следовать, чтобы проникнуть в глубь коралловых рифов.

Я располагаю, кроме того, еще двумя наблюдателями, находящимися на форштевне. Они не спускают глаз с морской глади, которая простирается перед нами, чтобы в любую минуту дать стоп-сигнал, если возникнет угроза врезаться в какое-нибудь коралловое нагромождение. Если бы море было менее спокойным и валы разбивались о риф, нам бы ни на шаг не удалось продвинуться среди этих бесчисленных препятствий.

Медленно подбираемся к самому сердцу рифов Силвер-Банк. Люди на борту напряжены до предела. Чувствую это инстинктивно, как всегда, когда приходится руководить такой сложной операцией, как сегодня. Эта напряженность вызвана не только опасностями, подстерегающими нас в пути, но и характером той новой миссии, которую возложил на себя экипаж «Калипсо». Задача с самого начала представлялась нам нелегкой. И люди на борту помнят сейчас об этом. «Пройдем или нет? Улыбнется ли нам фортуна?» Дело в том, что наше рискованное путешествие имеет, помимо прочего, одну свойственную человеку цель: обогащение.

Возвращение

Рядом со мной, не сводя глаз с эхолота, стоит Реми де Хенен, который втравил меня и «Калипсо» в эту новую авантюру. Он-то и подзуживает меня на слалом между

зубьями коралловых рифов. Сказывается его профессия летчика!

Уже два раза приходилось останавливать судно во избежание катастрофы. У штурвала Жан-Поль Бассаже обливается потом. Я мечусь между штурвалом и эхолотом, показания которого красноречивее всяких слов. Мы окружены подводными скалами, напоминающими шпили готических соборов или руины башен. Подумать только, что все вокруг сотворено живыми морскими организмами! Поистине Карибское море — великолепная питательная среда! Инстинктивно чувствую приближение момента, когда мы попадем в мышеловку и она захлопнется за нами. Не пора ли положиться на свою интуицию?

Бросаю беглый взгляд вокруг: зрелище по-прежнему прекрасное и... в то же время тревожное. В пределах видимости коралловые скалы вздымаются из воды, переливающейся всеми оттенками синей, зеленой и лиловой красок. Если мы напоремся на скалы, вряд ли кто придет нам на помощь! Итак, надо принять решение, пока не слишком поздно!

К величайшему неудовольствию Реми де Хенена, останавливаю судно и решаю вернуться. Дерзость не безгранична, когда дело касается управления судном! Похоже, что мы в ловушке! На этот раз я сам поднимаюсь на портик, чтобы попытаться обнаружить фарватер. Но впереди нас путь решительно закрыт. В неподвижном море, залитом светом тропического солнца, на небольшой глубине простирается чуждый человеку мир, мир известняка, царство воды и животных организмов, которые ни по формам, ни по окраске ничем не походят на тех, что обитают на суше. Я вдруг почувствовал враждебность этого мира или, скорее, его беспощадное равнодушие. Мы здесь — чужаки. С портика легко различимы как бы лиловые озера, разлившиеся на золотистой поверхности песчаного дна. А в вертикальном направлении тянутся ветви и хрупкие древовидные отростки, среди которых снуют разноцветные рыбы.

Развернуться? Но это легче приказать, чем выполнить! На какую-то долю секунды у меня возникло сомнение, не слишком ли поздно я принял решение. Мы уже чересчур глубоко завязли в Силвер-Банк... Но, осторожно манипулируя двумя моторами, мы очень медленно развернулись и ни за что не зацепились. С помощью Жан-Поля Бассаже, который несет теперь вахту на форштевне, и всех членов экипажа, находящихся на передней палубе, мы потихоньку выбрались из этой западни. Де Хенен стоит мрачный, крепко стиснув челюсти.

Сколь бы медленно ни продвигались мы, корабль должен сохранять достаточную инерцию хода, чтобы слушаться руля. Несколько раз судно слегка коснулось одной из тех остроконечных скал, которая могла бы легко пропороть его корпус. Как только мы выбрались из лабиринта, я поставил «Калипсо» на якорь примерно в 300 метрах от последнего нагромождения кораллов. Приунывший де Хенен вообразил, что я уже отказался от намеченного предприятия. На самом деле речь идет только об использовании других средств, чем мы теперь и займемся!

Сейчас мне ясно, почему еще со времен Христофора Колумба Силвер-Банк пользуется дурной славой у мореходов. Это настоящий лабиринт смертоносных рифов. Даже нам, привыкшим играть в прятки с кораллами, не удалось проникнуть в него с первого захода. Действительно, это один из опаснейших закоулков Карибского моря.

Хотя Силвер-Банк известен с давних времен и древние мореходы прилагали все усилия, чтобы обойти его стороной, он стал ареной многочисленных кораблекрушений. Капитаны и лоцманы галионов, перевозивших в Испанию золото из Нового Света, прозвали весь этот хаос выступающих из воды рифов Абреохосом, что означает «открой глаза». Мудрый совет!

Мы прибыли сюда в неудачное время. Июль на Карибском море не слишком благоприятствует навигации. Это начало сезона циклонов. Они кружат по Мексиканскому заливу, сметая все на своем пути во Флориде и опусто-

шая острова. Именно циклоны сносили парусные суда XVI и XVII веков к рифам Силвер-Банк. Многие галионы поджидала здесь гибель по вине лоцманов, которые допускали порой грубейшие ошибки, прокладывая курс. Ведь в те времена моряки располагали только весьма примитивными средствами для определения местоположения судна.

Надо сказать, что и метеорологических знаний тогда не было, а средств для передачи информации и вовсе не существовало.

Что касается самих судов, то они были медлительными и тяжелыми. Нам, явившимся сюда в поисках обломков кораблекрушения, застрявших в этом рифе, придется напрягать воображение, чтобы представить себя на месте моряков XVII века, и не упускать из виду, в каких условиях плавали парусники в старину.

Риф, начиненный сокровищами

В эпоху открытия и эксплуатации богатств Америки в XVI—XVIII веках по меньшей мере с полсотни судов были разбиты здесь о коралловые скалы, которые раздирали их на части, перебрасывая друг другу, словно мяч. Почти все суда несли груз несметных сокровищ.

Силвер-Банк — это уголок Мирового океана, щедрее других начиненный обломками погибших судов. Именно здесь на квадратный километр поверхности воды приходится больше всего затонувших сокровищ. О рифах Силвер-Банк мечтают водолазы и искатели кладов. Из огромной массы богатств, которые награбила Испания в Новом Свете, более трех миллиардов в современных франках находилось на борту потерпевших крушение судов в виде золотых и серебряных слитков, драгоценных камней и произведений искусства. Все это осталось здесь замурованным в известняковых конкрециях в течение длительного и непрерывного процесса развития кораллов. Силвер-Банк — крупнейший сейф на земном шаре. Так утверждают историки и экономисты.

Экипаж «Калипсо» не жаждет денег. Водолазы по полгода и больше проводят на борту судна — и эту суровую службу, всецело подчиненную морю и лишенную комфорта, они избрали добровольно. Но мои товарищи и я слышали от наших американских друзей так много рассказов о золотых монетах, найденных на берегах Флориды, что мы поддались соблазну не столько золотого дьявола, сколько страсти к открытиям.

Американские водолазы опубликовали увлекательнейшие книги о кораблях, затонувших у восточного побережья материка. Разумеется, дело не обошлось без неудач, легенд, преувеличений и даже мошенничества. Недурно было бы и нам попытаться счастья! Короче, экипаж «Калипсо», да и я сам не устояли перед соблазном охоты за сокровищами.

Однако наша экспедиция во многих отношениях отличалась от поисков наших предшественников. Человеком, вдохновившим нас на это приключение, был Реми де Хенен. Как только мы бросили якорь, он прекратил вахту у эхолота и взобрался на портик. Догадываюсь, что там, наверху, Реми с помощью бинокля зорко вглядывается в горизонт, пытаясь отыскать в нагромождении скал путь к удаче к безымянным сокровищам и затонувшему галиону.

Певец моря

Реми унаследовал от своих предков страстную решимость вырвать у моря все шансы на удачу, все богатства, которые оно хранит. Темперамент голландского моряка (родившегося в Лондоне!) усиливался бретонским влиянием, поскольку его семья издавна обосновалась на острове Бреа во Франции. Что касается самого Реми, то он за долгие годы своего пребывания в странах Карибского бассейна превратился в одного из здешних старожилов, с присущим им взглядом на вещи, отвагой и страстью к приключениям. Реми минуло пятьдесят лет. У него смуглое лицо с резкими морщинами, типичное для чело-

века, привычного к солнцу тропиков и морскому ветру. Вместе со всей своей семьей он обосновался на крошечном (франко-шведском) островке Сен-Бартельми, о существовании которого большинство французов и не подозревает. Островок этот находится между Пуэрто-Рико и Гваделупой. Реми де Хенен исполняет на нем обязанности мэра и хозяина гостиницы. Но прежде всего он летчик. На своем легком самолете Реми поддерживает связи Сен-Бартельми, или Сен-Барта, как его здесь называют, с полуфранцузским-полуголландским островом Сен-Мартен, а также с Пуэрто-Рико и Гваделупой.

Как-то вечером на одном из Малых Антильских островов Реми де Хенен поведал мне о «своем» затонувшем судне. Это наваждение преследует его всю жизнь. Есть люди, от природы наделенные инстинктом искателя сокровищ, подобно тому, как существуют прирожденные игроки. Я знал многих людей разного возраста и социального положения, которые походили на Реми, но среди них лишь очень немногие нажили состояние. Это люди особой расы, для которых ажиотаж поисков и связанные с ним волнения, а также неопределенность результатов значат гораздо больше, чем выигрыш. Возможно, что сегодня это последние поэты моря. Де Хенену было известно об одном затонувшем корабле, в котором, по его утверждению, были скрыты сокровища на 5 миллионов золотых франков. В тот вечер ему не удалось заразить меня вирусом золотой лихорадки. Но я предложил Реми занять место на борту «Калипсо» в качестве лоцмана, чтобы привести нас к «своему» затонувшему кораблю.

Реми посвятил многие годы исследованию рифов Силвер-Банк, используя для этой цели самолет и моторную лодку с мощным двигателем. Он даже составил карту, на которую нанес координаты прежних кораблекрушений, и нырял в воду в районах, хранящих обломки затонувших судов, так как, ко всему прочему, он еще и водолаз.

Раскроем наконец тайну Реми: к одному затонувшему кораблю он испытывает особое тяготение. Это испанский галион, носивший имя «Нуэстра сеньора де ла концепсь-

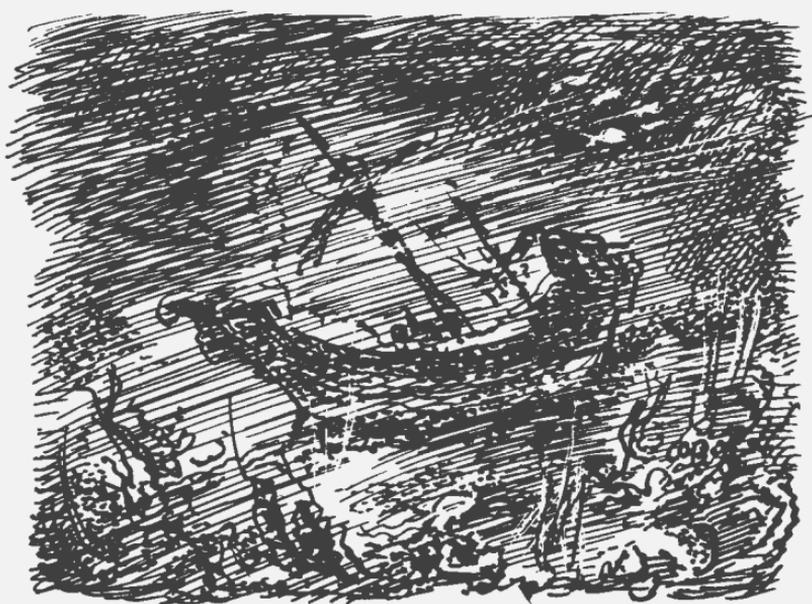
он». Сведения о месте его гибели, которыми мы располагаем, крайне неопределенны. Но де Хенен не ограничился поисками обломков с борта своего самолета. Покопавшись в лондонских и мадридских архивах, он пришел к убеждению, что «Нуэстра сеньора де ла концепсьон» пошла ко дну у «подножия рифа, имевшего форму полумесяца».

Вот этот полумесяц де Хенен долго искал, летая над коралловыми сооружениями. Он уверен, что видел его где-то среди рифов Силвер-Банк.

Казалось вполне реальным, что описанные Реми обломки действительно представляют собой обломки корабля «Нуэстра сеньора де ла концепсьон». Только они соответствовали тому, что было известно о гибели этого галиона: разбившийся о риф в форме полумесяца, раздавленный тяжестью известняковых отложений, он все еще находился на тех координатах, где его посетили «рекеры», английские мародеры XVII века, грабившие затонувшие суда. Среди них был и Уильям Фиппс, извлекший отсюда значительные богатства. Фиппс был самым удачливым из всех охотников за сокровищами, которые когда-либо поднимались с морского дна. Общеизвестно, что техника того времени не позволяла рекерам воспользоваться всем огромным грузом галионов. Впрочем, они работали и на нас, поскольку им, несомненно, приходилось высвобождать корпус и заниматься подсчетом богатств, которые они вынуждены были оставлять на месте. Рекеры составили опись затонувших сокровищ по оценкам того времени, но оставшиеся на дне богатства еще и в XX веке представляют великий соблазн для искателей сокровищ.

Карибские корсары

Ясной тропической ночью мы вели долгую беседу с Реми у зарослей ибиска и бугенвиллей на берегу фосфоресцирующего моря перед бухтой, некогда служившей тайным убежищем корсарам.

Реми де Хенен не пережил бы столько приключений и у него не было бы такого множества друзей, если бы он был лишен великого дара убеждать и умения рисовать картины, которые захватывают воображение и подкупают своей правдивостью.

В ту ночь, когда Реми рассказывал мне о галионах, перегруженных золотом, о флибустьерах, с дьявольской ловкостью управляющих своими легкими судами, о запятнанных кровью золотых слитках, жемчугах и изумрудах, о дублонах, добытых за один час абордажа и спущенных за одну ночь кутежа, он воссоздал реальную жизнь со всей страстью, которую питал к Карибскому морю, видевшему немало трагедий. Недаром это море с его жгучим солнцем и огненным ромом, с его погибшими цивилизациями, с людьми, любившими цветы и легко прибегавшими к насилию, заразило всю Европу болезнью, подобной тропической лихорадке.

Сумел ли в ту ночь Реми ослепить меня блеском золотых слитков, монет и цепочек?... Думаю, что нет.

По натуре своей я скептик, а не игрок! Искушать судьбу не в моих привычках! Но любое дело, которым мне еще

не приходилось заниматься на море, всегда привлекает меня.

Правда, моим товарищам и мне уже довелось в течение пяти лет участвовать в одной грандиозной, хотя и изнурительной археологической операции у островов Гран-Конглуэ, а именно в раскопках обломков римского судна, принадлежавшего некоему Марку Сестино.

Это происходило возле Марселя, у подножия одной из прибрежных скал, на глубине 40 метров. Нашими противниками тогда были море, мистраль, глубина и трудный подход к остову разбитого судна, из которого предстояло поднять на поверхность тысячу амфор. Нам тогда посчастливилось. Кроме амфор мы извлекли драгоценную посуду и получили неоценимые сведения о жизни, кипевшей на судоходных и торговых путях Средиземноморья, соединявших Грецию и Рим в III веке до нашей эры.

Предложение, с некоторым вызовом сделанное мне Реми в тиши тропической ночи, было совсем иного рода. Речь шла о более позднем кораблекрушении, происшедшем более трех веков назад, в гораздо лучше изученный исторический период времени. От Древнего Рима нам предстояло перейти к новому времени. Кроме того, предложение Реми будило воображение ассоциациями, связанными с такими понятиями, как «галион» и «Карибское море». За ними скрывается история морского разбоя, они воскрешают призраки великолепных моряков, будят воспоминания о всех авантюрах Нового Света и о сложных взаимоотношениях между открытым материком и Европой.

Да, несомненно, игра стоит свеч! Заманчиво пролить некоторый свет на эту главу истории, отголоски которой и теперь еще слышатся при кризисах, революциях, социальных потрясениях, переживаемых Латинской Америкой.

Вызов принят

Ко всем трудностям в этом районе присоединяются еще и коралловые образования. В них-то и заключается вся сложность проблемы. Я понял это в первый же день,

когда Реми поведал мне свою тайну. Уже тогда в моем воображении возник остов затонувшего корабля, придавленный тоннами известняка. Во всяком случае, обломки кораблекрушения должны быть обезображены, изменены до неузнаваемости акропорами¹, горгонариями², «мозгами Нептуна»³, «оленьими рогами»⁴. Они воссоздают образы, являющиеся в сновидениях, — загадочные и нереальные.

Именно это и толкнуло меня на поиски. Нам еще ни разу не приходилось извлекать обломки затонувших кораблей, попавших в плен к кораллам. И я хорошо знал почему! Это было делом трудоемким, почти невыполнимым. На этот раз я принял вызов!

Я прошел на «Калипсо» сотни миль по коралловым районам: в Красном море, Индийском и Тихом океанах, у Антильских островов. Повсюду мы совершали погружения в автономных скафандрах и «ныряющих блюдцах»⁵. Мы возвращались на старые места через несколько

¹ А к р о п о р ы (*Acropora*) — известковые шестилучевые кораллы, образуют мощные колонии, толщиной до нескольких метров. (Здесь и далее примеч. ред.)

² Г о р г о н а р и и (*Gorgonaria*), или роговые кораллы, относят к восьмилучевым коралловым полипам, у которых кроме известковых частей скелета по оси древовидной колонии проходит роговой стержень, содержащий большое количество йода (до 8%). Различают неветвящиеся и ветвящиеся колонии — древовидные, перистые и веерообразные различных окрасок.

³ Под «м о з г а м и Н е п т у н а» авторы имеют в виду массивные и округлые формы мадрепоровых кораллов, в частности кораллы-мозговики (*Meandra u Coeloria*) и шаровидные гладкие пориты (*Porites*).

⁴ Поциллопоры «о л е н ь и р о г а» (*Pocillopora clamicornis*) — рифообразующие кораллы, образуют приземистые колонии с короткими толстыми веточками, окрашенными в карминно- и вишнево-красный цвет. В лагунах этот вид представлен редковетвистыми колониями с длинными тонкими ветвями светлых тонов.

⁵ «Н ы р я ю щ е с б л ю д ц е» («Дениз») — миниатюрная двухместная подводная лодка, напоминающая по форме огромного краба. «Дениз» снабжена двумя иллюминаторами для фронтального обзора, внешней гидравлической клешней для взятия пробных образцов и водометными реактивными двигателями.

лет, наблюдали и изучали там рост кораллов. Нам удалось отыскать по прошествии четырех лет следы, оставленные нашими подводными домами¹ у Шаб-Руми в Красном море. Все, что мы там оставили, превратилось в опору для кораллов. Возможно, что через десять лет следы нашего пребывания будут совсем стерты растущими коралловыми колониями. Мы осматривали остовы металлических судов у островов Суакин и в Индийском океане. Пролетав под водой не более 20 — 50 лет, они были полностью завоеваны морскими организмами. Некоторые из них покрылись колониями морских животных, как, например, «седовласые останки», которые были описаны в нашей книге «Жизнь и смерть кораллов». Другие превратились в скалистый пейзаж или в японские садики. В каком же состоянии мы найдем «Нуэстра сеньора де ла консеписьон» — деревянное судно, оставшееся в течение трех с половиной веков жертвой быстрого размножения мадрепоровых?

Я думаю, что ответ на этот вопрос стоил нового приключения. Если на затонувшем корабле осталось золото, мы скоро его обнаружим, и это послужит дополнительным стимулом.

Предстояло еще составить программу исследований и уточнить сроки. «Калипсо» в течение трех с половиной лет не заходила в свой порт приписки. Она всегда готова к тому, чтобы поступить в наше распоряжение, и одновременно выполняет многочисленные задания. Именно такое судно мне и хотелось иметь. Однако необходимо, чтобы новый эксперимент с раскопками, возможности и перспективы которого внезапно предстали передо мной, вписался в общую программу работ, намечавшихся в Карибском море. Следовало немного подождать.

¹ Подводный дом, Большой дом, или «Морская звезда», — жилище океанавтов. По форме напоминает огромное распластанное и прижатое к земле морское животное. Впервые использовано Ж.-И. Кусто на дне Красного моря.

В тот вечер я дал свое принципиальное согласие Реми де Хенену и присоединился к экипажу «Калипсо», который занимался тогда исследованием повадок черепах в Индийском океане.

Первая разведка

Самое замечательное в жизни, которую мы ведем, мои товарищи и я, заключается в том, что всегда наступает момент, когда какая-нибудь вечерняя беседа или приятный проект материализуется с прибытием «Калипсо» и вторжением ее экипажа, состоящего из двадцати девяти человек. Передо мной наконец расстилается синезеленое море, такое яркое, что слепит глаза. Вот они, кораллы Силвер-Банк, а возможно, и обломки затонувшего корабля. Ибо пришло то время, когда я смог втиснуть проект под девизом «Затонувшие сокровища» в программу наших работ и привести «Калипсо» в назначенное место.

Нам предстояло еще принять немало решений. Но здесь мы полагались на помощь Реми, находившегося в возбужденном состоянии, как и подобало искателю приключений накануне открытия.

Он провел последнюю авиаразведку в сопровождении нашего кинооператора Мишеля Делуара, заснявшего всю дьявольски запутанную конфигурацию Силвер-Банк, поскольку нет такой морской карты, на которую мы могли бы с уверенностью положиться.

Реми и Мишель уже дважды летали над рифами с Пуэрто-Рико, в то время как наше судно крейсировало неподалеку. Новые снимки должны служить дополнением к цветным фотоснимкам, сделанным де Хененом с самолета в прошлом году.

По правде говоря, эти полеты показали, что внутри Силвер-Банк есть немало рифов, изогнутых в форме дуги. Но Реми выбрал из них тот единственный, широтное положение которого, казалось, отвечало предполагавшемуся месту гибели судна и всем историческим данным,

почерпнутым из архивов и библиотек. Итак, нам остается только найти этот риф.

Силвер-Банк представляет собой самое мощное скопление кораллов в открытых водах Карибского моря.

У меня сложилось теперь совершенно четкое представление о конфигурации рифа, и к тому же удалось нанести на карту его примерные, крайне извилистые контуры. Гигантское подводное плато площадью 2700 квадратных километров простирается на глубине примерно 25 метров. С севера оно забаррикадировано почти неприступным барьером длиной 40 километров. На него-то мы и натолкнулись. Весь этот обширный ансамбль резко вздымается из глубин, превышающих 1000 метров.

Испанские золотые флотилии не раз сносило к этому барьеру. Крупные, медлительные при маневрах галионы, перегруженные сокровищами, потрепанные штормами или сбившиеся с пути по вине своих лоцманов, обрекались на неминуемую гибель, как только попадали в район коралловых рифов.

Корабли-призраки

В карибских водах коралловые сооружения менее массивны на вид, чем в Красном море или в Индийском океане, зато они сильнее заострены и разветвлены. Вот почему при погружении в воду над коралловым дном севернее Гаити повсюду мерещатся обломки затонувших кораблей. Кажется, что любая известковая ветка обволакивает какую-нибудь снасть, а в коралловой колонне заключен обломок мачты.

Мы испытали это вчера на собственном опыте, днем и ночью ныряя в воду над другим коралловым сооружением, находящимся на нашем пути, а именно над рифами Нативите-Банк.

С начала путешествия Реми де Хенен преображается. Он весь светится — ведь теперь должна осуществиться мечта всей его жизни. Команда наших водолазов, которую он впервые наблюдал за работой, возможности, от-

крывшиеся перед ним на «Калипсо», и оборудование, находившееся в нашем распоряжении, — все это окрыляло его надежды и усиливало нетерпение.

Но теперь восторженное состояние Реми сменилось унынием. Все наши утренние попытки проникнуть в глубь Силвер-Банк потерпели крах... Я решил прибегнуть к другим методам исследования: послать на разведку шаланды и «зодиак»¹, которые смогут пройти где угодно. А там посмотрим!

Сейчас же отправляю на поиски одну шаланду, в которой находятся Реми, Жан-Поль Бассаже, Раймон Коль и Марсель Форшери; позже, после второго завтрака, в «зодиаке» отбывают Бернар Делемотт и Жан-Клер Риан.

Шаланда Реми получила задание «прощупать» «толстые северные рифы», тогда как «зодиак» обследует скалистые вершины вокруг «Калипсо». Около двух часов пополудни Реми радиовал, чтобы ему прислали отбойный молоток и два бочарных струга. Что касается отбойного молотка, это просто шутка. Увы, на борту нашего судна нет еще таких инструментов. Отзываю по радио «зодиак», сажаю в него Делуара в качестве дополнительного пассажира и отправляю на шаланду хороший запасец кайл и ручных ударных буров. Оба суденышка возвращаются с наступлением вечера. На улыбающихся лицах довольное выражение. Энтузиазм Реми возродился. Шаланда захватила с собой трофеи: часть оснастки старинного парусника, покрытой ржавчиной красноватого цвета и инкрустированной кораллами, да старую дубовую доску в придачу... Водолазы видели какой-то таинственный предмет, застрявший в рифе. Судя по их описаниям, это могла быть ручка или стержень старинной ручной помпы. Все это, разумеется, добрые предзнаменования, но мне хорошо известны разочарования, которые сменяют оптимизм первых открытий. Поэтому я счел уместным умерить всеобщий восторг.

¹ «Зодиак» — легкая лодка из пластмассы, изготовленная фирмой «Зодиак».

Мы снимаем на пленку эти первые находки. Возможно, что в дальнейшем они приобретут решающее значение для опознания затонувшего судна. В настоящий момент нам еще ничего не известно, и я рекомендую всем проявить благоразумие.

На широте 20°43' с. ш.

Вечером после обеда прокручиваем кинопленку, отснятую де Хененом с самолета в прошлом году. Останавливаемся на одном кадре, и на большом листе бумаги, который служит нам экраном, дорисовываем жирным карандашом ту часть рифа, которая была исследована водолазами пополудни.

Тщательно определяем широту, на которой находится «Калипсо», и при помощи радиолокатора запеленговываем шаланду, посланную к месту находки. Широта «Калипсо» 20°41' с.ш. Это позволяет нам определить широту затонувшего корабля — 20°42'. По исчислениям Уильяма Фиппса, который извлек из него фантастические сокровища, широта составляла 20°43' с. ш. Разница всего в одну минуту! И так, вполне возможно, что мы вторично нашли обломки пресловутого галиона, нагруженного золотом, частично уже присвоенным Фиппсом в 1687 году. Но действительно ли мы обнаружили обломки затонувшего судна и было ли оно старинным? Те куски железа и дерева, которые хранятся с сегодняшнего вечера на борту «Калипсо», не слишком убедительное доказательство. Надо составить себе полный отчет, для этого решено завтра утром отправиться к месту находки и погрузиться на дно в автономном скафандре.

Реми, со своей стороны, хочет завтра обшарить рифы, находящиеся на расстоянии одной мили к северу. Наш охотник за сокровищами обладает довольно редкими качествами: у него нюх и чутье моряка, причем к этим достоинствам присовокупляется умение ловко пользоваться современной техникой цветной аэрофотосъемки. Кроме того, он заставил свою жену снять копии с архивных до-

кументов Британского музея. Именно Реми обнаружил старинную ручную помпу, тогда как Мишель Делуар, роясь в иле руками, извлек из него первую дубовую доску.

По нашим расчетам, место находок расположено в 2600 метрах от стоянки «Калипсо». Это означает, что придется отважно сражаться с многочисленными коралловыми скалами.

Если завтра новое обследование подтвердит, что мы действительно имеем дело с останками корабля, и притом корабля старинного, то, чтобы начать раскопки, придется неизбежно поставить «Калипсо» точно над обломками, то есть еще раз проникнуть в глубь Силвер-Банк, лавируя между рифами.

Тогда нам останется только дать обет не грешить, чтобы циклоны не застали нас в этой западне, иначе нам не избежать участи галиона «Нуэстра сеньора де ла кон-сепсьон».

Тайна кораллов

За это утро я не раз видел столообразные коралловые возвышенности, изогнутые в виде дуги и напоминающие пресловутый «полумесяц» Реми де Хенена. Такие полумесяцы представляют собой платформы, ширина которых порой достигает нескольких десятков метров. Края этих столообразных возвышений покрыты обильной растительностью. На дне вокруг них растут коралловые деревья, образующие гигантские рощи и леса. И все это в целом удивительно напоминает останки затонувших парусников с реями, покрытыми известковой оболочкой.

Без видимой причины кораллы быстро размножаются в каком-нибудь месте, оставляя рядом незаполненные пустоты. Почему? Разумеется, необъяснимые капризы имеют свои причины, но нам они неизвестны.

Не исключено, что коралловые полипы с исключительной быстротой размножились именно на обломках затонувшего корабля, которые и оказались, таким образом, погребенными под их известняковой толщей. И вот

по какой причине! В море животные, ведущие неподвижный образ жизни, ищут прежде всего опоры и, закрепившись на ней, начинают перекрывать друг друга. Затонувшее судно представляет собой идеальную опору. Кроме того, коралловые полипы нуждаются в кислороде. Между тем во многих морях придонные воды богаты кислородом. В этих случаях обломки затонувшего судна становятся удачной находкой для кораллов, которые приобретают исключительно благоприятную для них среду в полуметре от морского дна. И тогда они начинают размножаться с исключительной быстротой.

Вот почему я сильно опасаясь, что галион «Нуэстра сеньора де ла консепсьон» будет трудно разглядеть даже водолазам, находящимся на дне. Мне хорошо известно, что придется также вести раскопки в известняковой толще, а это будет титанический труд. Но мне не хочется разочаровывать экипаж. В конце концов, я могу ошибаться, и не исключено, что нам удастся найти доски от корпуса или шпангоуты судна. Это даст ключ к разгадке археологической тайны и поможет руководить раскопками.

Вера моих товарищей в существование затонувших сокровищ, кажется, очень сильна, и я решаю организовать работы так, как если бы они действительно лежали на дне.

Ведь для большинства водолазов на борту «Калипсо» эти поиски станут самым выдающимся событием в их жизни.

Чтобы устроить рабочую площадку, надо не только очистить дно от кораллов, но и убедиться, что они не скрывают в себе ничего ценного. Только одна из тех акропор, которые мы во множестве видели на дне, были в состоянии поглотить один или даже несколько золотых и серебряных слитков или изумрудов и восьмиреаловиков.

Надо будет застопорить самые большие глыбы из тех, что нам удастся отделить, поднять их с помощью трехтонного подземного крана на борт нашего судна и осторожно раздробить, чтобы не пропустить ничего ценного. Впрочем, нам предстоит раскалывать с помощью геологического молотка на борту «Калипсо» все сколько-нибудь

круглые обломки кораллов, чтобы убедиться, что они не таят в себе какой-нибудь драгоценности. Да, нас действительно ждет каторжный труд, но я убежден, что экипаж «Калипсо» не дрогнув справится с этим делом.

Сад чудес

У меня сжимается сердце при мысли о том, что этот прелестный уголок природы нам придется разрушить, уничтожая кайлами те восхитительные формы жизни, на развитие которых ушло несколько столетий.

Сотни закрепившихся животных сгруппировались здесь, установив крайне неустойчивое и сложное биологическое равновесие. Поистине чудодейственное творение природы! Малейшее изменение температуры или солености воды или слишком обильные атмосферные осадки могли бы уничтожить рифы Силвер-Банк полностью.

Но исследованный мною вокруг «Калипсо» подводный ландшафт, который нам предстоит уничтожить, превратив его в рабочую площадку, создан не одними только кораллами.

Разумеется, коралловые сооружения образуют главный элемент ландшафта, и именно они покрыли броней остов затонувшего корабля. Вот раскинулись огромные поля «оленьих рогов», над которыми проплываешь при погружении в воду. Подле них красуются своими изящными формами акропоры, виднеются шапки грибовидных фунгий¹, огромные шары «мозгов Нептуна».

Но в эту массу живого известняка вкраплены колонии других морских животных самого различного вида и окраски: мягкие на ощупь губки в форме свечей и чаш, «огненные» кораллы², вызывающие сильные ожоги при при-

¹ Фунгии — шестилучевые кораллы, относящиеся к отряду мадрепоровых, с мощным наружным известковым скелетом.

² «Огненные» кораллы (*Millepora alcornis*) относят к классу гидроидных полипов, для которых, однако, характерен известковый скелет. Образуют кустарниковые колонии, подобные колониям коралловых полипов.

косновении к их ядовитым щупальцам, и т. д. Все это затмевает простирающийся у подножия уступа лес розовато-лиловых и желтых горгонарий с длинными, опущенными вниз ветвями наподобие страусовых перьев. Водолаз проскальзывает между этими ветвями, длина которых превышает его рост, и они гибко склоняются при его погружении.

Вся эта волшебная страна густо населена огромным меру¹, рак-отшельник из грота в коралловой стене привык к пришельцам и спокойно наблюдает за нашими действиями своими огромными глазами. Барракуда² несет караульную службу, оскалив зубы и бросая на нас злобные взгляды. Водолазы прозвали ее Жюлем. Рифовые окуни и губаны дефилируют стройными рядами. С нами хочет подружиться скар, или рыба-попугай. Они нас не боятся. Но я испытываю урзызения совести при мысли, что мы погубим их дивный сад.

Завтра во что бы то ни стало надо произвести первую разведку, врезаясь кайлами в живые кораллы. Но нельзя ограничиться тем, чтобы любыми путями разбить известняковую толщу, нанося ей массируемые удары. Надо знать заранее, что именно мы сможем в ней найти. Идет ли речь об археологии или биологии, в море можно найти только то, что ищешь. Надо заранее знать форму, значение и природу затонувшего предмета. Перенесемся же мысленно к тем событиям, которые произошли в Карибском море более трех веков назад.

¹ Гигантский м е р у (мероу) (*Epinephelus gigas*) — крупная рыба длиной до 120 сантиметров и весом до 60 килограммов. Обычно встречается в тропических и субтропических морях на скалистых участках морского дна.

² Б а р р а к у д а, или морская щука (виды рода *Sphyræna*), — хищная морская рыба, распространена в тропических и субтропических морях. Крупные виды достигают двухметровой длины и веса около 50 килограммов. Известны случаи нападения на человека.

Глава вторая

ПОТОК ЗОЛОТА ПЕРЕСЕКАЕТ АТЛАНТИКУ

Жалкий поселок. — Галионы поднимают паруса. — Преступная бюрократия. — Постыдная организация морской торговли. — Разгул в Гаване. — Женщины на борту. — Королевские долги

Галионы его католического величества Карла V, императора Священной Римской империи, короля «Индий, материков и море-океана», стояли на якорях. По правде говоря, эта довольно глубокая и относительно укрытая бухта, которой сам Христофор Колумб дал имя Пуэрто-Бельо (Порто-Бело), не располагала никакими портовыми сооружениями, и суда бросали якорь прямо на рейде. Не было здесь и поселения, которое могло бы именоваться портовым городом. Тем не менее Пуэрто-Бельо стал традиционной промежуточной гаванью на Дарьенском перешейке, который мы теперь называем Панамским.

Над тропическим лесом, лачугами и бараками, вытянувшимися вдоль берега, занималось утро. Тали, прикрепленные к фок-мачтам, скрипели под тяжестью последних партий грузов, поднимаемых на борт. Шлюпки, груженные товарами, сновали между берегом и тремя большими судами — «Санта-Ана», «Нуэстра сеньора де ла консепсьон» и «Маргаритой» (вместимостью¹ до 600 тонн).

«Санта-Ана» несла вымпел генерал-капитана флотилии дона Франсиско Родригеса. Над «Маргаритой» реял адмиральский флаг — на ее борту находился адмирал Гаспар де Варгас. Все эти корабли были так перегружены, что легко могли пойти ко дну.

С берега доносились окрики солдат и вопли индейцев, которых побоями заставляли переносить последние грузы на борт корабля, готовых поднять паруса.

Костры еще дымились, пьяные моряки, спотыкаясь и пошатываясь, бродили между лачугами и деревянными бараками. Оргия продолжалась всю ночь. Всякий раз, когда отплывала флотилия, нескончаемые попойки сопровождалась азартными играми, во время которых люди теряли целые состояния. Они дрались на ножах и шпагах из-за жалких беззубых девок, вывезенных из Европы, или из-за индианок, еще сохранивших красоту и превращенных в рабынь.

Так случалось постоянно, когда галионы флотилии раз в год бросали якоря на рейде Пуэрто-Бельо. В течение по меньшей мере трех недель горстка испанцев предавалась здесь массовому безумию среди груд продовольственных припасов и товаров, завезенных из Испании, мешков с золотыми и серебряными слитками. Богатства, насильственно отторгнутые у этой враждебной земли, должны были пересечь Атлантику, чтобы поддержать величие его католического величества и позволить ему сокрушить неверных и еретиков.

¹ Под вместимостью судна понимается его емкость, выраженная в объемных тоннах. Одна объемная тонна равняется 2,83 кубических метра.

Пуэрто-Бельо был в те времена жалким поселком, почти безлюдным в течение всего года. Необычное оживление воцарялось здесь только с прибытием галионов. На открывшейся в эти дни шумной ярмарке серебряные слитки раскладывались посреди улицы прямо на земле. Инструменты, оружие, одежда, доставляемые из Европы в незначительном количестве, обменивались на кукурузу, какао, индиго, дерево кампече... С отплытием галионов Пуэрто-Бельо сразу погружался в нищету и спячку изоляции.

Тысячи свечей

Корабли доставили из метрополии ничтожное количество товаров — немного одеял, камзолов, сапог, но в основном вино, мечи, пики, круглые щиты и тысячи свечей, которые пользовались большим спросом у испанских переселенцев. Колония сжигала ежегодно две тысячи центнеров воска, завозившегося из Испании. Все это было сгружено прямо на землю между хижинами. Но, несмотря на солдат, охранявших товары, лучшие вещи были уже похищены, так как у колонистов не было ни одежды, ни обуви. По закону они не имели права ни изготавливать нужные им товары, ни покупать их у французов, англичан и голландцев, которые занимались контрабандой на всем побережье. Дело в том, что испанский король закрепил за собой монополию внешней торговли с Вест-Индией. Его королевское величество запретило колонистам заниматься какими бы то ни было ремеслами, хотя бы самыми простыми. Запрещалось ткать, шить одежду, изготавливать обувь и посуду, сеять хлебные злаки. Искоренили и всю виноградную лозу. Даже одежду для индейцев завозили из Испании. Чтобы колонисты не ходили разутыми, королю следовало доставлять им с родины достаточное количество обуви, наладив там ее изготовление. К тому же у короля не хватало и судов для снабжения авантюристов, рассеявшихся по огромной территории

Нового Света, откуда они извлекали тонны золота и серебра.

Если эти благородные металлы и попадали в руки испанцев в благоприятный для навигации сезон, они никогда не доставлялись заблаговременно в атлантические порты из-за боязни набега флибустьеров. Как только часть флотилии Материка приставала к берегам Нового Света в Картахене, оттуда срочно посылали курьеров в Панаму, Гуаякиль и Лиму, чтобы оповестить флотилию Тихоокеанского побережья. Все суда из Арики, Аутофагасты, Кокимбо и Вальпараисо собирались в Кальяо, порту Лимы. Они выкачивали золото, драгоценные камни и другие богатства из отдаленных сказочных стран, которые входили ранее в состав государства инков, — из Перу и Чили, покоренных Кортесом, откуда Испания уже извлекла огромные богатства. Нагруженные сокровищами галионы Южного моря, которые мы называем теперь Тихим океаном, поднимали паруса в Кальяо, держа путь в Панаму. Рейс продолжался три недели. В Панаме тяжелые кожаные мешки, наполненные серебряными грубо обработанными слитками и золотыми монетами, навьючивались на мулов. Многочисленный и хорошо вооруженный конвой затрачивал обычно 22 дня на пересечение Дарьенского перешейка, удачно избегая засады индейцев и прокладывая себе путь в лесу, где после каждого тропического ливня известные европейцам растения заплотняли все тропы, скрывая следы человека. Но куда опаснее индейцев были такие враги, как дизентерия, малярия и желтая лихорадка. Они косили европейцев, высадившихся на новый материк. Гигиена и медицина не могли обеспечить в те времена действенную защиту от новых недугов, обрушивавшихся на переселенцев. Испанцы под экватором вели тот же образ жизни, что в Мадриде или Севилье: пили и ели все что им заблагорассудится и истекали потом под своими кольчугами и шлемами. Знатные сеньоры сходили на берег в вышитых камзолах, шелковых штанах и башмаках с серебряными пряжками.

Богатство и нищета

Поражающий контраст между жалким физическим состоянием этих людей и огромными богатствами, сосредоточенными в их руках; между смертью, угрожавшей им со всех сторон, и потоком золота и серебра, который они направляли с одного конца континента на другой и грузили на корабли. На судах того времени скоплялись огромные богатства, но плавание на них превращалось в сплошной кошмар.

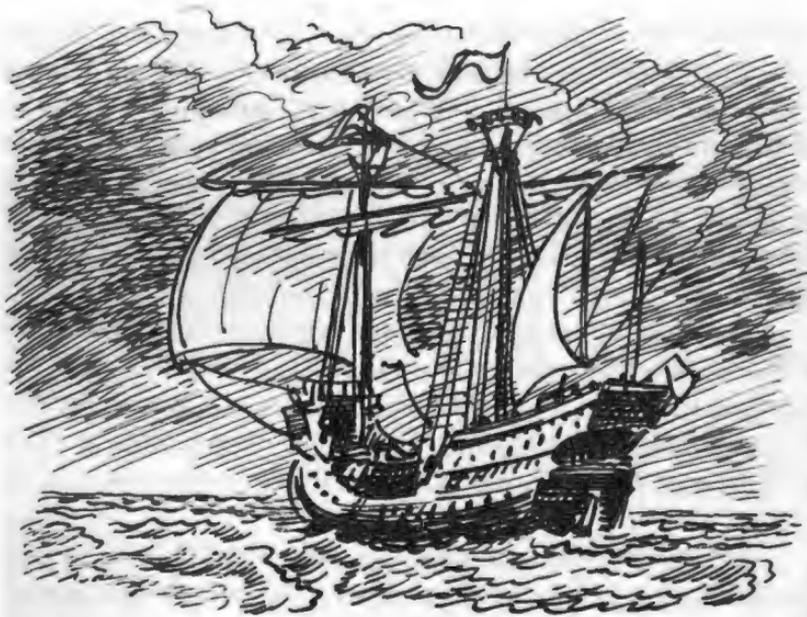
Мешки с золотыми и серебряными слитками в форме дисков, некогда сиявших на солнце, поместили в сокровищницу галиона «Санта-Ана», флагманского корабля флотилии. Сокровищница эта находилась в самой нижней, обитой железом части трюма, где десять человек несли постоянное дежурство почти в полной темноте. Попасть в эту камеру можно было только через единственный люк из капитанской каюты. Королевские чиновники пересчитали один за другим все мешки, открыли их и взвесили новенькие золотые монеты с отчеканенным на них крестом и надписью «Потоси». Это чарующее название носили перуанские рудники, снабжавшие Европу сказочным количеством драгоценного металла. И действительно, перед отправкой в Европу золото немедленно поступало на счет короля в виде золотых монет, отчеканенных на монетных дворах Америки. Такие дворы имелись не только в Потоси, но и в Лиме, Мехико и Санта-Фе (Богота). Первый из них, кажется, был основан в Санто-Доминго на острове Эспаньола (Гаити), а второй в Мехико в 1536 году.

Огромное количество жемчуга было доставлено на борт «Маргариты», чем как бы оправдывалось ее название. С кораблей на берег Пуэрто-Бельо уже доносились первые песни. То были церковные гимны. Вначале исполнялись утренние кантаты, которые монахи заставляли распевать всех пассажиров, включая солдат и экипаж галиона. Вскоре главный священник флотилии на задней надстройке адмиральского корабля начнет служить мессу, как он это делает ежедневно. Распевать кан-

таты приходится и при маневрах, весьма изнурительных для моряков. Ведь мачты галионов несли на себе то, что тогда называли «деревьями» (рангоутами) прямых парусов, а паруса отличались огромными размерами, ибо секрет деления парусов судна был тогда неизвестен. Чтобы поднимать всю эту парусину вручную, требовались огромные усилия. На парусах красовался иерусалимский крест, то есть геральдический крюковый крест, эмблема Испании.

Для возвращения в Европу галионам не хватало людей. Их команды не были укомплектованы из-за дезертирства и болезней. К тому же в экипажах кораблей почти не было опытных моряков. Преобладали нищие, бродяги и даже пленники, в спешке набранные в разных портах. Моряки, захватив фал огромного грота, поднимали парус, ритмично раскачивая его в такт церковному пению. Поверхность грота можно было увеличить, добавив еще две полосы парусины. Два ряда латинских букв — A. V. M. G. P. — красовались на нижней кромке грота и на дополнительной полосе. Буквы эти означали: Ave Maria gracia plena. Двойная выгода: устранялась возможность ошибки при сложном маневре и обеспечивалось покровительство Святой Девы. Другие матросы выбирали брашпилем последний чугунный якорь длиной более четырех метров и весом 2 тысячи фунтов.

Медленно паруса большого корабля наполнялись слабым ветром, и, хотя паруса надувались, галион едва продвигался вперед, и рулевой прилагал все усилия, чтобы направить форштень в фарватер. Тяжелое судно очень плохо слушалось руля. Этот галион, как и все тяжеловесные суда, ходившие в Америку, подчинялся лишь парусным маневрам. Четыре мачты позволяли судну идти только курсом фордевинд и галфвинд, но небольшой прямой парус на бушприте в носовой части судна и треугольный в кормовой открывали перед искусным капитаном и лоцманом дополнительные возможности для маневрирования. На самом конце палубы «Санта-Аны» был водружен кормовой фонарь: чугунная плитка, укрепленная ветве-

видным орнаментом художественной чеканки. Кормовой фонарь был отличительным знаком флагманского судна. Только корабль генерал-капитана флотилии пользовался привилегией везти на борту постоянный фонарь. Другие суда не имели права зажигать никаких постоянных огней на открытом воздухе. Даже в каютах и кубриках не разрешалось зажигать ночью ни лампы, ни свечи. Единственный фонарь помещался над компасом в битакоре — предшественнице нактоуза¹, ибо галионам постоянно угрожали пожары.

Королевская пятина

Все радовались спокойному морю и слабому ветру. При сильном волнении «Санта-Ана», «Маргарита» и «Нуэстра сеньора де ла консепсьон» подвергались бы большому риску. Ведь они были так перегружены, что линия

¹ Нактоуз — металлический или деревянный четырех- или шестигранный шкафчик.

осадки находилась чуть ли не в двух метрах от нижней части судна, то есть от его центра. Две надстройки, передняя и задняя, как на всех кораблях того времени, были слишком высокими и при шторме уменьшали устойчивость этих галионов, которым приходилось встречаться с внезапными ураганами в Карибском море и сильной зыбью в Атлантике.

Теоретически галионы этой флотилии должны были перевозить только королевское имущество. Но испанское правительство эксплуатировало ресурсы Нового Света странным окольным путем: король довольствовался взиманием пятой части всех богатств, добытых в Америке частными лицами. Этот налог назывался королевской пятиной, ибо колонизация нового материка теоретически считалась частным делом.

В действительности эксплуатация Вест-Индии порождала беспорядочную и интенсивную морскую торговлю, в которой принимали участие все лица, замешанные в грабеже колоний.

Каса де Контратасьон

Их католические величества Изабелла и Фердинанд учредили в 1503 году специальную организацию для управления колониями в Новом Свете и контроля над ними, а именно Каса де Контратасьон в Севилье. Организация эта была одновременно торговой биржей и морским управлением, обеспечивающим доход казне и безопасность судов. Это был также центр информации и место встречи спекулянтов и капитанов, гонящихся за выгодными рейсами.

Поскольку Каса де Контратасьон находилась в Севилье, все суда, следовавшие в Вест-Индию или возвращавшиеся оттуда, должны были заходить в этот порт. Между тем судоходство по Гвадалквивиру стало крайне опасным из-за постоянно менявших свое положение песчаных отмелей. Вместе с тем размеры судов и их осадки неуклонно увеличивались. Нужно было предоставить га-

лионам новый порт приписки, и в 1680 году им стал Кадис, куда в 1717 году переместилась и Каса де Контратасьон.

Бюрократия

Чиновники из Каса де Контратасьон вникали в мельчайшие подробности плавания галионов. Они заранее предreshали путь следования, порядок, которого надо было придерживаться в путешествии, и правила на случай сражения. Никаких средств связи на дальние расстояния в те времена не существовало. Только легкие и быстроходные суда поддерживали связь между более крупными и медлительными кораблями, входившими во флотилию. Но лишь при исключительно благоприятных обстоятельствах легким судам удавалось передать приказ, адресованный галионам, или догнать их в пути. Таким образом, чиновники, засевающие в конторах, должны были заранее все предусмотреть. Но чаще всего правила, разрабатывавшиеся людьми, которые ничего не смыслили ни в судоходстве, ни в обстановке, сложившейся в Вест-Индии, приводили к оплошностям.

На этот гигантский сложный механизм, созданный для того, чтобы обеспечить охрану грузов, механизм, от которого зависела экономическая жизнь Испании, была возложена непосильная для него задача, значительно превосходившая технические возможности того времени. Он нуждался в большем количестве компетентных моряков, которых в Испании не хватало, а главное — в честных чиновниках.

Постыдная организация морской торговли

Каса де Контратасьон превратилась в бюрократическое чудовище. Она во все вмешивалась и регулировала в законодательном порядке все, «начиная от размеров головных уборов для рабов и кончая молитвами, которые надлежало читать, чтобы усмирить шторм»

У нее были свои представители во всех портах, куда заходили галионы. Они-то и пересчитывали в Пуэрто-Бельо все золотые и серебряные слитки, обследуя и заглядывая в самые глубокие трюмы. При этом чиновники, казалось, не замечали, что корабли были до отказа забиты товарами, которые не имели никакого отношения к королевской пятине. Прежде всего там находился личный груз адмирала Гаспара де Варгаса, и, кроме того, почти у каждого матроса имелась своя маленькая сокровищница. Чего только не было в этом причудливом и разношерстном грузе: и дерево кампече, и пряности, и экзотические плоды, такие, как бананы и ананасы, и диковинные животные — попугаи, обезьяны, индюки. А иногда даже такая бесценная добыча, как изумруды.

На борту галионов находились к тому же грузы, принадлежавшие чиновникам из Каса де Контратасьон. Представители власти не без основания надеялись на то, что их коллеги в Севилье или Кадисе сумеют извлечь из этого груза прибыль, выделив им соответствующую долю.

Дело в том, что торговлей занимались все чиновники. Сверху донизу вся иерархическая система Каса де Контратасьон, перекачивавшая в Испанию богатства Американского континента, представляла собой чудовищную цепь сообщничества и лихоимства. У короля была своя доля в этом предприятии, но отнюдь не самая большая. На борту трех королевских галионов находились не только контрабандные грузы, но и сотни тайных пассажиров сверх предусмотренного по закону числа. Даже сами адмиралы получали комиссионные за перевозку пассажиров, которым было не место на королевских судах. Известен, например, случай, когда на борту флагманского галиона из 700 пассажиров 400 были нелегальные.

Когда разражался шторм или на корабль нападали пираты, толпа, заполнявшая все палубы, затрудняла маневры и зачастую не позволяла оказывать какое бы то ни было сопротивление морским разбойникам.

К тому же частенько случалось, что объятые паникой пассажиры провоцировали на корабле бунт.

Месса на борту

В то время когда корабль выходил в открытое море, на его возвышенном юте служили мессу. На галионах всегда находилось несколько священников. Там были и «христовы конкистадоры», возвращавшиеся домой после обращения индейцев в христианскую веру, и судовые священники. Последние сопровождали моряков и солдат, чтобы отправлять на корабле церковные службы — исповедовать и следить за набожностью и моральным духом армий его католического величества.

В первых рядах паствы, находившейся на задней надстройке, стояли капитан, несколько знатных сеньоров в шелковых камзолах и мягких сапогах, державших руку на эфесе шпаги, а также высшие офицеры, которых можно было опознать по их перевязям. На средней палубе, находившейся почти на уровне воды, толпился самый пестрый люд: авантюристы в рваных камзолах, купцы, приказчики, солдаты-калеки, а также несколько нарумяненных девиц, возвращавшихся в Испанию с состоянием, нажитым в Новом Свете.

В носовой части на верхней палубе скучился еще более разношерстный народ: прямо на палубе валялись больные, одетые в жалкие лохмотья люди, здесь нашли пристанище изнуренные службой и лихорадкой солдаты, захваченные силой на борт корабля матросы. Среди них были также индейцы и негры.

Корабль кишит крысами

Каждый, кто находился на борту, знал, что плавание будет долгим. Два — два с половиной месяца потребуется для того, чтобы добраться до Кадиса, если это будет угодно судьбе. Сколько лишений предстоит перенести, сколько штормов встретить на пути и в каких невыносимых условиях жить! Никаких продовольственных припасов для нелегальных пассажиров не предусматривалось. Те, кто хоть раз прошел через эти испытания, запасался кое-какими продуктами и даже питьевой водой. Но им приходилось зорко сле-

дить за своими припасами и товарами. Кражи и азартные игры были излюбленным занятием на борту во время перехода. Кроме того, приходилось охранять свою пищу от крыс. Эти грызуны кишмя кишели на корабле, как, впрочем, и паразиты — клопы, вши, черви, тараканы, долгоносики.

«Санта-Ана» не сразу отправилась в обратный рейс. Не могло быть и речи о том, чтобы галион в одиночку пустился в трансатлантическое плавание. Прежде чем взять курс на запад, ему предстояло добраться до Гаваны, чтобы присоединиться к флотилии Новой Испании. Соединение двух флотилий для совместного пересечения Атлантики в обязательном порядке осуществлялось на Кубе, с тем чтобы они могли общими силами отражать нападения корсаров. Чтобы добраться до Гаваны, «Санта-Ана» и все следовавшие за ней галионы должны были пересечь Карибское море. Это было тяжелым плаванием, всегда сопряженным с риском встречи с флибустьерами: англичанами, засевшими на Ямайке, и французами, закрепившимися на острове Тортю. Английские и французские флибустьеры обычно назначали друг другу свидание на островке Ваш к югу от Эспаньолы.

От Тортю, одного из Больших Антильских островов, флотилия Материка направлялась в Гавану.

В течение всей испанской авантюры в Америке Куба оставалась главной опорой конкистадоров, центром завоеваний и торговли награбленными богатствами.

Гаванский порт был хорошо укреплен. Крепость Эль-Морро, казалось, могла отразить любые атаки флибустьеров. Построенная из камня Гавана почти ничем не отличалась от других испанских городов конца XVI века. Здесь наряду с европейским комфортом можно было наслаждаться всеми прелестями тропической экзотики.

Конвой из Веракруса

За несколько недель до описываемых событий другие галионы — «Альмиранте де Гондурас», «Нуэстра сеньора де Аточа» (вместимостью по 600 тонн каждый), «Сан-Хо-

се» и торговые суда, входившие в конвой флотилии Новой Испании, — вышли из порта Веракрус в Мексиканском заливе.

Расположенный на песчаной низменности Веракрус с мая по сентябрь задыхался от зноя. Единственным источником пресной воды в этом городе была грязная речонка Теноя, протекавшая на юго-западе. А вокруг расстилались зловещие пески. Эта промежуточная якорная стоянка, одна из важнейших для испанских кораблей, была, по существу, весьма ненадежным, незащищенным рейдом, летом открытым циклонам, а зимой — северным ветрам. Единственным убежищем для галионов был островок, едва возвышавшийся над уровнем моря, где была сооружена крепость Сан-Хуан-де-Улуа. Эта крепость господствовала над городом и защищала гавань.

Гавань, достаточно плохая сама по себе, была тем более опасной, что недалеко от берега из воды торчали многочисленные скалы. Весь этот район был наводнен малярийными комарами. Помимо малярии здесь были распространены и другие эндемические болезни, в частности опустошительная желтая лихорадка.

Опасные проволочки

Флотилия Новой Испании тоже не могла попасть на Кубу, пересекая по прямой Мексиканский залив. Этому препятствовали циклоны. Ей приходилось сначала подниматься на север, плыть вдоль берегов современной Луизианы, а затем, описав огромную дугу, спускаться к югу вдоль берегов Флориды. В том году на такое плавание ушло четыре недели. Нормальная затяжка. Иногда на это приходилось затрачивать все пять недель. Ведь для парусников с прямыми парусами не всякий ветер был попутным. Кроме того, в Карибском море приходилось считаться с резкими изменениями погоды. Многие галионы на горьком опыте познали ее капризы и были отброшены к берегу. Добраться до Гаваны из Веракруса галионы могли, только совершив такой северный обход и избежав как

встречных ветров, так и пиратских набегов. Приход второй флотилии на Кубу послужил поводом для новых увеселений. Офицеры, знатные сеньоры и губернатор Гаваны расточали деньги на устройство приемов во дворцах и на кораблях. Расстилались роскошные ковры, выставлялась драгоценная золотая и серебряная посуда.

Люди дрались на дуэлях, играли в кости и карты, брэнчали на гитаре и в основном, очертя голову, спекулировали всем, чем могли, — колониальными товарами, драгоценными камнями, ромом. Гавана, обязательный промежуточный порт на шарнире между Старым и Новым Светом, была центром легкой, роскошной и скандальной жизни.

Корабли и так не выдерживали сроки, предусмотренные расписанием. Пребывание же в Гаване привело к еще большему опозданию.

Галионы действительно нуждались в заходе в промежуточный порт, чтобы запастись продовольствием и питьевой водой. Но они были так перегружены товарами, что едва ли там можно было найти место для этих припасов.

Кроме того, суда нуждались в ремонте: многие из них были уже старыми или строились на скорую руку. Перегрузка приводила к течи, а ручные помпы того времени, сделанные из дерева и кожи, были малоэффективны. Древооточцы были настоящим бичом для судов, а нижнюю часть корпуса приходилось регулярно очищать от водорослей. Ремонт был совершенно необходим, даже если он приводил к задержке рейса. Гаванские судоверфи были лучшими в Америке. Отдадим должное испанцам: если они и не всегда были хорошими мореходами, уступая в этом отношении англичанам, французам и голландцам, и не считались выдающимися судостроителями, то суда ремонтировали тщательно и со знанием дела. Их корабельные плотники, где бы ни находились — на борту судов или в различных промежуточных портах: Гаване, Сан-Хуан-де-Улуа, Картахене, Сан-Хуане (Пуэрто-Рико), — поистине творили чудеса, чтобы поддержать

на плаву плохо сконструированные, наспех построенные и используемые до последнего предельного срока корабли. Две объединенные флотилии, сконцентрированные в Гаване, насчитывали около 80 судов. В самом деле, к галионам присоединялись торговые суда, принадлежавшие отдельным судовладельцам, частным обществам или знатым испанским сеньорам. Но даже торговые суда должны были в обязательном порядке иметь на борту пушки, количество которых устанавливалось в зависимости от их размеров (обычно две пушки). Однако и это правило не соблюдалось. Торговые суда обычно полагались на артиллерию галионов и предпочитали перевозить побольше товаров и поменьше пушек. Так называемая «аберия», или сбор за право присоединения к конвою, взималась в зависимости от тоннажа судна и, как полагали судовладельцы, должна была обеспечить кораблю надежную защиту. Пассажиры, которых принимали на борт, должны были иметь при себе мушкет или аркебузу с боеприпасами. Но эта гарантия была иллюзорной.

Путь в Европу

Накопленный за долгие годы опыт, наблюдения, отчеты капитанов, правила судовождения нерушимо закрепляли маршруты флотилий в Америку и их обратные рейсы в Европу. По выходе из Испании они спускались на юг, делали остановку на Канарских островах и, используя попутные пассажирские ветры, пересекали Атлантику, чтобы попасть в Мексиканский залив.

На обратном пути по выходе из Гаваны галионы должны были подняться на север, рискуя, что их снесет на бесчисленные в этом районе коралловые рифы. Затем корабли шли вдоль побережья Америки до широты Бермудских островов, чтобы воспользоваться западными бризами, а также течением Гольфстрим, чья скорость в три узла представляла собой величину, которой не следовало пренебрегать. Далее корабли останавливались на Азорских островах, после чего наконец брали курс в Испанию, куда

обычно прибывали в конце года, в декабре. Все плавание из Европы в Америку и обратно занимало около восьми месяцев, если не происходило ничего экстраординарного. Но случалось, что флотилии вообще не возвращались домой.

Так, в 1565 году вся флотилия Новой Испании была уничтожена ураганом. В 1572 году пять галионов пошли ко дну, один сгорел в открытом море и два других пришлось бросить. В 1581 году сгнуло восемь галионов, в том числе и тот, на борту которого находился адмирал.

Торжественное отбытие

Две флотилии, вышедшие из Гаваны, представляли собой величественный кортеж и создавали впечатление непобедимой мощи... Один за другим галионы салютовали из пушек крепости Эль-Морро, откуда доносились ответные залпы. Огромная толпа собралась на крепостном валу, размахивая орифламмами и шарфами.

Флотилию возглавлял флагманский корабль, на борту которого находился ее верховный командир генерал-капитан, назначаемый самим королем. На этом судне развевался алый штандарт из узорчатой шелковой ткани. На одной стороне флага был вышит крест, на другой — герб Испании и фамильный герб генерал-капитана.

Этот штандарт стоил тысячу экую и был подарен самим королем. Его поднимали только при отплытии, в сражениях, а также в день святого Якова, покровителя Испании. Хранение штандарта поручалось офицеру высокого ранга, именовавшемуся «альферес майор». Он отвечал за штандарт головой. Флаги других галионов были пошиты из трех полотнищ красной, белой и желтой материи. Среднюю украшал черный коронованный орел, вокруг которого вилась гирлянда ордена Золотого руна.

Генерал-капитан флотилии отвечал за вооружение кораблей, запасы продовольствия и навигационные приборы. Ему не только не назначали никакого жалованья, но, напротив, он сам должен был закупать весь груз, внося крупную сумму в королевскую казну, не считая комиссионных, которые он вынужден был выкладывать из своего кармана, чтобы получить столь высокое назначение. Однако генерал-капитан флотилии мог рассчитывать на огромное состояние после завершения хотя бы одного рейса в Вест-Индию.

За кораблем генерал-капитана в образцовом порядке продефилировали восемь галионов, которые теоретически должны были перевозить только официальных пассажиров, колониальные товары и королевскую пятину. Адмиральский корабль шел в арьергарде, замыкая конвой.

Легкие и быстрые плашкоуты с изящными обводами выделялись среди остальных кораблей. Окружая примерно 60 торговых судов, они старались поддерживать среди них порядок. Но различные по конструкции, тоннажу и парусному вооружению «купцы» не вызывали сомнения в том, что первый же шквал оторвет большую их часть от конвоя и разбросает в разные стороны. Поэтому заранее назначались места встречи, где суда флотилии должны

были дожидаться друг друга, если стычка с корсарами или шторм разъединит их.

Ничего не скажешь, мудрая предосторожность. Но условия навигации в тот период сводили ее к нулю. Действительно, чтобы снова соединиться в условленном месте, не хватало самой малости. Надо, чтобы каждый капитан и лоцман в любую минуту знал точное местоположение корабля. Но наука судовождения была еще далека от подобной точности. Если мореходы того времени, прокладывая курс на глазок, еще могли с помощью компаса определить, на какой широте находится судно, уточнить долготу им не всегда удавалось. Им недоставало в тот период и еще целое столетие спустя таких точных «часов», чтобы исчислить разницу во времени между заданным меридианом и местом нахождения судна.

Определение места — целая проблема

Хотя Каса де Контратасьон и создала гидрографическое бюро, картографическую службу и даже мореходное училище, она никогда не была полностью посвящена в курс испанской авантюры, которая была сопряжена с трансатлантическими плаваниями. Для этого ей не хватало квалифицированных капитанов и особенно лоцманов. Между тем именно от них зависела скорость хода корабля. Две роли — командира корабля и судоводителя, которые мы теперь рассматриваем как нераздельные, в те времена выполнялись разными людьми. Судовождение было передоверено лоцманам. Их наука складывалась из множества наблюдений, к которым добавлялось больше интуиции, чем теоретических знаний. Дело в том, что западноевропейские корабли впервые изменили каботажному плаванию, устремившись в открытые пустынные воды Атлантики в тот период, когда наука еще не могла гарантировать безопасность подобного плавания.

Вот почему мореходы тех времен больше полагались на свою память и на тысячи только им известных ориентиров, чем на всегда неполные и неточные карты. Задача

заклучалась в том, чтобы ревниво хранить секреты своих маршрутов. Каждый лоцман хранил знания о ветрах, течениях и подводных скалах только для себя.

Таким образом, ход судов в конвое объяснялся не только необходимостью защищать торговые суда от нападения пиратов, но и тем обстоятельством, что практика судовождения была совсем ничтожной и далеко не на каждом корабле был человек, способный им управлять. Да и между тогдашними лоцманами не было согласия. Рассказывают, что во время плавания одного конвоя адмирал собрал всех лоцманов, чтобы определить местонахождение флотилии. Одни утверждали, что Куба появится в пределах видимости через сутки, другие — через восемь часов. Однако в ту же ночь три судна сели на рифы, окружающие этот остров.

Конвой уже был в значительном беспорядке к тому моменту, когда предстояло оторваться от побережья Америки и взять курс на Азорские острова. Адмирал, который был обязан замыкать конвой и подгонять отстающих, не хотел слишком долго их ждать. Он спешил пересечь Атлантику до наступления неблагоприятного сезона.

Жизнь на борту

Огромный кортеж влачился по воле ветров и волн со скоростью, не превышающей четырех узлов. Первоначально галион, судно округлой формы, которое тогда насмешливо называли «бочкой» или «корытом», нес прямые паруса. Однако выдерживать курс с прямыми парусами трудно, и на галионах теперь появились два треугольных паруса: один на бизани, другой на четвертой мачте. Что касается парусов на носу и корме судна, вроде тех, что находятся на бушприте, то они не были движителями и использовались только для управления судном и маневрирования. Если судно шло курсом галфвинд, его начинало сносить, и вскоре наступал момент, когда лоцманы уже не знали, где они находятся.

Одним из основных навигационных приборов была тогда «ампулка», или «пудреница», то есть песочные часы, заменявшие механические. В течение получаса верхний резервуар опустошался, и прибор надо было тотчас перевернуть. Эта обязанность возлагалась на гардемарин-нов.

Все офицеры на кораблях были испанцами, за исключением лоцманов, зачастую португальцев или итальянцев. Среди матросов испанцы составляли не более 20%, остальные были выходцами из других европейских стран. Флотилия была настоящей вавилонской башней. Драки на борту не считались редкостью. В самом деле, многие матросы, независимо от того, попадали они на корабли насильственно или добровольно, были личностями отнюдь не респектабельными. Уже на борту корабля Христофора Колумба были два преступника-рецидивиста — англичанин и голландец.

Итак, корабли, поймав наконец попутный северо-западный ветер, отдались на его волю. Началось томительно долгое плавание в чудовищных условиях. Неизвестно еще, что было опаснее — штормы или штили. Ведь последние затягивали плавание, а питьевой воды, как правило, не хватало.

Представьте себе, что должны были испытать 600 или 700 человек, скучившихся на судне длиной 40 метров и шириной от 12 до 14 метров. Находились ли пассажиры на передней или задней надстройке, их в одинаковой степени преследовали всевозможные испытания: болезни, грязь, невозможность уединиться. Для всех пассажиров был единственный галюн (на одно очко), вынесенный на передний край судна.

Пассажиры, солдаты, моряки спали на палубе впере-мешку, прямо на досках, ничем не защищенные от непогоды. В большинстве случаев люди не переодевались в течение всего плавания. Когда начинало штормить, приходилось укрываться в трюмах, где наблюдалась невообразимая скученность. Случалось и так, что пассажирам за весь рейс не удавалось побывать на палубе, на дневном свете.

Целыми неделями они оставались на одном месте в ужасном зловонии трюмов. Никаких иллюминаторов для проветривания закрытых помещений тогда не существовало.

У испанских матросов и солдат не было даже форменной одежды. На голове они носили конической формы колпак из красного сукна (их изготовлением славились толедские ремесленники), а если у них заводились деньги, то покупали серые плащи с капюшонами, чтобы защититься от дождя и соленых брызг.

На этих судах, потрепанных переходом через Карибское море, швы протекали и воду приходилось непрерывно откачивать помпами. В льяло, куда стекала вся вода из трюмов, работали помпы, царило такое зловоние, что, прежде чем войти в это отделение, приходилось опускать туда зажжённую свечу. Если свеча гасла, то льяло прочищали уксусом или мочой, разбавленными пресной водой, и только после этого посылали туда матросов.

Женщины на борту

Чтобы скрасить однообразие столь длительного трансатлантического плавания, знатные сеньоры, капитаны и матросы изобретали всякого рода празднества и увеселения. Все начиналось обычно с церковных обрядов — ежедневных утренних месс и торжественной мессы, отправляемой по воскресеньям. Всем угодникам, упомянутым в святцах, поочередно воздавались должные почести. К этому постепенно добавлялись менее возвышенные занятия. Устраивались петушьи бои и бега, в которых состязались свиньи, взятые на борт в качестве провианта для почтенных пассажиров. При этом зрители бились об заклад. Кроме того, все испанцы, будь то знатные сеньоры или голодранцы, как известно, увлекались боями быков. Их разыгрывали в пределах доступного свободного пространства матросы и солдаты, изображавшие быков и матадоров. На борту некоторых судов, главным образом торговых, находились женщины. По действовавшим на корабле правилам их следовало изолировать. Но эти пра-

вила не соблюдались, поскольку их основными нарушителями были знатные сеньоры и офицеры. Они требовали себе спутниц, которых плашкоуты перебрасывали им с одного корабля на другой. Это приводило к тому, что на некоторых надстройках на корме возникали оргии, кончавшиеся из-за безудержного пьянства зачастую трагедиями. Пища на борту не годилась для людей, истощенных пребыванием в тропиках и не имевших ни малейшего представления о гигиене. Заготовленные впрок продукты быстро портились и не годились к употреблению. Пассажиры умирали от голода и жажды. Но еще больше людей погибало от болезней. Цинга, бороться с которой тогда не умели, косила людей на борту кораблей, где, разумеется, никакие правила санитарии не соблюдались. Мало того, никто не боялся брать на борт больных пассажиров. Только случайность спасала от распространения эпидемий дизентерии и желтой лихорадки, которые могли развиться в любой момент с ужасающей силой. После отпевания покойника труп немедленно выбрасывали за борт, а оставшиеся в живых радовались тому, что стало чуть больше свободного места.

Из 80 судов, входивших в конвой, почти двум третям удалось сделать остановку на Азорских островах, что считалось исключительной удачей. Остальные наугад прокладывали путь к берегам Европы. За несколько лет до этого штормы выбросили на берег около Тарифы несколько судов флотилии, в том числе адмиральский корабль. Из обломков кроме официального груза, оцененного в 150 тысяч пиастров, были извлечены другие товары на сумму 350 тысяч пиастров. Все это было добыто грабежом, махинациями на черном рынке и спекуляциями, в которых были замешаны и высокие должностные лица. Таким образом, кораблекрушение обернулось большой удачей для короля, который немедленно приказал конфисковать все это добро.

Прибыв на Азорские острова, адмирал немедленно отправил один из плашкоутов в Кадис с доброй вестью о благополучном возвращении флотилии.

Королевские долги

Все в Испании, начиная от короля и кончая самыми скромными чиновниками из многочисленных контор Каса де Контратасьон, с нетерпением ожидали прибытия флотилии.

В честь этого события будут устроены пышные празднества. Подготовка к ним уже ведется. Но до того как начнутся торжества, предстоит выполнить все формальные предписания Каса де Контратасьон. Ни один человек не может сойти на берег, ни один товар нельзя выгрузить, прежде чем государственные инспекторы не поднимутся на борт каждого корабля и не составят инвентарные описи. И тут снова открывается широкое поле для всевозможных ухищрений. Инспекторы охотно закрывали глаза на лишних пассажиров и на грузы, перевозившиеся галионами для знатных сеньоров и купцов, разумеется при условии, что им от этого кое-что перепадет.

В каютах генерал-капитана и адмирала разгораются споры о доле прибыли, которую каждый хочет получить за свое попустительство или соучастие.

Но из Америки к берегам Испании устремлялся такой поток золота, серебра, драгоценных камней, жемчуга, пряностей, табака, сахара, какао, индиго, что эти богатства казались неисчерпаемыми, несмотря на все хищения и утайки, практиковавшиеся среди моряков, купцов и чиновников.

Доля Европы в испанской добыче

Однако все эти богатства и изобилие товаров не шли на пользу Испании. Как только груз попадал на берег, был зарегистрирован и доставлен на склады, немедленно приступали к его перераспределению среди европейских стран с тем, чтобы расплатиться с Фландрией за парусину, пошедшую на паруса галионов, с северными странами Европы — закупаемый там чугун, из которого отливались якоря и выплавлялась сталь для шпаг и пик. Дело в том, что сама Испания почти ничего не производила.

И хотя богатства стекались в Севилью, именно Антверпен в XVI веке, а затем Амстердам в XVII веке контролировал всю европейскую торговлю. В те времена бытовала такая поговорка: «Испания пожирает Новый Свет, но жиреют при этом Нидерланды». На испанской авантюре наживались, однако, не только Нидерланды. Испанский король настолько запутался в долгах, что ему пришлось отказаться от венесуэльских рудников, уступив право их эксплуатации немецким банкирам Вельсерам. И многие другие города Европы богатели на испанском золоте: Генуя, Бурж, Остенде, Руани, Антверпен, Нюрнберг, Аугсбург, Лондон.

Мало того, что сокровища, вывезенные из Америки, повышали стоимость жизни в Испании, где начиная с XVI века установились самые высокие в Европе цены, заморская авантюра лишила эту страну живой силы. Вся молодежь ушла на военную службу и занялась покорением дальних стран. Открытие Христофора Колумба, которое, казалось, дало Испании неисчерпаемые ресурсы и мощь, превосходившую самые дерзкие мечты любой европейской державы, в конечном счете парализовало эту страну, задержало ее развитие, затормозило развитие промышленного производства и вынудило ее в социальном и экономическом отношении топтаться на месте в течение почти трех столетий.

Над Испанией тяготело золотое проклятие!

Глава третья

ЗАТОНУВШЕЕ СУДНО НАЙДЕНО

Делуар находит пушку. — Охотники за сокровищами нас опередили. — Котлы. — Экипаж «Калипсо» охватывает золотая лихорадка. — Отмечаем фарватер для «Калипсо». — Тайное голосование во времена флибустьеров. — Перетт и кувшин с молоком. — В ловушке. — Отправляемся за подкреплением

Понедельник, 15 июля. Утром две экспедиции с мощным оснащением покидают «Калипсо», направляясь к рифу Силвер-Банк, который можно различить вдаль в виде перемежающихся розовато-лиловых и сине-зеленых пятен. Это коралловые образования и коридоры свободной воды между ними. Одна группа с Реми во главе идет в шаланде на север. Группа укомплектована теми же людьми, что и вчера. В ее задачу входит выяснить, нет ли там какого-нибудь рифа, торчащего над водой и достаточно большого, чтобы потерпевшие кораблекрушение испанцы

могли на него взобраться в ожидании помощи. Поиски рифа должны вестись на координатах, указанных Фиппсом, то есть на $20^{\circ}43'$ с. ш. Им предстоит вернуться в 11 часов 30 минут, после того как они обшарят все выступающие из моря коралловые скалы и не найдут там никаких следов.

Тотчас после их отплытия направляюсь в путь в другой шаланде вместе с Бернаром Делемоттом, Мишелем Делуаром, Сержем Фулоном и Жан-Клером Рианом.

Достигнув кораллового плато, которое действительно изогнуто в виде дуги, мы решаем повторить разведку с помощью взятых на буксир водолазов. Поочередно шаланда будет тащить за собой погружившихся в воду Делемотта, а затем Делуара, утяжеленных добрыми чугунами чушками. Сосредоточиваем поиски на защищенной и пустынной стороне рифа. Кораллы могут расти в этом месте только при наличии опоры, то есть если тут находятся обломки затонувшего судна. Вид дна меняется в зависимости от того, как ныряешь: лицом к ветру, то есть на восток, или под ветер, повернувшись на юг. С наветренной стороны глубина больше. Склоны возвышенности круто обрываются на глубине 25—30 метров. Именно здесь поднимаются ветви больших плодовых акропор золотистой окраски. В их густых зарослях в данный момент немислимо обнаружить даже контуры обломков трехсотлетней давности. С подветренной защищенной стороны коралловые заросли плотнее. Дно здесь выше, однороднее, кое-где покрыто песком и осколками мертвых кораллов. Именно тут мы и ведем поиски. Обнаруживаем типичную фауну коралловых образований: большие гибкие горгонарии, тридакны¹, спирографисы². Впрочем, ни одно коралловое дно не имеет двойника.

¹ Т р и д а к н а (*Tridacna*) — двустворчатый моллюск, обитатель коралловых рифов.

² С п и р о г р а ф и с ы (*Spirografis*) — морские черви, представители класса полихет. Постоянно живут в известковых трубках, которые могут быть завернуты в красивую спираль или изогнуты в изящных позах.

То, что открывается нашему взору, непохоже на знакомые коралловые районы Красного моря или Индийского океана и отличается своими специфическими особенностями, не ускользающими от опытных глаз. Достаточно едва уловимых различий в распределении видов, в размерах и формах некоторых кораллов, в разнообразии красок, в оттенках известковых водорослей и губок, чтобы данный ландшафт не походил ни на какой другой! В море у нас никогда не было ощущения, что когда-то мы все это уже видели. Здесь никогда не обнаружишь абсолютного сходства, хотя фауна та же.

Делемтт выныривает на поверхность, чтобы сообщить, что обнаружил следы кораблекрушения, но относящиеся к современному судну, а именно стальной лом.

Пушка

Делуар сменяет Делемтта. Через несколько минут он выпускает на поверхность один из маленьких красных поплавков и поднимается наверх. Уцепившись за борт шаланды, Делуар сообщает:

— Там, налево, холмик, а над ним кусок коралла необычной формы. Убежден, что это пушка.

Он берет с шаланды кайло и опять погружается в воду. Через несколько минут Делуар снова появляется над водой.

— Это пушка. Я постучал по ней. А подальше виднеются еще две.

Дело принимает серьезный оборот. Я дважды ныряю с Мишелем и Бернером, и мы начинаем инвентаризацию находок. Определяем положение трех больших груд кораллового известняка и обломков. Три холма отчетливо отделяются один от другого. В основании их окружности равны 40, 55 и 80 метрам. Самая низшая их точка находится на глубине 15 метров. Четвертый холм, гораздо меньших размеров, возвышается южнее.

В воде мне передается возбуждение товарищей, которые снуют от одной находки к другой. Догадываюсь, что

им не терпится тотчас откопать эти вехи прошлого. Сомнений нет, мы напали на следы старинного корабля... Прошло три столетия... Мы попали на нужное нам место, и я тоже не могу побороть волнения, овладевающего в такие моменты охотниками за сокровищами.

На вершине северного холма нахожу железный предмет, похожий на рычаг или рукоятку, а на самом большом холме кораллы обволокли обломки снастей, несколько больших гвоздей и, возможно, инструменты. На его южном склоне лежат две пушки, обнаруженные Делуаром. К одной из пушек прикреплена маленькая цепь, возможно для того, чтобы к ней пришвартовалось спасательное судно. Но цепь порвалась и валяется на дне. На склоне третьего холма я обнаружил еще две пушки — большую и маленькую, а у его подножия из ила торчали строго параллельно друг другу две казенные части этих орудий. Чуть дальше виднелась груда черепков керамической посуды.

Вблизи восточного склона третьего холма в иле зияют две сравнительно недавно образовавшиеся воронки. В одной из них обнаруживаю огнеупорные кирпичи, несомненно от камбузной печи. Мы находимся, вероятно, около гнезда передней мачты.

В другой воронке Мишель показывает мне дубовые доски, лежащие на поверхности ила. Какой-то толстый предмет привлекает наше внимание: он напоминает обломок колонны диаметром 40 и длиной 50 сантиметров. Знаками Мишель намекает мне, что это, видимо, сундук. Он стучит по нему кайлом и отламывает один кусок. Перед нами старинные склеившиеся прямоугольные гвозди. Видимо, мы имеем дело с мешком, набитым гвоздями. Итак, мы попали в складочную камеру корабельного плотника.

Около второй воронки торчат два огромных якоря длиной по четыре с половиной метра. У обоих якорей сломано по одной лапе, а под одним из них виднеется пушка.

На некотором удалении обнаруживаем еще одну воронку между двумя самыми южными холмами. Вся зона, сложенная илом или рыхлым обломочным материалом, вблизи больших якорей на глубине менее 15 метров окружена корабельным хлопчатобумажным или нейлоновым канатом сравнительно недавнего происхождения. Ему не более пяти-шести лет. Канат этот будто оконтуривает зону, подлежащую разведке. Присматриваемся повнимательнее: в этом прямоугольнике мы находим куски электрического провода, которые свидетельствуют о том, что здесь прибегали к динамиту. Не динамитом ли оторваны лапы якорей?

Еще дальше на юго-восток дно вновь обретает свой первозданный облик и в пределах видимости усеяно маленькими коралловыми скалами. Но и здесь Делемонтт и Риан находят целую серию деталей современного мотора: картер охладителя, карбюратор, приборную доску современного моторного судна со счетчиком числа оборотов, центробежную помпу. Мишель тащит меня на север к еще одному якорю несколько меньших, чем остальные, размер: его длина три с половиной метра.

Обломки судна уже обшарены до нас

Когда я выбрался на поверхность, в голове моей царил полный сумбур. Пришлось затратить немало времени, чтобы классифицировать те пестрые картины, которые предстали передо мной на этом сложном участке морского дна. Постепенно начали выкристаллизовываться определенные идеи.

Одна не подлежит сомнению: в этом месте находится очень громадное старинное судно, вероятно XVII века. Оно глубоко погребено и, видимо, разрушено довольно грубой работой тех, кто стремился отнять у моря его добычу. Глубина, на которой обнаружены обломки, их нахождение возле кораллового месива, географическая широта места — все это хорошо, даже слишком хорошо согласуется с историческими свидетельствами о ко-

раблекрушении, которые приписываются Уильяму Фиппсу. Весьма правдоподобно, что их оставил именно Фиппс.

Теперь мы располагаем доказательствами того, что в этом месте несколько столетий назад действительно пошел ко дну, натолкнувшись на какой-то безымянный риф Силвер-Банк, неизвестный парусник. Ведь мы собственными руками прикоснулись к пушкам, похожим на те, которыми были вооружены галионы золотой флотилии.

К тому же большие холмы свидетельствовали о старых раскопках, возможно производившихся Фиппсом. Наконец, мы обнаружили следы недавних поисков, которые велись очень грубо и, видимо, наспех. Вероятно, они были весьма поверхностными и почему-то были внезапно прерваны. Возможно, судно, принадлежавшее современным искателям кладов, пошло ко дну в результате злоупотребления динамитом...

Эти размышления были прерваны появлением группы Реми, которая ничего не обнаружила в ходе своей разведки в северной части Силвер-Банк. Де Хенен, надев маску с тубой (респиратором), визуальнo обследует верхние склоны выходящего на поверхность рифа. Он подзывает нас к себе и показывает два застрявших в кораллах котла, один из которых, очень большой, находится в самом начале склона на глубине двух-трех метров. Что же произошло после кораблекрушения и для какой цели использовались эти огромные чугуны, снятые с корабля? Можно ли предположить, что потерпевшие кораблекрушение соорудили нечто вроде платформы на Силвер-Банк, а позднее котлы скатились в море по склону рифа? Как бы то ни было, мы знаем, что спасшиеся при кораблекрушении моряки довольно долго прожили на этом месте. Я решительно начинаю верить, что мы находимся в том самом месте.

Снова погрузившись в воду, мы с Реми почти сразу определяем направление дрейфа судна, покинутого людьми после кораблекрушения.

В напряженной деятельности проходит вторая половина дня. Бригада разведчиков во главе с Бернардом и Мишелем начинает уточнять место каждой находки и, пользуясь рулеткой и компасом, набрасывает схематический план всего участка. Ив Агостини и Риан провели съемку на цветную пленку по вертикали. Возвратившись на «Калипсо», мы смогли набросать общий план места наших археологических изысканий.

Но день подошел к концу. Пала ночь. Море потемнело. Продолжать работу невозможно. На сегодня хватит! Мы уже знаем, что условия здесь почти идеальные. Глубины варьируют от 10 до 12 метров. Нам не придется сталкиваться со сложными проблемами ныряния. Правда, здесь действуют приливо-отливные течения, которые могут затруднить работу. Кроме того, имеются еще и кораллы.

Чудесный, торжественный день, который предвещает нам удачу! Я им очень доволен, хотя и не испытываю особого желания завладеть сокровищами. Вызывает восторг прежде всего энтузиазм моих товарищей, а также совершенно новая задача, которую нам предстоит решить. Впереди битва с кораллами. Надо вырвать у них одну за другой все тайны старинного корабля, пролежавшего здесь более трехсот лет. Перспектива соблазнительная.

Котлы, найденные Реми де Хененом, дали нам новый стимул. Теперь мы уверены в том, что находимся на том месте, где затонул крупный корабль. Почему бы ему и не быть галионом «Нуэстра сеньора де ла консепсьон»? Наступают такие минуты, когда разумнее подавить свои сомнения. Нам, видимо, сопутствует удача, подкрепленная опытом Реми, авиаразведкой Делуара и аэрокиносъемкой.

Все крайне возбуждены и рвутся в бой. Я был бы недоволен собой, если бы погасил их стремление к работе и разочаровал их, проявив меньший энтузиазм. К тому же я и сам верю, что мы на правильном пути, если не к богатству, то, во всяком случае, к интересной находке в области морской археологии.

Мы вправе утверждать, что здесь покоятся останки очень большого корабля. Найденные нами якоря длиной более четырех с половиной метров, свидетельствуют о значительных размерах судна. Если мы действительно имеем дело с галионом, то с галионом великолепным, крупным, причем его вооружение разбросано вокруг обломков. Ведь мы обнаружили несколько пушек, которые еще не удалось поглотить кораллам. Они просто превратили их в бочонки, сверкающие всеми красками мадрепоровых.

Чего бы мне очень хотелось, так это найти, и как можно быстрее, корпус судна. Он может нам дать более надежные доказательства. Как только мы отроем деревянные конструкции, можно будет организовать рабочую площадку. Это позволит нам выяснить направление, в котором надлежит организовать раскопки. Сама конструкция судна поможет нам точно определить возраст корабля.

Золотая лихорадка

Я выбрал время, чтобы дать указания по радио другой шаланде под командованием Поля Зуэны начать поиски подходящего фарватера. «Калипсо» предстоит пересечь 2600 метров кораллового массива, отделяющего судно от места раскопок. Судя по донесению Поля, обозначение такого прохода будет делом трудным и длительным. Но сегодня вечером для нашей команды никаких преград не существует. Все мы крайне возбуждены перспективой в ближайшем будущем раскопать затонувшее судно. Надо прямо сказать, что мы его обнаружили гораздо скорее, чем можно было предполагать! Но нельзя предаваться иллюзиям: настоящие трудности впереди.

С того незабываемого вечера, когда Реми поведал мне о своих планах, а я дал принципиальное согласие принять участие в поисках, прошел определенный срок. Среди прочих забот вопрос о том, сможем ли мы найти сокровища или нет, потерял свою остроту. Меня больше занимали

трудности, с которыми мы, возможно, столкнемся сначала при проникновении в самое сердце Силвер-Банк, а затем при поисках затонувшего судна.

Вот почему в кают-компании я несколько удивился, когда обнаружил, что золотая лихорадка уже подняла на несколько градусов накал жизни на «Калипсо». Да разве могло быть иначе? Все эти парни — водолазы, кинооператоры, механики — молоды, горячи, преисполнены энтузиазма. Они начинают верить в «затонувшие сокровища». Для них, правда, изучение морской стихии не стало еще делом всей жизни. Разумеется, я им сказал, хотя и в полушутливой форме, что мы отправляемся на поиск сокровищ. Однако, хотя ирония наверняка позабыта, они хорошо запомнили слово «сокровище».

Должен признаться, что моя жена Симона с самого начала и со всей решительностью отнеслась враждебно к операции «Затонувшие сокровища». Она опасалась, что находка кучки золота может нарушить сплоченность экипажа. Поскольку Симона живет на борту «Калипсо», является непременной участницей всех экспедиций и следит за здоровьем и моральным духом экипажа, она боится всего, что может поколебать наши человеческие качества.

Вечером после обеда приглашаю весь экипаж в кают-компанию. Прошу общего согласия начать работу, которая продлится около месяца. Уточняю, что нет никакой уверенности найти сокровища, после того как мы затратим много сил и труда, хотя почти никто не сомневается в этом.

Пьем ром, как во времена парусного флота... Глаза у всех блестят. Вся эта сцена тут же синхронно записывается на киноплёнку.

Энтузиазм все более нарастает. Молодежь, несомненно, находится под впечатлением притягательной силы золота, погребенного на дне моря. Но ей не терпится также узнать, какую картину воскресят их усилия. Каким окажется этот корабль-призрак, который, может быть, удасться оживить, добывая один обломок за другим?

Как в детективном романе, каждый на свой манер ответственно эрудиции и темпераменту пытается восстановить события, разыгравшиеся здесь триста лет назад.

У нас уже есть фрагменты этой исторической эпохи. Задача сводится к тому, чтобы найти остальное, связать все воедино и правильно разобраться в следах, оставленных на морском дне людьми отдаленной эпохи, погребенными под коралловыми плитами.

В этот вечер наша беседа в кают-компании затягивается допоздна. Ночная тишина окутывает море. Легкий, едва ощутимый бриз. Но эта чудесная погода меня не успокаивает. Если обломки затонувшего судна действительно найдены, то, прежде чем организовать рабочую площадку, надо все же что-то придумать, чтобы «Калипсо» не попала в западню, если море вдруг разыграется. Прежде всего надо обозначить вехами фарватер, едва намеченный сегодня во второй половине дня.

«Премьера» подводной археологии

Вторник, 16 июля. Я вовсе не рассчитываю в первый же день найти доказательства того, что обнаруженные нами обломки действительно являются останками галиона «Нуэстра сеньора де концепсьон», хотя Реми де Хенен преисполнен оптимизма и ему удалось передать свою убежденность всему экипажу.

Вблизи поверхности с наветренной стороны коралловые образования могут нарастать со скоростью 1,25 сантиметра в год. Поэтому вполне допустимо, что за 329 лет, прошедших с момента крушения галиона «Нуэстра сеньора де ла концепсьон», коралловая толща мощностью от трех до четырех метров навсегда погребла этот корабль.

Итак, впервые на участке интенсивного развития кораллов предпринимается попытка серьезных раскопок. Нам предстоит вскоре убедиться в тех трудностях, с которыми сопряжено проведение подводных археологических изысканий в тропических морях. Следует сконцентрировать внимание на двух моментах. Прежде чем мы прикос-

немся к месту археологических находок и начнем изменять его облик, надо удостовериться в том, что все этапы наших вчерашних удачных поисков засняты на пленку. Затем следует заняться тщательной подготовкой рабочей площадки, предусмотрев швартование «Калипсо» над обломками среди подводных скал.

Мне сегодня не хочется, чтобы нас настиг циклон в самом центре Силвер-Банк, пока у «Калипсо» не будет безопасного выхода. Как только мы обследуем и расчистим фарватер, надо будет установить систему сигнализации, чтобы без лишнего риска можно было входить и выходить, маневрируя среди толчеи скал, достигающих поверхности моря. Однако настал момент, когда «Калипсо» должна стать прямо над обломками затонувшего судна.

Весь день бригада, возглавляемая Полем Зуэной и Реми, занимается изготовлением радиолокационных вех, якорей, буюв и устанавливает их по местам. Металлический визир с длиной стороны полтора метра (что в 15 раз превышает ширину крыла радиолокатора) установлен на главном рифе. Он прикреплен к концу вертикально поставленной оцинкованной трубы длиной шесть метров. Пять разноцветных надувных буюв поставлены на якоря у самых опасных рифов и запеленгованы радиолокаторами с помощью радиосигналов, подаваемых с «Калипсо». Составляемая нами карта постоянно уточняется.

Фантастический мир

Плато, у склона которого стала на якорь «Калипсо», нигде не опускается ниже 30 метров от поверхности. На нем обитают различные виды кораллов, главным образом ветвистых. Остроконечные скалы, похожие на башни или шпили кафедральных соборов, нередко достигают поверхности. Мы их называем пиношами. Здесь нет барьерного рифа. В это мелководье заходишь, даже не замечая его. Между тем плавание в этих водах скорее напоминает

прогулку по лесу, то непроходимо густому, то перемежающемуся открытыми полянами. Это царство — плод богатой фантазии и хаотического зодчества. Кажется, что распределение живых организмов тут не подчинено каким-либо закономерностям. Порой ширина свободного от коралловых нагромождений коридора достигает 500 метров, местами она сокращается до 300—200 метров. Но зачастую бригаде, которой поручено обеспечить проход для «Калипсо», очень трудно обнаружить даже извилистую лазейку шириной 10—12 метров.

Совершенно очевидно, что отмель непроходима даже при более близком знакомстве с ней и обостренной интуиции. Эти коралловые подводные скалы, поднявшиеся по прихоти природы, не могли служить нам контрольными реперами.

Другое дело острова Суакин и Фарасан — хорошо известные коралловые сооружения в Красном море. На островах Фарасан иглообразные скалы поднимаются с 700-метровой глубины. В скафандрах и «ныряющих блюдах» мы хорошо изучили конфигурацию коралловых отмелей Красного моря. В его водах, удалившись всего на

50 метров от склона рифа, уже обнаруживаешь 300-метровые глубины. Там имеешь дело с конусами, поднявшимися из глубоких пропастей, тогда как здесь мы находимся на подводном плато, ощетилившемся заостренными скалами.

Эти гигантские скопления известняка вселяют серьезные опасения за успех нашего предприятия. Ведь нам придется все это раздробить и транспортировать обломки на большое расстояние. Такая работа потребует от всех нас огромной затраты сил, и, может быть, впустую. Имею ли я право превратить водолазов в подводных «землекопов»? Честнее и проще все же спросить об этом у них самих.

Задняя палуба «Калипсо» превратилась в улей. Все без исключения находятся в состоянии крайнего возбуждения, особенно после вчерашнего вечернего собрания в кают-компании. Пожалуй, сильнее всех взволнованы Реми де Хенен, Делуар и Делемонт.

Реми хочет со мной поговорить. Он напоминает, что ищет затонувшее судно уже два года и затратил на это уйму времени и денег. Он предлагает остаться на «Калипсо» и даже предоставить в наше распоряжение свой самолет и судно. Реми просит возместить хотя бы половину понесенных ранее расходов и в дополнение к этому 20% стоимости добытого в обломках груза. Я даю свое согласие, но с оговоркой, что оно должно быть одобрено «генеральной ассамблеей» экипажа.

Теперь я уже могу более точно определить масштабы задачи, которую нам предстоит выполнить. Чтобы добиться хороших результатов, нам необходимо пополнить оборудование «Калипсо». Частично это можно сделать на Пуэрто-Рико, но кое-что придется завезти из Франции. Нам потребуются дополнительная рабочая сила и специалисты. Тотчас же вспоминаю о своем друге Фредерике Дюма, которого мы запросто зовем Диди. Это большой знаток подводной археологии, и ему принадлежит солидный труд о затонувших судах.

Ночью связываюсь по радиотелефону со своим другом комендантом Брено и прошу его предупредить о моих намерениях Диди и Алана Ландсберга, моего компаньона по производству фильмов, который располагает очень полезной документацией, а также главного монтажера Джона Соха. Затем мы с Кайаром составляем подробные телеграммы Брено и Фреду Эмберу, нашему агенту при таможне Пуэрто-Рико, чтобы он сделал заявку на оборудование с приложением подробнейшего списка. Вместе с Кайаром, капитаном «Калипсо», решаем собрать экипаж, чтобы принять принципиальное решение.

Тайное голосование

В этот вечер я снова собираю всех в кают-компании. Мне хорошо известно воздействие золотой лихорадки даже на самых закаленных людей, поэтому начинаю свою речь с предупреждения:

— Вы уже могли дать себе отчет в том, что объем предстоящих работ превосходит наши предположения. Удаление многих тонн кораллов для высвобождения затонувшего судна потребует чудовищных усилий, возможно в течение нескольких месяцев. Мне хорошо известно ваше мужество, но вас не минует усталость, а может быть, даже разочарование. Нам надо принять решение, за которое вы должны проголосовать. Напоминаю, нет твердой уверенности ни в том, что затонувшее судно содержит сокровища, ни в том, что мы их найдем. У нас пока нет никаких доказательств, что это галион «Нуэстра сеньора де ла консепсьон». Что касается меня, то вам хорошо известно, как я отношусь к деньгам. Галион, нагруженный золотом, интересует меня не больше, чем галион без сокровищ. Мне не хочется, чтобы вас ослепил мираж богатств, которые, возможно, и не заключены в железных тисках коралловых рифов Силвер-Банк.

Голосование выявит, хочется ли вам продолжать это дело. Если вы относитесь к нему положительно, мы пополним на Пуэрто-Рико свое оснащение еще более

мощным оборудованием, и я свяжусь с Фредериком Дюма и попрошу его присоединиться к нам. Его опыт подводного археолога и скрупулезного исследователя-водолаза будет для нас бесценным. Он изучал сотни затонувших судов и руководил работами на многих подводных рабочих площадках. Это он посетил на глубине 80 метров затонувшее судно «Андреа Дориа». Дюма, несомненно, окажет нам большую помощь. А теперь голосуйте.

Голосование, разумеется, было тайным. Это довольно торжественная церемония. Мне представляется, что примерно так решались вопросы три века назад на борту корсарских кораблей, где царил самое «демократическое» для того времени правление.

Каждый член экипажа заполнил свой бюллетень и опустил его в соломенную шляпу. К голосованию люди с «Калипсо» отнеслись по-разному, в зависимости от их характера: одни шутя, другие очень серьезно и вдумчиво. Вскрытие бюллетеней закончилось молниеносно. Ответом было единогласное «да»! Итак, мы будем дробить коралловые толщи.

Среда. 17 июля. Погода по-прежнему великолепная. Небольшие легкие облачка плывут над сине-зелеными пятнами Силвер-Банк. На заре все энергично принялись за дело — золотая горячка продолжается. Две бригады отправляются на место, которое мы уже называем рабочей площадкой. Делуар с шаланды снимает на киноплентку Делемотта, который в свою очередь будет снимать обломки корабля. Помимо прочего, дополнительная разведка поможет уточнить схематический план, набросанный еще вчера.

Я сопровождаю третью бригаду, которой поручено поднять все современное оборудование. Многочисленные детали мотора, помпы, компрессоры, ручные буры уже собраны в кучу к югу от рабочей площадки. Еще одна трудная загадка. Современные искатели кладов были здесь совсем недавно: вот обломок насоса, почти не тронутый ржавчиной. Почему эти люди растеряли столько инструментов и приборов? Может быть, они подорва-

лись? Но в таком случае где же обломки их судна? Удалось ли им завладеть «кладом»? Узнаем ли мы что-нибудь о наших предшественниках?

Кайар в свою очередь отправился с бригадой, которая должна обозначить фарватер для «Калипсо» и наметить точки ее якорной стоянки. Он возвращается очень довольным. Уже установлено шесть буев. Обеспечена стоянка для «Калипсо», где судно сможет свободно разворачиваться вокруг якоря под действием ветра и течений. Схема фарватера, обозначенная ориентирами, почти закончена...

Но (одно «но» все-таки есть) сегодня пополудни придется подорвать динамитом или, скорее всего, тринитротолуолом одну столь некстати торчащую скалу, опасную для судна. Этим займется де Хенен. Шесть брикетов тринитротолуола соединяют в один брус и достают 8 детонаторов. К 15 часам раздается продолжительный сухой взрыв. Коралловая скала осела и частично раздробилась. Завтра надо продолжить взрывные работы, чтобы под килем «Калипсо» было не менее двух метров чистой воды.

Подорвав эту часть рифа, де Хенен и Серж Фулон отправляются в «зодиаке» в юго-восточном направлении. Они обнаруживают примерно в 10 милях от нашей якорной стоянки обломки старого парусника сложной конструкции более чем столетнего возраста. Захватывают с собой различные предметы, не представляющие, правда, особого интереса: бронзовый наконечник, латунный фонарь, тарелки, черепки глиняной посуды и т. д.

Тем временем команды двух шаланд упорно строят стальными канатами коралловые глыбы, лежащие на дне моря, чтобы установить якорные буи для «Калипсо». Этими операциями руководит Кайар, которому помогают Зуэна, Делемонт, Коль, Форшери... Наконец пополудни эта тяжелая работа завершена. Завтра я проверю, как она выполнена. Мариус Орси мастерит противоволновые буи типа «Алина» с трубками Афкодура. Брено телеграфирует, что Диди Дюма с заказанным во Франции оборудованием

прибудет в Сан-Хуан 24 июля в 4 часа утра. С приездом Диди и Джона Соха возникнут жилищные проблемы. Завтра к полудню, если все пойдет хорошо, мы сможем проверить надежность якорной стоянки «Калипсо».

В сердце Силвер-Банк

Четверг, 18 июля. В 7 часов 30 минут Реми де Хенен и Серж Фулон снова отправляются в путь, на этот раз со связкой из десяти брикетов тринитротолуола, чтобы продолжить подрыв коралловой скалы, остатки которой могут помешать маневрам «Калипсо». Они возвращаются в 9 часов, выполнив свою миссию. Тем временем мы с Делуаром и Делемоттом изучили кадры, отснятые позавчера Агостини. Мы не нашли в них никаких новых указаний, они лишь подтвердили то, что было установлено нами раньше. В 10 часов утра направляемся к рифу Силвер-Банк. Я нахожусь в шаланде вместе с Бернаром, Мишелем и Жан-Клером Рианом. В «зодиаке» размещаются Серж, Реми и Агостини со своей кинокамерой. Погрузившись на дно, осматриваю рабочую площадку и указываю Бернару на илистый участок дна, находящийся за границами площадки, которую наши предшественники оконтурировали белым хлопчатобумажным канатом. На значительном удалении слева от предполагаемых передних якорей обнаруживаем скопление ила. Бернар несколько раз погружает в ил свой «зонд» — металлический стержень, которым он пользуется очень умело. Толщина ила не превышает 20 сантиметров, но дно под ним тоже относительно мягкое: это не коралловые образования. Мы с Бернаром руками разгребаем ил и обнаруживаем доски. Тотчас отмечаю их ориентацию. Они лежат параллельно тем доскам, которые мы нашли накануне. Направление оси корабля подтверждается: она ориентирована с востока на запад.

Теперь мне остается проверить место будущей якорной стоянки «Калипсо». Осматриваю установки двух южных якорных буюв: тот, что восточнее, хорош, но запад-

ный ненадежен. Решаю его сменить и соответственно назначаю на завтра установку нового якорного буйа.

Другая шаланда направилась, чтобы установить на место амортизаторы на западных якорных буйах. Во второй половине дня одна из бригад устанавливает новый якорный буй к югу от рифа и определяет с помощью радиолокатора местонахождение самой глубокой (юго-восточной) якорной стоянки.

Шаланда с Бернаром, Мишелем и другими водолазами приступает к более тщательному осмотру того, что мы считаем носовой частью галиона. Мишель находит третий участок залегания досок внешней обшивки судна, по-прежнему сохраняющих широтное направление... Я перечисляю все операции этого долгого дня лишь для того, чтобы показать, что мы не теряли времени зря и работа не прекращалась ни на минуту.

Уже составлен план участка, и теперь он выставлен в кают-компании для всеобщего обозрения. Затонувшее судно с погребенными в нем сокровищами окрещено теперь нашими остряками в «Нуэстра сеньора де ла санктиссима рекуперасьон»! («Наша владычица святейший рекуперации»).

Важнейшим событием дня после того, как отобедала вторая смена, явилось «пленарное» заседание экипажа за бутылкой рома. Это заседание, синхронно записанное на киноплёнку, было, несомненно, самым живописным за всю мою карьеру морехода, водолаза и... охотника за сокровищами. Мы прозвали это общее собрание «Перетт и кувшин с молоком»¹.

Мне не хочется, чтобы золото, если оно все же будет найдено, помешало нашей дружбе и теплым, человеческим взаимоотношениям. Если мы обнаружим золотые монеты, слитки или другие ценности, надо заранее договориться о дележе, как это принято среди настоящих охотников за сокровищами.

¹ Басня Лафонтена о крестьянке, мечтавшей о покупках, но разбившей кувшин с молоком, который она несла продавать.

Поэтому я настаиваю еще на одном тайном голосовании, чтобы определить долю каждого участника предприятия и долю арматора (судовладельца). Голосование прошло успешно.

Если сокровища будут найдены, кто имеет право на добычу? Как их поделить? Единогласно было решено 20% выделить Реми де Хенену, 40% — арматору (Французскому океанографическому обществу). А оставшиеся 40% поделить поровну между всеми членами экипажа. Условились, что Фредерик Дюма, который должен прибыть на место в среду на следующей неделе, также получит свою долю.

После этого перешли к выборам трех уполномоченных, которым поручалось контролировать все расчеты, продажу найденных сокровищ с аукциона и т. д. Выбраны: Поль Зуэна, Рене Робино и Раймон Коль. Это ветераны нашего экипажа, что свидетельствует о благоразумии избирателей. Реми де Хенен и я по праву становимся еще двумя членами «комиссии по сокровищам». Искренние

аплодисменты сопровождают оглашение результатов голосования.

Воцаряется атмосфера полнейшего взаимодоверия и энтузиазма!

Погода портится

Пятница, 19 июля. Я еще ничего не говорил о метеорологических условиях. С того момента как мы находимся на рифах Силвер-Банк, погода довольно изменчива: с 14 по 15 июля преобладали пассаты, которые дули прямо с востока со средней скоростью 20 узлов. На месте стоянки «Калипсо» наблюдалась легкая зыбь, а над затонувшим судном море оставалось спокойным, и его гладкая поверхность как нельзя лучше подходила для наших изысканий, 16 и 17 июля пассатные ветры ослабли, скорость ветра упала до 15 узлов, а 18-го числа — даже до 10 узлов. Стояла тихая и теплая погода. Но в ночь на 19 июля ветер задул с юго-востока, и скорость увеличилась до 30 узлов. На море поднялась зыбь и началась качка. Сегодня с утра сплошная облачность. Скорость ветра — 25 узлов.

Вчера наш судовой врач доктор Тасси повредил себе барабанные перепонки, погрузившись в воду с рулоном стального кабеля, чтобы застропить одну из коралловых глыб. Он был чересчур перегружен и камнем ушел на дно. К тому же у Тасси сильно расцарапана правая нога и сильнейшая аллергия, усугубленная инфекцией. От мысли, что ему не придется нырять в течение месяца, он приходит в отчаяние. Чтобы немного утешить доктора и слегка над ним подшутить, мы предлагаем ему временный перевод на более легкую работу — продавца в табачном киоске на борту «Калипсо». Он сможет к тому же содержать в полном порядке эскизы обломков затонувшего судна, уточняя их по рассказам водолазов. Доктор в дальнейшем станет также хранителем находок. Наконец, когда мы закончим разметку фарватера для «Калипсо» светящимися буйами, на него будет возложена обязанность зажигать их

при заходе солнца и гасить на заре. Эту роль Тасси будет выполнять самоотверженно до конца экспедиции на Силвер-Банк.

Сегодня мы снова поработали на нашей рабочей площадке. Действовали три бригады. Делуар и Делемонт уточнили некоторые точки на плане затонувшего судна. Коль и Риан с помощью миниатюрного землесоса, который мы называем «буром Бика», пытаются отыскать деревянные части корабля, продвигаясь вперед от якорей вдоль оси судна. Они не находят ни бушприта, ни форштевня. Куски дерева обнаружены за канатом, натянутым нашими предшественниками. Они также ориентированы с востока на запад.

После завтрака, несмотря на сквернейшую видимость, направляю «Калипсо» по обозначенному фарватеру длиной 2600 метров, который ведет к рабочей площадке на место залегания обломков. Очень помогают толстые красные буи по обеим сторонам фарватера.

Когда мы приходим на место, Кайар маневрирует в контакте с шаландами, чтобы обеспечить швартование в шести точках. Вскоре «Калипсо» оказывается в центре паутины в шесть лучами — тремя впереди и тремя позади судна. Носовая часть судна несколько раз проходит над скалой, которую мы частично взорвали. Мы наконец проникли в глубь лабиринта Силвер-Банк, что поначалу казалось невозможным.

Еще до конца швартовки Раймон погружается в воду с миниатюрным землесосом, от которого отходит гибкий шланг к резервуарам со сжатым воздухом. Он должен начать раскопки в той яме, где я нашел огнеупорные кирпичи, и попытаться добраться до кия или шпангоутов. Его сопровождает Серж Фулон, который займется съемками. Серж поднимается на поверхность с различными предметами, которые он подхватил на лету, как только землесос заработал. Мы их сортируем. Перед нами осколки глиняной посуды, зуб кабана, кремь и... две пряжки от пояса. На меньшей из них еще сохранился шпенек. Они очень тяжелые и уже почернели. Очищаю

одну пряжку. Она серебряная! Скромная находка, но это первое серебро, обнаруженное на рифе, который обязан этому металлу своим названием.

У всех загораются глаза! Люди начинают по-настоящему верить в сокровища. Раймон со своим землесосом работает на дне уже 1 час 45 минут. Делемотт сменяет его, прихватив фонарь, так как становится темно, но я разочаровываю всех, отложив начало раскопок на утро.

Делемотт поднимается наверх только к концу обеда второй смены. Он приносит два шкива, которые ошибочно принимают, как мне кажется, за колеса пушки, и один блок с меньшим шкивом. Делемотт рассказывает, что он работал посреди какой-то рамы из твердого дерева, возможно, это зарядный ящик пушки. Он открыл также печь из огнеупорного кирпича.

В этот вечер мы предлагаем множество проектов, чтобы повысить производительность раскопок. Разумеется, придется продолжать отсос и сортировку. Но прежде всего надо понять, над чем именно мы работаем, а такого понимания у нас пока нет. Теперь хорошо видно, где расположена передняя треть судна: мы работаем над ней, но еще не в состоянии с уверенностью ее сориентировать, а следовательно, не можем установить, в каком направлении следует искать остальные части затонувшего судна.

Ощущение, что мы попали вместе с «Калипсо» в глубь рифов, не слишком приятно. Нельзя сражаться со штормом, находясь в самом центре лабиринта Силвер-Банк. Если ветер будет крепчать, то единственно правильное решение — убраться отсюда восвояси подобру-поздорову.

Довериться светящимся буям, зажженным доктором, и выйти в открытое море!

Где же остальные части затонувшего судна?

Суббота, 20 июля. Рано утром обсуждаю с Делуаром, Делемоттом, Колем и де Хененом план дальнейших действий. Затем мы с Бернаром, Раймоном и микроземлесосом в придачу первыми загружаемся в море. Вода проз-

рачна. Тотчас определено место выемки, произведенной вчера поздно вечером. Возвращаюсь на передний край, туда, где, по нашим предположениям, должен находиться форштевень, и пытаюсь определить на глаз общее направление обломков. Другого решения быть не может, оно проходит между третьим и четвертым холмами. Отправляюсь туда. Плыву над насыпью полуметровой высоты, которая, видимо, соответствует оконечности корабля, и веду поиски дальше. Приблизительно в 50 метрах от предполагаемого форштевня, то есть там, где должна была находиться задняя надстройка, расстилается гигантское поле кораллов типа «оленьи рога»... Хорошо, допускаю, что эти кораллы могли поселиться на деревянных частях затонувшего судна. Но что же находится между ними? Пускаю в ход землесос и ничего не обнаруживаю.

У переднего конца судна предлагаю рыть яму землесосом в четырех метрах восточнее якоря. Тотчас же находим большой кусок дерева, ориентированный на 60°. Мысленно продолжаю это направление и распоряжаюсь рыть яму у подножия третьего холма. Но мы упорствуем напрасно. Глубина скважины уже более метра, но дерева мы в ней не находим. Тем временем Делуар снимает на кинолентку затопленную «глыбу из склеивающихся гвоздей» и ее подъем на палубу. Мы с Реми утром обнаружили, что она была обмотана электропроводом, и даже нашли картер невзорвавшегося динамитного патрона! Наши предшественники определенно были лишены смекалки. Нужно быть идиотами, чтобы пытаться взрывать эту глыбу динамитом.

В действительности глыба оказалась бочкой. Это обнаружилось, как только ее извлекли на поверхность и очистили днище, где еще можно было рассмотреть дерево. Кинолентка запечатлевает всеобщее возбуждение, воцаряющееся на палубе, когда подъемный кран опускает бочку с гвоздями на палубу посреди расступившейся команды. Гастон Ру обращает наше внимание на то, что в верхней части, там, где дерево не сохранилось, заметны

набухлости (через одинаковые интервалы). Он предполагает, что в этой бочке корабельный плотник хранил гвозди в нескольких мешках. Это вполне вероятно.

За два дня наше судно захламляется осколками кораллов, становится грязным и неудобным для жизни. Устанавливаю смены водолазов. Они действуют на затонувшем судне только по два часа, отделяя коралловые глыбы и наполняя корзины, которые кран поднимает на заднюю палубу «Калипсо». Здесь остальные члены экипажа, кто не занят на дне, разбивают эти глыбы молотками. После этого осколки надо переправить подальше от рабочей площадки. Тем не менее мы добились довольно значительных результатов. Найдены: печь из камбуза, складочная камера корабельного плотника, где он хранил гвозди, и глиняная посуда. В результате бурения удалось добраться до деревянных частей, правда, слишком неопределенной формы, чтобы можно было уточнить их назначение. На борту «Калипсо» разгораются дискуссии, посвященные историческим проблемам, навигации на парусниках, а также связям между Европой и Новым Светом. Несмотря на усталость, они заполняют все вечера вплоть до конца раскопок. Мы не перестаем обращаться к архивным документам и стараемся почерпнуть в исторических трудах сведения, которые бы внесли ясность в наше дело.

Несмотря на мужество и энтузиазм всего экипажа, работа представляется мне безнадежно долгой и изнурительной, а наше техническое оснащение крайне несовершенным.

Сымпровизированный землесос оказался слишком слабым. Он «заглатывает» только песок. Сколько-нибудь значительный осколок застревает в нем. Проделанные им скважины до смешного малы. Палуба «Калипсо» завалена обломками. Их сортировка идет медленно, хотя в ней принимает участие весь экипаж, включая кока. Нам не хватает молотков (у которых постоянно ломаются рукоятки), кувалд, долот, тачек и защитных очков камнетесов.

Подъем, который царит на борту, достоин восхищения. Кажется, что для этих парней, подстегиваемых за-

хватывающим приключением, никаких препятствий не существует. Ничто не может им противостоять. Они неутомимы. Не осмеливаясь в этом признаться, то ли из-за суеверия, то ли из скромности в зависимости от характера, они глубоко «веруют» в сокровища.

Это особенно обязывает меня сохранять благоразумие, трезво оценивать создавшееся положение и делиться с командой своими соображениями.

Мне представляется, что следует действовать в двух направлениях. Прежде всего надо доказать людям, что наше оснащение недостаточно совершенно. Если мы хотим довести раскопки до конца, нужно либо оснастить рабочую площадку почти промышленным оборудованием, либо отказаться от нашего предприятия. Кроме того, что будет, если мы действительно найдем золото — металл, который разбивает дружбу, доводит людей до безумия и становится причиной стольких трагедий?! Надеюсь, что заранее предусмотренный порядок дележа добычи, утвержденный тайным голосованием экипажа, избавит нас от раздоров. Но можно ли все предугадать, когда желтый металл впервые засверкает на палубе «Калипсо»?

Отправляемся за подкреплением

Суббота, 20 июля. Отдаем все шесть швартовых и готовимся к отплытию, осторожно маневрируя среди подводных скал. Следуем по фарватеру, обозначенному красными буйами и радиолокационными вехами. Направляемся в Пуэрто-Рико за Дюма и всем тем оборудованием, которого нам недостает.

Воскресенье, 21 июля. Идем при довольно сильном встречном ветре и волнах. Отдыхаю и размышляю. Не совершили ли мы ошибку, бросившись очертя голову в эту авантюру? Действительно ли оправданы предшествующие решению намеренные недомолвки? Всякого рода осложнения, трагедии, насилия, которые обычно ассоциируются с поисками сокровищ, не выдуманы ли они авторами приключенческих романов? Если в этих историях

есть доля правды, то неповинны ли во всех несчастьях грубость и эгоизм, присущие типичным охотникам за сокровищами? Поразмыслив, я не вижу причин для того, чтобы группа порядочных и цивилизованных людей не могла заняться этим делом, сохраняя корректность. Остается выяснить, по плечу ли нам такая задача и не ввяжемся ли мы в бесконечную заваруху, как у острова Гран-Конглуэ в 1953 году? Приближение сезона циклонов по-прежнему беспокоит меня. Благоприятный сезон уже подходит к концу. Хватит ли у нас времени на оснастку, оборудование рабочей площадки, чтобы обеспечить максимальную эффективность поисков и благополучно завершить раскопки до того, как разразится шторм, который может застигнуть нас в самом сердце рифов Силвер-Банк? Я полностью доверяюсь интуиции и опыту нашего капитана Кайара, который внимательно следит за всеми американскими метеосводками и интерпретирует их.

Глава четвертая

ЗОЛОТО И КРОВЬ

Легендарная, но вполне реальная страна. — Дорога пряностей. — Китайский фарфор. — Предок современного доллара. — Золотой якорь. — Пушки сдаются в аренду. — Засада в Панаме. — Религиозная война на Карибском море. — Конец «золотого века»

Два галиона курсировали в устье полноводной Ориноко. В ее мутных водах, стиснутых зелеными зарослями джунглей, дозорные с испанских кораблей заметили лодку, болтавшуюся в дрейфе. События относятся к эпохе, когда огромный Американский континент был еще слабо изучен теми, кто стремился его покорить.

От одного из галионов вскоре отделилась шлюпка под командой офицера. Она подошла к туземной лодке. Находящийся в ней человек был без сознания. Он оказался испанцем и, придя в себя, заговорил на чистом кастильском наречии, однако не пожелал сообщить, откуда при-

был. В его лодке находились два сосуда из тыквы, наполненные золотыми бусами величиной с четки.

Галионы доставили неизвестного по его просьбе в Сан-Хуан на Пуэрто-Рико. Он по-прежнему хранил молчание и не расставался со своим сокровищем. Человек этот был тяжело болен и ждал оказии, чтобы вернуться в Испанию, рассчитывая на скорое отплытие флотилии. Но смерть опередила это событие. Перед кончиной умирающий исповедался.

Так стало известно, что зовут его Мартинесом и что он был одним из лучших офицеров возглавлявшейся Диего Ордасом экспедиции, которой было поручено исследовать Гвиану. Этот отряд, насчитывающий 600 всадников, бесследно исчез в глубине континента. Мартинес, видимо, был единственным из оставшихся в живых. Дон Диего Ордас не оставил после себя никаких следов, кроме проржавевшего якоря, найденного в устье Ориноко. Мартинес рассказал свою историю исповеднику. Несчастный стал жертвой тяжелого проступка. Ему поручили охрану порохового запаса экспедиции, а он имел неосторожность развести поблизости огонь — и все взлетело в воздух. Дон Диего приговорил офицера к смерти, но вместо того, чтобы тотчас привести приговор в исполнение, бросил его одного в лодке без провизии.

Мартинес вскоре попал в руки индейцев, которые еще никогда не видели белого человека и увели его с собой. Индейцы шли две недели. В конце перехода пленнику завязали глаза. Когда повязку сняли, ему показалось, что он видит чудный сон. Впереди у его ног лежал огромный город, казалось, излучавший золотое сияние. Дворцы, крыши домов и даже мостовые были как будто отлиты из чистого золота. Туземцы сказали, что это Маноа¹, столица великого вождя, могущественного правителя, носящего титул Верховного Инки.

Пришлось, однако, идти еще два дня, прежде чем они добрались до чудесного города. Там Мартинес убедил-

¹ Столица древнего государства инков — город Куско.

ся, что он не стал жертвой миража. Действительность превзошла воображение. Многочисленные дворы и башни из чеканного золота затмевали красотой и неповторимостью все здания Кастилии.

Эльдорадо

Этот испанец был первым европейцем, допущенным во дворец Инки, который был убран со сказочной роскошью. Золотые скульптуры изображали животных, птиц, растения и даже рыб. Вся мебель, сундуки и фонтаны были из чистого золота и серебра, вся посуда — из массивного золота. В городе устраивались великолепные празднества, на которых Инка и его приближенные появлялись полностью обнаженными. Их тела были покрыты золотым порошком, отчего они сами походили на драгоценные статуи. На таких торжествах Инка действительно выглядел как владыка золота — Эльдорадо. Это же название дал умирающий и волшебному городу. Эльдорадо (золоченый) превратился в мираж, который в течение двух столетий притягивал к себе испанцев, питая их надежды.

Европа в ту эпоху была жадна до золота, но только Испания, казалось, владела его источником. Первые идальго, ступившие в своих доспехах на берега Эспаньолы, были убеждены, что будут собирать самородки прямо среди камней. Они были недалеко от истины: действительно, здешние реки выносили золотой песок, что, видимо, нисколько не волновало туземцев.

Многие испанские смельчаки пытались найти путь, по которому индейцы вели Мартинеса. Однако все они погибли от болезней, голода и лишений или были убиты индейцами, так и не достигнув Эльдорадо. Но во всех этих грезах была доля истины. Мартинес не обманул. Золотая страна действительно существовала на противоположном побережье Американского континента, и люди там на самом деле покрывали тело золотым порошком. Ее было суждено открыть Франсиско Писарро, незаконнорожден-

ному сыну капитана, отчаянному пьянице, но смельчаку. Писарро удалось добраться до сказочного города и наложить свою лапу на Инку. Авантюрист казнил пленника (Атуальпу. — *Ред.*), обвинив в мятеже против его католического землячества, императора Карла V, и завладел баснословными сокровищами. Это произошло в 1532 году.

С той поры испанские захваты, которые раньше были приурочены только к странам Карибского бассейна, распространились до побережья другого моря — Южного, которое мы теперь называем Тихим океаном.

Начиная с 1540 года в Южном море постоянно находились испанские галионы и еще одна армада, доставлявшая в Панаму драгоценные металлы из Перу и Чили.

Но настоящим богатством в те времена считались пряности. Между тем, хотя Новый Свет поставлял золото и серебро, индиго и табак, он оказался гораздо беднее пряностями, чем это предполагалось. Подлинными странами пряностей были Сипанго (Япония) и Индия.

Кортес бы первым, кто послал четыре каравеллы за Тихий океан, построив их в Сакатуле. Каравеллы достигли Филиппинских островов, на которых испанцы прочно обосновались с 1565 года, установив торговые связи со всем Дальним Востоком. С той поры ежегодно галион «Нао де Чина» пересекал Тихий океан с грузом, если и не слишком богатым золотом, зато поражающим обилием произведений искусства, экзотических товаров и чудесных драгоценностей. Действительно, при посредничестве китайских джонок Манила поддерживала торговые связи с Японией и Индией. Оттуда шли шелк, слоновая кость, перья, узорные ткани, пряности, ароматические вещества, фарфор. Все эти товары скупали испанские купцы, занимавшиеся торговлей на Филиппинах. Пряности — главным образом имбирь, гвоздика, мускатный орех, черный и стручковый перец, корица — были редкостью в Европе и стоили очень дорого. О поступке немецкого банкира Фуггера рассказывали как о неслыханной расточительности: он зажег перед Карлом V пучок корицы долговой распиской императора.

Все эти товары доставлялись один раз в год в мексиканский порт Акапулько и переправлялись караванами вьючных мулов на Атлантическое побережье материка.

Для галиона «Нао де Чина» плавание из Акапулько в Манилу через Тихий океан было относительно легким: оно продолжалось всего шесть недель. Обратный рейс считался куда труднее.

Испытывая недостаток в судах и моряхах, Испания не хотела рассеивать свои силы. Она берегла их для торговли между Новым и Старым Светом. Поэтому король решил в принципе, что в составе испанского флота будет постоянно только один «филиппинский галион», курсирующий в Южном море, но этот галион был самым крупным среди своих современников. Его вместимость составляла 700 тонн в XVI веке, 1500 тонн — в XVII и 2000 тонн — в XVIII веке.

Конкистадоры

Самое странное в завоеваниях тех далеких времен, будь то в Новом Свете или на Филиппинах, заключалось в том, что это были отнюдь не экспедиции, которые официально финансировались и опекались королем.

«Конкисты», как их называли в ту эпоху, были частным делом. Они предполагали союз между знатным сеньором, банкирами, купцами и арматорами. Капитан сам вербовал себе людей и руководил экспедицией. Участники предприятия обеспечивали экспедицию судами, продовольствием, боеприпасами. Доля в добыче заранее определялась договором. Воины, нанимавшиеся на корабли, подразделялись на кабальеро и пеонов, то есть на всадников и пехотинцев. Лошадь, неизвестная в Америке, считалась ценным имуществом, огнестрельное оружие было еще редкостью в те времена, и поэтому владение ими давало преимущество при вербовке. Вмешательство этих кабальеро объясняет одновременно экстравагантность эпопей Кортеса и Писарро и крайне неумелую организацию морских экспедиций испанцев.

Проблема заключалась в том, чтобы сохранить монополию на тот, казалось, неистощимый источник золота и серебра, которым представлялись золотые и серебряные рудники Нового Света, и вдобавок обеспечить транспортировку драгоценных металлов через Атлантику.

Кажется, Испания никогда не видела других способов решения этой проблемы, кроме насаждения драконовских законов и подавления, зачастую глупейшего, любой инициативы, проявляемой капитанами и лоцманами. Испания в противоположность Англии так и не поняла, что решение кроется в развитии техники мореходства, в прогрессе судостроения и судовождения, в учете опыта и поощрения инициативы моряков.

Опасности, тяготевшие над кораблями, перевозившими сказочные богатства из Нового Света в Старый, объяснялись не только непригодностью их к плаваниям в открытом море и сильными ураганами, раздражавшимися в неудачно выбранный для рейса сезон. Немалую роль здесь играла и алчность, которую возбуждала во всех европейских странах та золотая река, тот испанский «Голдстрим», который периодически пересекал Атлантику.

Предок современного доллара

Алчность разгоралась все сильнее, поскольку сокровища Нового Света уже были превращены в деньги. Ведь большая часть золота и серебра переливались на монетных дворах Нового Света. Первыми денежными знаками, появившимися в обращении в 1537 году, были монеты достоинством в один, два, три и четыре реала. Лицевую сторону монеты украшал герб с кастильскими замками и леонскими львами. Их называли эскудо или дублоны, так как они стоили в два раза больше, чем пистоли. Чеканка монет, как и торговля с Новым Светом, порождала скандальные махинации. Надо полагать, что казначей мексиканского монетного двора Луис де Ривера, купив эту должность в 1580 году за 160 тысяч пе-

со, перепродал ее в следующем году за 260 тысяч. Вице-король, располагавший 160 должностями для продажи, не довольствовался только этими доходами и прибегал к спекуляциям через подставных лиц. Справедливости ради отметим, что подобные нравы широко бытовали в ту эпоху. Масштабы махинаций не казались из ряда вон выходящими на фоне колоссальных богатств Америки.

В 1545 году крупные залежи драгоценных металлов были открыты в Потоси, на территории современной Боливии, и здесь был создан монетный двор.

В Новом Свете единственными зданиями, превосходившими своим великолепием храмы, были «Монеды», то есть монетные дворы. Монетный двор в Потоси обошелся в два миллиона пиастров. На этих предприятиях чеканили колоссальное количество монет, особенно достоинством в восемь реалов, которые высоко ценились и были самыми удобными в обращении. В течение трех веков они оставались денежными знаками, пользовавшимися наибольшим престижем как в Новом, так и в Старом Свете. То были пресловутые восьмиреаловики.

По воле случая они стали предком современного доллара. В счетных книгах крупных купцов эти монеты обозначались латинской буквой *P*, переплетающейся с цифрой 8. Позднее осталась только цифра, которую преобразили в знак *S*, перечеркнутый черточкой. В конечном счете этот символ начали применять американцы для обозначения доллара.

Что касается слова «доллар», то оно немецкого происхождения. С XV века на серебряных рудниках Иоганнсталля в Богемии начали чеканить монету, известную в Европе под названием иоганнсталер или сокращенно талер. Эти монеты по стоимости были равны восьми реалам. Последние были украшены на оборотной стороне знаком колониальной мощи Испании — двумя колоннами, у основания которых плескалось море. Плавание за Геркулесовы столбы означало в ту пору пересечение Гибралтарского пролива. Это было символом всей

заатлантической эпопеи Испании, означавшим, что Средиземное море не удовлетворяет больше требованиям самой могущественной морской державы мира. Она отныне устремилась в неведомые океаны. Вот почему на этих монетах можно прочесть такой девиз: «Plus Ultra», то есть «Еще дальше». На лицевой стороне надпись: «Philippus II Hispaniarum et Indiarum Rex» («Филипп II, король испанский и индийский»). Слово «Indiarum» фигурирует на всех монетах, отчеканенных в Новом Свете.

Впрочем, монеты эти были очень плохой чеканки. До конца XVIII века единственным инструментом, применявшимся при чеканке, был молоток. Содержание золота в монетах зачастую было ниже установленной законом пробы. Повинны в этом были сами чиновники. Они не смущаясь пользовались несовершенством чеканки и заставляли обрезать по краям новые монеты.

Золотой якорь

Если Испания чеканила огромное количество денег на монетных дворах в Новом Свете, то это в значительной мере объяснялось стремлением помешать ухищрениям чиновников, мошенников столь же искусных, сколь и упорных.

Действительно, королевская казна не могла доверять слиткам, перевозившимся на галионах. Они нередко представляли собой медные или свинцовые бруски, покрытые сверху серебром. Платину, которая в ту пору не ценилась, использовали даже для заполнения внутренней полосы слитков в форме дисков.

И наоборот, когда надо было перевезти на родину незаконно присвоенные монеты, генералы, адмиралы и капитаны переплавляли их, изошряясь в хитрости. Один из них заставил расплавить все принадлежавшее ему золото, чтобы отлить из него якорь, умело покрытый платиной.

Каждый стремился урвать свою долю

Чтобы понять историю торговых связей между Старым и Новым Светом, необходимо составить четкое представление о том, что значил для других европейских народов этот приток богатств, единственной держательницей которых была Испания. Казалось, это освобождало ее от необходимости трудиться. Французы, англичане, голландцы, рано зарекомендовавшие себя моряками, гораздо более искусными, чем испанцы, захотели получить свою долю сокровищ.

Очень скоро пираты, флибустьеры, корсары поняли, что в Карибском море, которое называли тогда Испанским, главенствовать будут небольшие, легко управляемые суда, способные укротить высокие галионы, несмотря на их лучшее вооружение.

Для нападения на галионы, артиллерия которых теоретически считалась сокрушительной, флибустьеры, пользовались маленькими быстроходными судами. Как правило, они могли противопоставить только пять-шесть пушек 70 огнестрельным орудиям испанских кораблей. Морские разбойники видели залог успеха в быстроте маневров и атаке.

Экипаж этих небольших судов был относительно многочисленным. Он состоял из 70—80 человек, которые брали на abordаж корабли, перевозившие до 800 человек. Но офицерам и солдатам, находившимся на борту галионов, мешали отражать нападение контрабандные грузы, загромождавшие палубы и надстройки, а также излишек пассажиров. Что касается пушек, то их место часто занимали тюки с товарами. Дело в том, что в Картахене, Гаване и Веракрусе предусмотрительные купцы обычно арендовали пушки у галионов. Таким образом, капитаны могли показать орудия инспекторам из Каса де Конратасьон, а затем снять их с кораблей, заменив более выгодным грузом.

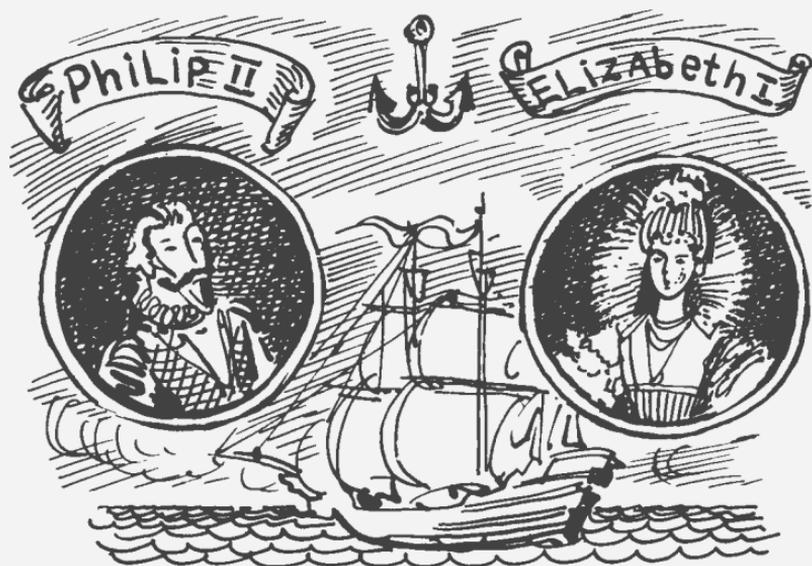
Для защиты от нападения флибустьеров применялись другие средства. На палубе натягивалась противоabordажная сеть. Чтобы проникнуть внутрь корабля, напа-

дающие должны были преодолеть это препятствие. Концы рей грот- и фок-мачты были снабжены крюками, предназначенными для разрыва такелажа судна, решившегося на ближний бой. А на носу судна, увенчанном длинным бушпритом, постоянно висел абордажный крюк.

Елизавета Английская и Филипп II Испанский

Начиная с этой эпохи англичане добились таких успехов в навигационном искусстве, которые позволили им превзойти Испанию. Их суда с довольно низким баком были более легкими и маневренными и в то же время более быстроходными. XVI век стал свидетелем зарождения и расцвета английского флота, действовавшего в ущерб Испании в водах, окружающих Американский материк. Положение Испании на Американском континенте все ухудшалось, а опасности, которым подвергались галионы, соответственно увеличивались.

К середине XVI столетия Испания располагала огромными колониальными владениями, управлять которыми была не в состоянии.

Филипп II (1527—1598), суровый монарх, ожесточенный непомерными трудами, был преемником Карла V. Он не интересовался морской торговлей и навигационными проблемами. Испанский король дважды совершал ошибку, отказавшись от услуг англичанина Джона Гаукинса¹.

Гаукинс предложил Филиппу II обеспечить безопасность флотилии Материка. Получив отказ, он начал нападать на испанские галионы, вместо того чтобы защищать их, и спровоцировал ссору между Испанией и Англией.

Елизавета не обладала богатейшими заморскими ресурсами Филиппа II, но зато у нее были искусные и отважные моряки. Впрочем, никаких официальных поручений им не давалось. Они возглавляли частные предприятия, финансируемые крупной аристократией и деловыми людьми, которые покупали и оснащали суда за свой счет.

Засада в Панаме

24 мая 1572 года Плимут покинули два до странности маломощных корабля: 70-тонный «Паша» и 25-тонный «Лебедь». Экспедицию возглавил Фрэнсис Дрейк, молодой человек лет тридцати, небольшого роста, но крепкого телосложения, носивший короткую рыжую бороду. Всего в экипажах этих судов насчитывалось 73 человека, причем все они были моложе капитана. Фрэнсис был выходцем из ярких протестантов. К храбрости моряка и дерзости пирата у него примешивался религиозный фанатизм: ненависть к католической державе, которая была тогда самой могущественной в мире.

Пока Филипп II истреблял неверных в Средиземном море, другая религиозная война вспыхнула в странах Карибского бассейна. Война эта была ожесточенной. Против испанских католиков сражались английские, голландские и французские протестанты. Пиратство и грабеж прикрывались религиозной враждой. А Фрэнсис

¹ Джон Гаукинс (Хокинс) — впоследствии английский адмирал.

Дрейк был одним из самых ярких приверженцев реформаторской церкви.

Перед отплытием из Англии его люди вооружились по-разному: одни — пиками для ближнего боя, другие — мушкетами, были в отряде и лучники. Большинство европейских стран к тому времени уже отказалось от луков, но англичане остались верны оружию, обеспечившему им победу при Азенкуре, благодаря которой они некоторое время считались лучшими пехотинцами в мире.

Дрейк в то время действительно задумал перенести центр тяжести операции на сушу. Он решил перехватить караван, который доставлял в Пуэрто-Бельо золото из Перу и Чили — сокровища, награбленные в легендарной стране инков.

Дрейк побил рекорд своей эпохи: затратив всего 25 дней на преодоление Атлантики, он захватил городок Номбре-де-Диос, хотя и не смог там удержаться. Здесь Дрейк узнал, что 28 принадлежащих казне и несколько частных караванов держат путь к Панаме. Каждый караван включал 50 мулов, причем в авангарде и арьергарде шли военные отряды.

Тогда Дрейк решил устроить засаду вблизи Панамы. Его отряд потерял 28 человек, и многие воины были поражены каким-то неизвестным недугом, скорее всего желтой лихорадкой. Дрейку удалось повести за собой только 18 человек. С помощью проводников, индейцев-симарронов, они пересекли джунгли, преодолели кордильеру, поросшую густой растительностью. Изнемогая от жары, усугубленной духотой леса и избыточной влажностью воздуха, прокладывая себе путь мачете среди орхидей, колибри и змей, отряд вышел к Тихоокеанскому побережью Америки. Взобравшись на высокое дерево, Дрейк увидел город Панаму и незнакомый ему океан. Он поклялся, что станет первым англичанином, отважившимся плыть по водам Тихого океана.

Атака каравана была назначена на тот же вечер, так как испанцы предпочитали передвигаться в ночной прохладе.

Дрейк приказал своим людям натянуть нижние рубахи поверх одежды, чтобы можно было отличить своих людей от врагов во время ночной схватки.

На заре индейцы сообщили о приближении каравана. Вскоре раздалось позвякивание колокольчиков, подвешенных к шеям мулов. По счастливой для Дрейка случайности погонщики мулов остановились на отдых на вершине холма, где была устроена засада. По свистку Дрейка грянули выстрелы из мушкетов, град стрел обрушился на солдат эскорта, и началась атака. Люди Дрейка подрезали подколенные жилы мулам, пока испанцы спасались бегством.

По правде говоря, Дрейк не один возглавлял эту операцию. Он объединился с французским корсаром Гийомом ле Тестю, гугенотом из Гавра, который был одним из лучших гидрографов своего времени.

Авантюристы, тяжело нагружившиеся слитками и мешками, пустились в обратный путь. Отряд превратился в жалкую горсточку изнуренных и снедаемых желтой лихорадкой людей. По дороге их атаковал отряд испанских солдат. Ле Тестю, шедший в арьергарде с восемью стрелками, выстрелил из аркебузы, чтобы остановить испанцев. Это ему удалось, но он сам был поражен пулей наповал. Гийом стал единственной жертвой этого сражения.

Англичане захватили 15 тонн серебра, которое запрятали в ямах, а при себе оставили золото, какое смогли унести. Покачиваясь под тяжестью груза, без остановок шли они двое суток подряд по лесу под проливным тропическим ливнем. С большим трудом они дотащились наконец до реки Магдалены, но пинасы, на которых они сюда приплыли, были захвачены испанцами. Дрейк приказал построить плот и, захватив с собой троих человек, отправился за подкреплением. В конечном счете все встретились на борту фрегатов. Самые крепкие моряки вернулись на сушу, чтобы откопать зарытые при отступлении серебряные слитки. На сей раз им повезло, так как они не встретили больше испанцев и беспрепятственно погрузили на корабли богатую добычу.

Когда Дрейк вернулся в Англию с двумя набитыми золотом и серебром фрегатами, его экипаж не превышал тридцати человек.

До того момента флибустьеры нападали на испанские конвои только в водах, омывающих Антильские острова. Дрейк пошел дальше: он проник на сушу в районах Номбре-де-Диос и Панамы. Тогда ему захотелось попасть туда, где испанцы считали себя неприступными, а именно в Южное море. Вот почему через 50 лет после Магеллана Дрейк обогнул мыс Горн и, нападая по пути на все встречные испанские корабли, с колоссальной добычей возвратился на «Золотой лани» в Англию. Его кругосветное плавание длилось три года. В Англии Дрейк высадился 26 сентября 1580 года. Опасаясь ссоры с Испанией, королева на некоторое время затянула награждение Дрейка. Но у этого корсара были могущественные покровители, которые вложили капиталы в его предприятие и получили огромную прибыль.

Вот почему 4 апреля 1581 года королева Елизавета торжественно поднялась на борт «Золотой лани», где по этому поводу был устроен пышный прием. К концу пиршества Елизавета приказала Дрейку преклонить перед ней колена и, наградив его шпагой с золотым эфесом, посвятила его в рыцари. Так пират и мореплаватель стал сэром Фрэнсисом Дрейком.

К концу правления Филиппа II морской флот Испании переживал тяжелый упадок. На судостроительных верфях не хватало специалистов. В самой Испании строили все меньше и меньше кораблей. Все покупалось за границей, даже суда. Чтобы составить флотилию в 1597 году, пришлось закупить более 20 галионов в Голландии. Испания пока еще и не подозревала, что процветание страны определяется не потоком золота, который она поглощает, а деятельностью ее населения. И это непонимание стало впоследствии для нее роковым.

После гибели в 1588 году Непобедимой армады, которая потеряла более 32 кораблей, морскому флоту Испании был нанесен сокрушительный удар. У Филиппа II

пропало всякое желание связывать свои честолюбивые замыслы с мореходством.

Приближался конец «золотого века», а вместе с ним и крушение испанской державы.

Обуреваемые ненасытной алчностью, конкистадоры ввергли население завоеванных стран в такую каторжную кабалу, что коренные жители либо вымерли, либо обратились в бегство. С конца XVI века Куба, Эспаньола, Пуэрто-Рико обезлюдели. Рабов на острова пришлось поставлять из Африки, и этим занялись французы и англичане, завязавшие первые связи с Вест-Индией. Испания отказалась от работорговли не из гуманных соображений. Дело в том, что она не могла предложить своим колонистам и их рабам ничего, кроме обуви.

Из-за слабости испанского флота и лихоимства чиновников Каса де Контратасьон связи между американскими колониями и метрополией становились все более сложными и редкими. Даже на самом Американском континенте товарообмен между Перу и Мексикой осуществлялся через все более продолжительные промежутки времени. Зато контрабандная торговля, которую вели англичане, голландцы и французы, заметно усиливалась.

Между тем оживленная деятельность корсаров создавала в Новом Свете почти невыносимые для Испании условия. И она в скором времени лишилась контроля над всеми островами Карибского бассейна, за исключением Кубы и Пуэрто-Рико.

Источник, из которого черпала свои богатства Испания, ей вскоре было суждено утратить. Голландцы показали себя не менее опасными противниками, чем англичане. Впервые за всю историю в бухте Матансас, на северном побережье Кубы, флотилия Новой Испании была захвачена в плен голландскими корсарами, предводительствуемыми Питом Хейне. Они овладели двадцатью четырьмя кораблями и добычей, оценивавшейся в 14 миллионов песо. Во главе испанской флотилии стоял генерал-капитан Хуан де Бенавидес и Басан. После смерти Филиппа II в начале XVII века чеканка монет в Мекси-

ке и Перу сократилась, а в 1630 году и вовсе прекратилась.

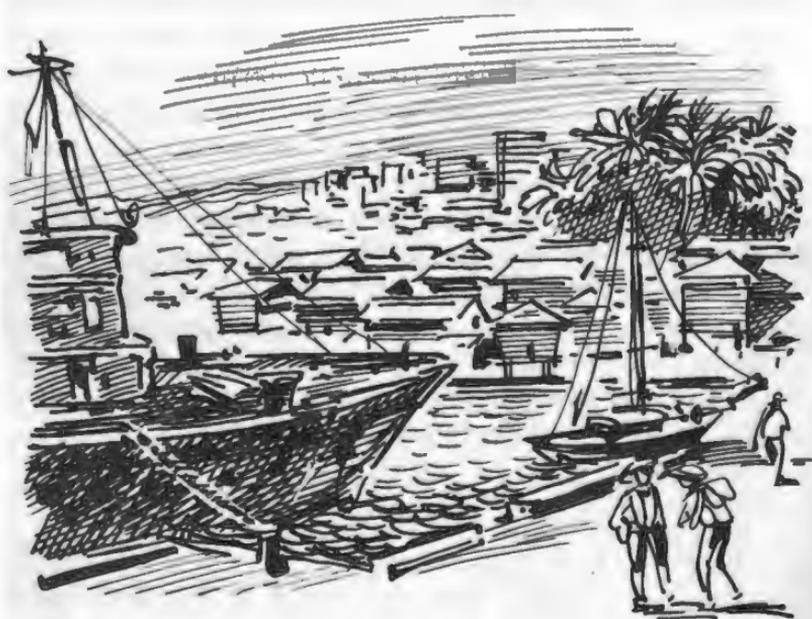
В середине XVII века больше половины эксплуатируемых рудников было законсервировано по разным причинам: из-за недостатка рабочей силы или вследствие трудностей технического характера. Частные предприниматели, занимавшиеся разработками, забросили эти рудники, как не приносявшие большой прибыли.

Соперничество между Филиппом II и Елизаветой, между двумя морскими державами и двумя религиями, заняло весь XVI век. И если борьба закончилась победой Англии, то произошло это прежде всего потому, что Елизавета обеспечила укрощение морской стихии. Этим Англия обязана не только своим мореходам, но и судостроителям. История сохранила для нас их имена. Великолепные английские корабли, которые нанесли смертельный удар Непобедимой армаде, были сконструированы мастером Мэтью Бейкером. Модернизация сводилась к облегчению судов и освобождению их от задней, слишком высокой надстройки. Бейкер создал корабли с более низкой надводной частью и изящными линиями.

Финас Петт, происходивший из семьи потомственных судостроителей в нескольких поколениях, создал по меньшей мере два шедевра — «Наследного принца» и «Властителя морей», которые несли на себе до ста пушек и на полтора века обогнали своих современников.

Но главное заключалось в том, что испанские галионы были перегружены солдатами, которые вступали в бой в момент абордажа, тогда как на английских кораблях плавали только моряки. Это обстоятельство наряду с превосходством в артиллерии и способствовали гибели Непобедимой армады. Англичане раньше испанцев поняли, каким должен быть новый флот, предназначенный не только для внутреннего Средиземного моря, но и для сражений в далеких морях в условиях сильных штормов.

Так Англия стала сильнейшей в мире морской державой.

Глава пятая

ИСКАТЕЛИ СОКРОВИЩ ВО ВСЕОРУЖИИ

Чудовищный компрессор. — Закупаем совки для мусора. — Возвращение в мышеловку. — Ночные работы по обозначению фарватера. — Плот с историческим названием. — Шкура неубитого медведя. — Чудовище из Лох-Несса. — Красные перчатки. — Шланг лопнул. — Работа по конвейеру

Понедельник, 22 июля. Мы гораздо больше страдаем от жары на своем судне, стоящем у причала в Сан-Хуане, чем на рифе Силвер-Банк, где почти всегда ощущается свежее дыхание бриза. В 8 часов утра даю распоряжение нашему таможенному агенту, чтобы он обеспечил выдачу оборудования, доставленного из Франции: светящиеся буи и сопла для землесоса. Затем вместе с Реми отправляемся на такси, чтобы сделать необходимые закупки. Заходим с ним на два склада строительных материалов, чтобы подобрать трубы для землесоса. При выборе диаметра мы колеблемся: 15 или 20 сантиметров? Тут же убеждаемся,

что 15 сантиметров — единственный диаметр, приемлемый для работы человека под водой; 20 сантиметров исключаются как чудовищная величина. Находим также великолепный гибкий всасывающий шланг диаметром 15 сантиметров, состоящий из отрезков длиной по 15 метров.

В 11 часов расстаюсь с Реми: он отправится заказывать многослойную фанеру, деревянные брусья, гвозди, болты, клей, шпаклевку и различные инструменты. Пополудни Реми улетает домой на Сен-Бартельми, чтобы повидаться с семьей. Он вернется завтра вечером с ящиком рома для экипажа «Калипсо». Главный механик Филипп Сиро, Зуэна, Бассаже и Делемотт тоже рассеиваются по городу за различными покупками. К полудню жара на улицах становится невыносимой, и мы начинаем тосковать по своему коралловому морю.

С тех пор как мы снова оказались на твердой земле, нас не покидали видения подводного рифа Силвер-Банк. Всех членов экипажа «Калипсо» охватила спешка наподобие золотой лихорадки.

Каждый старался поскорее справиться со своими заданиями, связанными с заходом на Пуэрто-Рико. Пребывание в Сан-Хуане рассматривалось как короткая передышка, и все стремились поскорее приступить к своей каторжной работе — снова переворачивать и дробить коралловые глыбы, — возвратиться к золотым мечтам и продолжить эпопею с того места, на котором она была прервана.

Оживить историю

Не думаю, чтобы водолазов, механиков и инженеров с «Калипсо» раньше слишком волновали конкистадоры и историческая авантюра, какой было открытие Нового Света. Теперь всеми овладело страстное любопытство. Вечерами за долгими беседами в кают-компании мы делились друг с другом своими знаниями истории. Кортес, Писарро, Дрейк постепенно стали для нас хорошо знако-

мыми личностями. Мы испытывали чувство некой общности с ними, поскольку находились в водах Карибского моря, которое они бороздили, и ступали на острова, где они бывали.

С нетерпением ожидаю приезда Диди Дюма и Джона Соха, которые должны привезти нам дополнительную документацию.

Я видел Бассаже и Делемотта на залитых солнцем улицах Сан-Хуана. У них отсутствующие лица и отрешенный взгляд людей, чьи мысли витают далеко. Ведь они владели тайной и чувствовали себя обособленными, как все, кто стремится к определенной цели и приобщился к рискованному предприятию.

В полдень, когда мы снова встретились, я нашел их сидящими в мечтательных позах на крышке трюмного люка задней палубы. С набережной за ними наблюдал толстый мальчишка-пуэрториканец, строивший им смешные гримасы. Однако ему не удалось разглядеть морщины на их лицах.

Я размышляю о наследственных генах, о смешанной крови, текущей в жилах этого парнишки. Пуэрто-Рико был свидетелем появления каравелл Христофора Колумба. Позднее этот остров стал главной промежуточной гаванью конкистадоров. Корсары совершали на него трагические набеги и под конец захватили Пуэрто-Рико. История Пуэрто-Рико насыщена золотом и кровью, к ней причастны прекрасные креолки, идальго и джентльмены удачи, обезумевшие от рома и тропической жары. Богатая родословная у этого мальчонки. Он и не подозревает, что мы нашли на дне моря следы, оставленные его предками.

Остров Пуэрто-Рико (Богатая гавань) был открыт в 1493 году и до 1898 года оставался вместе с Кубой последней испанской колонией на Карибском море. Не приходится удивляться тому, что местные жители упорно говорят на испанском языке.

Вторник, 23 июля. Рано утром прибыл Джон Сох. Он привез бесценную документацию о галионах и об Уилья-

ме Фиппсе, самом крупном рекере своего времени. Займись этой литературой позже. Сегодня надо проверить все закупки, чтобы ничего не позабыть. Мы не можем позволить себе такую роскошь, как повторное посещение Пуэрто-Рико для пополнения запасов продовольствия и оборудования. Навигация по нашему «фарвату» слишком деликатное дело, а швартовка там очень сложна.

В Сан-Хуане мы на каждом шагу обнаруживаем следы околдовавшей нас эпохи. Здесь расположен не только самый современный и роскошный отель островов Карибского моря, но и самая старинная в Америке церковь Святого Хосе.

Рвы крепости Эль-Морро теперь превращены в бухту. В порту Сан-Херонимо сохранились три черные дыры — пустые амбразуры для пушек. Крепость Ла-Форталеса, построенная в 1530 году, теперь занята под какое-то учреждение. Канцелярские крысы стали преемниками идальго. Но мы прибыли сюда не в качестве туристов и не для паломничества по местам исторических событий.

Закупки в Сан-Хуане

Мне удалось взять в аренду большой компрессор фирмы «Уортингтон» мощностью 200 лошадиных сил и почти новехонький. По этому поводу велись бесконечные долгие переговоры, так как владелец компрессора хотел удостовериться, что его имущество будет находиться в трюме и не пострадает от соленых брызг. Наконец дело улажено, и к 3 часам дня компрессор был доставлен, как договорились, к причалу № 5.

Этот аппарат своей непрекращающейся трескотней будет преследовать нас в течение всех изысканий на рифе Силвер-Банк. Он несомненно станет определять ритм каждого часа нашей жизни, но зато и позволит нам благодаря своей мощности разбить тонны кораллового известняка. Это он вдохнет жизнь в нашу рабочую площадку. Как только компрессор будет запущен, его оглушитель-

ный шум захватит «Калипсо» и заставит судно содрогаться до самого дна трюма. В течение 12 часов в сутки экипаж будет неотвязно преследовать его гудение как на борту, так и далеко в море и даже под водой.

Среда, 24 июля. Диди Дюма прилетел из Франции в 4 часа утра и, обнаружив, что его никто не встречает, пришел в ярость. У него были на это все основания. Наш агент, который должен был встретить Дюма, опять не сдержал обещания.

Дюма не терпелось увидеть наше затонувшее судно, и, как я предвидел, у него в голове уже роилось множество остроумных идей по организации раскопок.

В своей книге «Затонувшие суда античного мира» он выдвинул идею использования землесоса для раскопок. Он высказал мнение, что землесос, к которому сам Дюма еще никогда не прибегал, может в некоторых случаях оказаться весьма эффективным и дать хорошие результаты.

Местоположение затонувшего судна, по словам Дюма, идеально подходит для претворения его новой идеи. Я с восторгом принимаю предложение Дюма, полагаясь только на схему конструкции.

Задача сводится к тому, чтобы установить в вертикальном положении толстую неподвижную трубу, надежно закрепленную на якорю. На дне к этой трубе подводится подвижный шланг длиной 10—15 метров, постоянно заполненный водой. Воздух подается в неподвижную широкую трубу у ее основания.

По опыту мне известно, что при подаче воздуха землесос всегда засоряется в своей конечной части, более или менее горизонтальной.

Налаживаем хозяйство

«Калипсо» весь день загорает на солнце. Вылазки в город для нас, пожалуй, еще тяжелее, чем пребывание на борту. Все разбредаются в разные стороны в поисках недостающих инструментов и материалов. Водолазы от-

правляются за молотками, кувалдами и крепкими нейлоновыми канатами.

Фредерик Дюма с его лукавой улыбкой и ироническим спокойствием позволяет нам использовать свой опыт подводного археолога, он ни о чем не забывает. Но проявляет, пожалуй, повышенный интерес к предметам домашнего обихода, о которых без него мы и не подумали бы. Я сопровождаю его в прогулках по чарующим старинным кварталам Сан-Хуана, чтобы закупить все, что ему необходимо и перечислено в его длинном списке. Мы обходим все базары и аптеки. Фредерик Дюма хочет приобрести пластмассовые совки для мусора. Ими, по его мнению, будет удобно собирать осколки кораллов. Он закупает также целый набор метел, больших, средних и маленьких, и даже веники из соломы и нейлона, без которых, как он уверяет, нельзя обойтись в подводных археологических раскопках на коралловом дне. Мы покупаем даже урны для мусора, чтобы отмачивать в пресной воде наши будущие находки.

Опасаясь, что нам вовремя не доставят на «Калипсо» все эти драгоценные «орудия производства», мы таскаем их за собой по узким и загроможденным тротуарам старого Сан-Хуана на удивление всем проходим. Мы расталкиваем американских туристов и пуэрториканцев в цветастых рубашках. Обливаясь потом, ошестинившись пучками метел, мы наконец сваливаем свой груз на борту «Калипсо», где он вызывает всеобщее удивление и... насмешки.

— Пускай смеются, — говорит Дюма, — они еще будут меня благодарить.

Последние приготовления

Реми де Хенен, который вернулся вчера на своей «сесне», вылетел сегодня утром вместе с Кайаром, Делуаром и Агостини, чтобы еще раз провести воздушную разведку рифа Силвер-Банк и заснять район, где покоятся обломки затонувшего судна.

На борту «Калипсо» люди также не теряли времени даром. Там уже начали мастерить фильтрующие корзины из металлической сетки, в которые будет «плеваться» землесос. Эта работа на набережной затягивается за полночь, к величайшему удивлению пуэрториканских полуночников. Ребята паяют, режут газовыми резаками, сколачивают дерево гвоздями...

Четверг, 25 июля. Утром начинается погрузка. Компрессор спущен в трюм, где надежно уравновешен, как того хотел его владелец. Трубы, брусья, корзины, листовое железо, шланги, угловая сталь, гвозди, болты, сверла, скобы, соединительные муфты, продовольственные припасы, пресная вода и ром, привезенный из Сен-Бартельми, — все это в конечном счете находит свое место на борту. Две миниатюрные подводные лодки-«блошки» с их оборудованием, не прошедшие через таможню, были запрятаны подальше в трюме. А выгрузка наших «ныряющих блюдец» стала достойным спектаклем для зевак.

Наконец в 12 часов 30 минут мы отчалили, и, осмелюсь сказать, это было своего рода спортивным достижением, учитывая объем груза, который надо было поднять и уложить на судне. Силуэт острова, его старая крепость, гора, поросшая лесом, еще не успели скрыться за горизонтом, когда на задней палубе уже раздались удары молотков и скрежет пил. Реми с помощью Фулона, Коля и Гастона приступил к сооружению плота-катамарана, предназначенного для перевозки корзин. Должен сознаться, что сначала все довольно скептически оценивали плавучесть и возможность использования этой довольно уродливой посуды. Когда же работа была завершена, плот был по достоинству оценен даже скептиками. Реми знает, что делает.

Море беспокойно, курс не слишком точен. Мы миновали Нативите-Банк, не запеленговав эту отмель радиолокатором.

Сооружение шаланды, вернее плота, увлекло весь экипаж. Ему предстояло сыграть важную роль в раскопках на второй стадии наших поисков. Скоро этому суденышку

будет дано имя. Пока же все вносят свои предложения по усовершенствованию и упрощению его конструкции. Поздно ночью все еще слышится перестукивание молотков.

Пятница, 26 июля. Ранним утром «Калипсо» проходит прямо под отмелью, которую мы не заметили в прошлый раз. Карты составлены очень неточно. Течения этого времени года слабо изучены и крайне непостоянны. «Калипсо» наугад берет курс на север, к рифам Силвер-Банк. Мы слишком отклонились на запад; поворачиваем на юго-восток и наконец на расстоянии пяти миль обнаруживаем радиомаяк, что, несомненно, исключительная удача. Наконец мы идем проходом в рифах вдоль обставленного нами фарватера... и поздно вечером бросаем якорь над затонувшим судном. Прохождение длинного коридора оказалось более продолжительной и тонкой операцией, чем мы предполагали, несмотря на все работы по его обозначению.

Я не слишком спокоен за нашу судьбу. Если разразится ураган или тропический циклон, которые по четыре-пять раз случаются в Карибском море в июле — октябре, то не изменит ли нам удача? Сегодня вечером уже поздно нырять. Над сооружением плота экипаж трудился весь день, пока мы шли к рифу.

Суббота, 27 июля. Утром Диди, которому не терпится ознакомиться с положением на месте, погружается в воду, чтобы осмотреть обломки затонувшего судна. Когда он появляется на трапе «Калипсо», у него довольно растерянный вид. Как священник, принявший тяжелую исповедь, Дюма отказывается от каких бы то ни было сообщений. Он считает, что еще рано высказывать свои суждения. Как и нам, ему еще неясна общая диспозиция. Я чувствую, что все на борту с тревогой ждут его вердикта. Наш экипаж на этот раз состоит из молодых людей, для которых Диди авторитетный «старик», и они всегда величают его не иначе как «господин Дюма».

Я совершенно убежден, что среди наших водолазов многие твердо верят если не в сокровища, то, во всяком случае, в возможность найти немного золота и какие-ни-

будь ценности. Знаю, что они ведут по этому поводу беседы и делятся друг с другом соображениями, как предполагают распорядиться своей добычей, как и подобает настоящим прибрежным пиратам.

Наш кок Морган уже заявил, что купит рысака и будет срывать тройные куши на бегах, ставя на трех первых пришедших к финишу лошадей. Находясь на борту «Калипсо», он не мог играть на тотализаторе, и это было для него большим лишением.

Днем мы устанавливаем три норвежских бую, дающих вспышки через определенные промежутки. Я выписал их из Марселя. На задней палубе во второй половине дня уже заканчивают сооружение плота для перевозки корзин — этого творения Реми. Вчера вечером за беседой в кают-компании он получил наконец имя. Мы нарекли плот «Джемс энд Мэри» в надежде, что это принесет нам удачу. Ведь такое название носил корабль, на котором Уильяму Фиппсу удалось извлечь из обломков галиона «Нуэстра сеньора де ла консепсьон» огромные богатства. «Джемс энд Мэри» Фиппса был назван им в честь английской королевской четы, правившей в ту эпоху. Эти имена нанесены разноцветными буквами на различные плоскости плота Филиппом Сиро и нашим доктором, всегда стремившимся быть хоть чем-то полезным.

Наконец «Джэмс энд Мэри» с помощью подъемного крана «Калипсо» торжественно опущен на воду. Несмотря на нелепый вид, вызывавший насмешки до последнего дня, плот гордо закачался на волнах.

Большие металлические корзины, куда будет «плеваться» землесос и к изготовлению которых мы приступили еще на набережной Сан-Хуана, готовы и установлены на плоту. Изнутри они выстланы тонкой сеткой, чтобы не потерять дублионы!

Диди, по-прежнему всецело поглощенный археологическими проблемами, которые поставили перед ним обломки затонувшего судна, снова погружается в воду, чтобы вторично осмотреть оконтуренный нами участок. Тем временем Бернар и Мишель, согласно его указаниям,

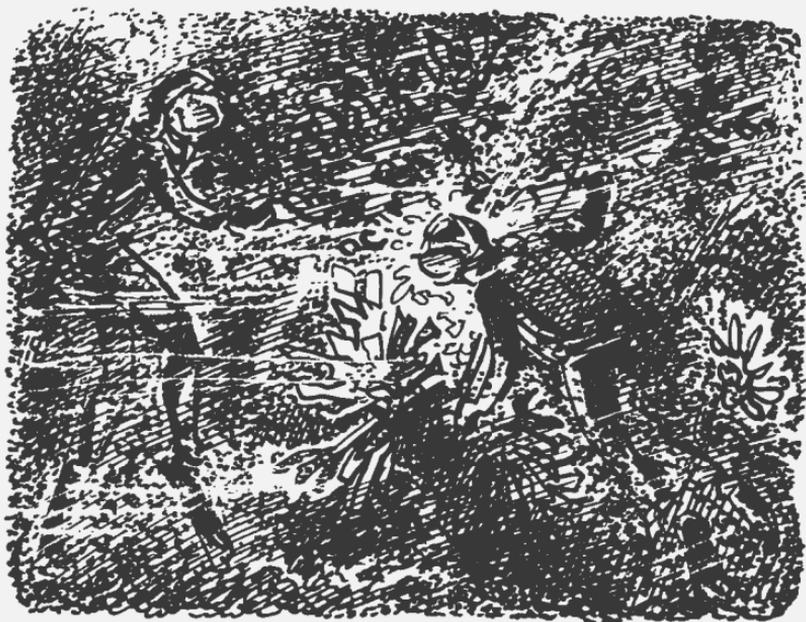
проводят новые измерения и уточняют расстояния между отмеченными Диди ориентирами, где, по его мнению, должны находиться определенные части затонувшего судна. Я не хочу оказывать на него никакого давления. Пусть работает по своему разумению. У нас еще будет время сопоставить наши предположения.

Местонахождение обломков наконец оконтурено

Воскресенье, 29 июля. Диди Дюма значительную часть утра проводит в воде. Чтобы определить границы места поисков, он делает пробные скважины с помощью миниатюрного землесоса, который мы прозвали «буром Бика». Он проявляет особый интерес к рабочей площадке, находящейся на юго-западе, и извлекает оттуда дерево и посуду. Диди находит здесь также тонкую тарелку, потемневшую дочерна. Возможно, что такая окраска объясняется долгим пребыванием в воде. Мы постараемся кислотой вернуть ее первоначальный цвет. В блаженном состоянии за воскресным завтраком Филипп Сиро поведал нам ошеломляющую историю, от которой меня бросает в дрожь. Прошлой ночью, находясь на вахте, он видел, как большой корабль спокойно пересек рифы Силвер-Банк!

Судя по всему, что нам известно об этих проклятых рифах, у этого судна было десять шансов из десяти разлететься вдребезги. Мы с Кайаром переглядываемся, на лбу у нас выступил холодный пот. Капитан судна, видимо, смутно представлял его положение (мы по опыту знаем, как трудно определиться в этих местах) и, вероятно, почувствовал себя увереннее, заметив «Калипсо». Он не мог, конечно, представить, с каким трудом мы сюда пробрались. Не мог он также догадаться, что мы бросили якорь в самом опасном и коварном уголке Карибского моря! Какая ужасная моральная вина легла бы на нас, если бы это судно разбилось!

Во второй половине дня прошу Бернара и Мишеля сделать еще несколько замеров на дне, и, когда Бернар сообщает результаты, на меня вдруг снисходит озарение. В при-

сутствии Бернара прикидываю размеры типичного для той эпохи галиона — 45 метров в длину, включая бушприт, 10 метров в ширину, 22 метра прямоугольного киля и т. д.

Рисую корабль красными чернилами на своем плане. Если допустить, что здесь затонул корабль, то вот он перед нами! Передняя надстройка, около двух якорей, которые обнаружены у правого борта, пушки нижней батареи, пушки верхней батареи с носовой части. Пушки с задней надстройки, которая, видимо, и найдена на третьем холме.

Остается еще много загадок: почему на втором холме оказались две пушки? И главное, куда же девалась задняя надстройка?

Относительно задней надстройки у меня есть три предположения.

Первое: она находится под третьим холмом, что мне кажется маловероятным. Второе: надстройка эта и есть третий холм; и наконец, последняя гипотеза, которая представляется мне наиболее правдоподобной: кормовая часть судна не пошла ко дну. Она осталась на коралловом

риффе, где с незначительной глубины Фиппс и извлек из моря часть драгоценного груза. Но позднее кормовая часть была разбита штормами и исчезла совсем.

Делюсь своими соображениями со всеми членами экипажа, и разгораются дискуссии еще более горячие, чем раньше. Только Диди по-прежнему хранит спокойствие.

Во второй половине дня продолжают работы по улучшению места нашей якорной стоянки. Для гарантирования безопасности судна надо избавиться еще от одной скалы вблизи большого рифа, вершина которой достигает уровня моря. Взрыв на поверхности — впечатляющее зрелище! Но гряда обломков, оставшихся на месте, все еще внушает тревогу. Надо повторить взрыв. Для того чтобы покончить с этой скалой, потребовалось 30 брикетов тринитротолуола.

Разрушения на дне, производимые взрывными работами, мне претят. Проявляя известную слабость, устраняюсь от этого дела и даже пытаюсь ему воспротивиться. Понадобилась вся настойчивость капитана «Калипсо», чтобы я согласился с этой печальной неизбежностью. Любое нарушение жизни моря, даже если оно вызвано требованиями минимальной безопасности, мне кажется святотатством.

Одна бригада спускает в море цепь и отдает якорь с левого борта, что должно обеспечить нам полное спокойствие. Признаюсь, что вопреки всему, что я наговорил Кайяру о бесполезности этой операции, впредь буду спать лучше.

Все новые светящиеся буи расставлены и зажжены нашим славным доктором, который не относится к этому делу как к синекуре.

Шкура неубитого медведя

Вечером у нас дается киносеанс на передней палубе. Просматриваем фильм об акулах, а затем ленту, привезенную Джоном Сохом.

После этого приступаем к новому голосованию на нашей «генеральной ассамблее», чтобы решить вопрос, должен ли Дюма, поделившийся с нами археологическим опытом, получить свою долю добычи.

Это заседание напоминает дележ шкуры неубитого медведя. Оно было предусмотрено на предыдущей «ассамблее». На голосование поставлена резолюция, сформулированная следующим образом: «Ввиду важности технической помощи, оказанной господином Дюма, примет ли он участие в дележе сокровищ наряду с остальными членами экипажа». После вскрытия бюллетеней выяснилось, что Дюма включен в число претендентов на испанское золото. Мне поручается сообщить Диди эту приятную новость.

Разумеется, вся эта церемония проводилась полушутя-полусерьезно. Дело в том, что вера в сокровища иногда изменяла нам. И я чувствую, что Дюма с самого начала относится к этому довольно скептически.

За день монтаж большого землесоса диаметром 15 сантиметров полностью закончен. Погода не слишком нам благоприятствует: довольно крепкий юго-восточный ветер поднимает высокие волны.

Понедельник, 29 июля. Еще не все подготовительные работы завершены. Понимаю, что они абсолютно необходимы, но я уже полон нетерпения. Хочется как можно скорее приступить к раскопкам, тем более что меня беспокоит приближение шторма. Но, даже если мы с ним справимся, хватит ли у нас времени закончить раскопки до разгара сезона циклонов? Для этого нужна особая удача!

Сегодня нам также придется отложить атаку на рабочей площадке. До этого надо еще установить три надежных якорных буя, чтобы закрепить блок из четырех поплавков, поддерживающих землесос. Еще три таких же крепких якорных буя потребуются для «Джемс энд Мэри». Их положение надо точно рассчитать относительно нашей рабочей площадки. К тому же «Калипсо» должна находиться как можно ближе к «Джемс энд Мэри», чтобы

можно было воспользоваться ее краном для подъема тяжелых корзин. Две трубы, длиной по шесть метров каждая, из которых состоит землесос, подвешены на поплавках. К нижней их части болтами прикрепляют тяжелое литое чугунное колено, которое соединяет жесткую вертикальную трубу с полугибким шлангом на дне. При начавшейся зыби все это устройство то поднимается, то опускается на метр и порой довольно сильно ударяется о подводные коралловые скалы. Посылаю бригаду водолазов, чтобы разбить эти коралловые глыбы с помощью ручных ударных буров. Эта работа также требует больших усилий и задерживает нас до позднего вечера. Тысячи мелочей поглощают наше внимание, и время проходит незаметно. Да, я забыл упомянуть о самой трудоемкой операции: с большой предосторожностью мы вытащили из заднего трюма и установили на место огромный компрессор, арендованный в Сан-Хуане, который оказался страшно тяжелым. Как еще экипаж не свалился с ног после всех этих перегрузок?!

Вечером новый киносеанс: просматриваем две катушки короткометражных фильмов. Кадры запечатлели обломки затонувшего судна. Заснятые Делуаром и Омером с помощью нового осветительного блока из четырех ламп по 750 ватт, они просто великолепны! С этой осветительной системой мы вступаем в новую эру подводного кинематографа.

Сигнал к атаке

Вторник, 30 июля. Решаю, что честь начать раскопки на рабочей площадке и первым испытать землесос должна принадлежать Раймону Колю, нашему ветерану и к тому же испанцу по происхождению. Он выходец из Каталонии, и ему по праву полагается взять первую добычу с затонувшего судна.

Утром я в последний раз инспектирую все якорные стоянки, а затем проверяю готовность землесоса. Вместе со мной сантиметр за сантиметром обследует землесос

Бернар Делемонт. Чтобы лучше обозначить его местонахождение, распоряжаюсь положить на него два больших листа фанеры, выкрашенных в желтый цвет. Землесос в целом состоит из пяти элементов. На 15-метровой глубине 20 метров гибкого шланга покоятся на дне в ожидании начала раскопок.

Даю приказ запустить компрессор для пробы. По нашим расчетам, он должен пропускать 50 тонн воды, песка и обломков кораллов за час работы. Это чудовищная машина. Когда компрессор в действии, он требует самого уважительного отношения со стороны водолазов. При такой мощности ему ничего не стоит вырвать руку у пловца. При давлении в одну атмосферу в той среде, где мы работаем, он буквально может высосать через кожу всю кровь. С момента запуска гигантского землесоса экипаж прозвал его «чудовищем из Лох-Несса» или просто «чудовищем». Раздаю водолазам красные перчатки, которые мы, к счастью, захватили с собой. Оператор у землесоса будет хорошо видеть руки водолазов, что, надеюсь, избавит нас от несчастных случаев.

Фредерик Дюма придумал также приспособление для облегчения работы водолазов. Когда находишься в придонных слоях водной толщи, трудно удержаться на одном месте или прилагать усилие по тяге. Вот почему водолазы должны «утяжеляться» для удобства работы. Вспомнив об этом, Дюма предложил отлить большие свинцовые грузы весом по пять килограммов с кольцом на конце. Ныряльщики будут прикреплять груз к поясу, а по окончании работы передавать его сменщикам. Кроме того, мы договорились, что для большей стабильности водолазы откажутся от ласт, заменив их сапогами.

Фредерик Дюма испытывал сомнения, предлагая отлить грузы. Я улыбаюсь, вспоминая об этом. Диди боялся навязать нам трудновыполнимую работу, которая отнимет массу времени. Между тем мы на «Калипсо» научились изготавливать многие вещи, и ему бы следовало об этом знать. Достаточно было одного утра, чтобы в камере для водолазного оснащения на задней палубе выстро-

илась дюжина свинцовых цилиндров, блестящих как серебро и снабженных не крючками, а защелками, что облегчит пользование ими под водой.

Роже Дюфреш, наш механик, захотел устроить сюрприз Дюма, который, обнаружив цилиндры, не смог удержаться от восторженного «браво». Это было самой высшей наградой для наших ребят.

Как всегда, когда мы беремся за операцию, условия проведения которой нам еще не совсем ясны, как и препятствующие ее претворению обстоятельства, я решаю как можно дольше задержаться на месте, чтобы исчерпать все возможности. Так же поступили мы и при археологических изысканиях у Гран-Конглуэ. Нельзя допустить запоздалых сожалений. На борту «Калипсо» щедрые запасы провианта и пресная вода, которую смогло вместить судно. Итак, за работу!

Раймон Коль набрасывается с землесосом на третий холм около параллельно расположенных пушек с середины правого борта. Работа спорится. Организованы три бригады, по три водолаза в каждой; бригадирами назначены Дюма, Коль и Делемонт. Один член бригады оперирует землесосом, а два других дробят осколки и удаляют их с рабочей площадки. Каждая бригада отрабатывает за сутки по две смены, оставаясь под водой в течение полутора часов.

На плане местности объясняю водолазам тактику раскопок: надо вырыть траншею поперек простираения затонувшего судна на том уровне, где находятся две параллельно расположенные пушки с правого борта.

Но Дюма считает, что грунт третьего холма слишком тверд для землесоса, и по своей инициативе перемещает его к следующей яме, туда, где была обнаружена бочка с гвоздями. Тут наш землесос производит опустошение. Я погружаюсь в воду со следующей сменой и сам оперирую землесосом. Решаю тут же на месте копать траншею по направлению на север, от ямы, которую начал рыть Дюма, чтобы обогнуть блок из трех пушек с середины правого борта, а затем повернуть на север вдоль холма, поскольку с самого начала намечалась поперечная траншея.

Шланг лопнул

Для нас было очевидным, что эксперименты с землесосом не обойдутся без аварий. Так и случилось: шланг, подающий воздух в землесос, лопнул.

Мой единственный опыт работы с помпой «мамут», «эйр-лифтом» или землесосом ограничивается только операцией у Гран-Конглуэ. Диаметр трубы там составил 120 миллиметров при длине 45 метров. Здесь для ускорения работы я выбрал диаметр 150 миллиметров. Руководствуясь здравым смыслом и опытом, рассчитываю высоту выброса и пропускную способность при заданном сечении трубы и давлении. Новизна предложенной Дюма системы заключается в том, чтобы удалить от рабочей площадки зону выброса или после отсасывания не с помощью горизонтального отвода, проходящего по поверхности, а горизонтальным же отводом по дну до вертикального отсасывания. Это можно сделать только при наличии хорошо всасывающего рукава, который не лопнет при закупорке. Работа с землесосом — подлинное искусство. Благодаря системе Дюма можно перемещать гибкий шланг, как при работе с пылесосом.

Дюма утверждает, что с землесосом надо обращаться как с живым существом, то есть кормить его следует разумно. Разумеется, надо давать ему как можно больше песка и камней, но так, чтобы он не задохнулся. Поэтому землесос надо поить водой. Только вода позволит ему переварить всю массу обломочного материала.

Ошибка молодых водолазов заключается в том, что им хочется заставить землесос заглатывать песок и камни в виде компактной массы, не давая ему пить. Поэтому в самом начале он несколько раз задышался, пока наши молодые товарищи не поняли, в чем секрет.

Все водолазы в восторге от свинцовых грузов, изготовленных по указанию Дюма. Они даже привешивают к поясу по два таких груза. Это означает 10 килограммов дополнительного веса.

Но когда Дюма поднимается наверх со своей бригадой после ее замены очередной группой, товарищи немного его поддразнивают:

— Господин Дюма, вы посоветовали нам утяжелиться. А почему вы сами этого не сделали?

— Я предпочитаю цепляться за землесос или за какой-нибудь выступ коралловой глыбы. Люблю сохранять в воде большую подвижность. Кроме того, так лучше следить за тем, что делается на рабочей площадке, чтобы в случае необходимости вовремя вмешаться.

Работа по конвейеру

Грунт здесь неоднороден. Некоторые камни и осколки кораллового известняка так велики, что не могут быть «проглочены» землесосом. Приходится их убирать. Для этой работы требуются два человека, а третий управляет «чудовищем». Красные перчатки хорошо видны даже в мутном иле, и я всей душой надеюсь, что мы избежим несчастного случая. Доктор Тасси проявляет большую бдительность и постоянно находится поблизости, готовый оказать помощь при первом же сигнале. По исполнении своих обязанностей бакенщика у светящихся буев доктор вместе со всеми дробит коралловые глыбы на палубе «Калипсо».

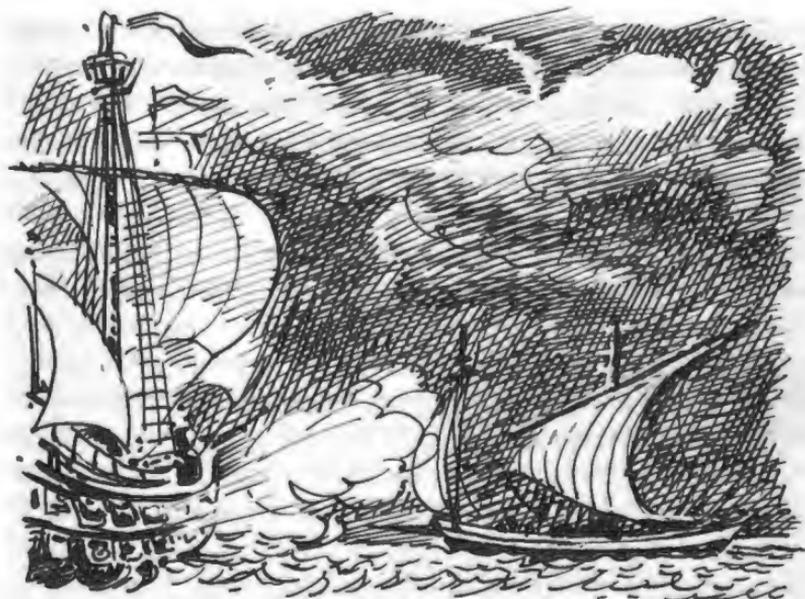
Сколько-нибудь значительные обломки ставят перед нами ряд проблем. Их надо убрать с рабочей площадки, однако пренебрегать ими не следует. В них могут быть замурованы какие-нибудь драгоценности. Водолазы собирают такие обломки вручную и складывают их в сеть. Когда сеть наполняется, они накачивают воздух в поплавки и поднимают ее содержимое на борт «Калипсо».

На дне рабочая площадка уже замутнена илом и коралловой пылью. Водолазам порой приходится временно прекращать раскопки, пока муть не рассеется. Наверху, на «Калипсо», картина тоже не из приятных. Задняя палуба уже завалена обломками разных размеров.

Одной бригаде удалось поднять на борт таинственные глыбы весом в несколько тонн. Кран «Калипсо» работает на предельной нагрузке. Мишель Делуар называет эти чудовищные стволы «коралловыми пушками». Мы набрасываемся на них с кайлами, и они слабо резонируют. Обнажается металл. Это действительно пушки.

Над нами несколько раз низко пролетает американский самолет. Пилот, вероятно, сообщает по радио о чудачках, которые обставили фарватер опознавательными знаками, чтобы бросить якорь в этом гиблом месте.

Сегодня впервые была проявлена слабость. Она вполне объяснима и свойственна человеку. Один из наших товарищей, Раймон Амаддио, сильно переутомился. У него бессонница, и он хочет вернуться во Францию, несмотря на такую приманку, как «сокровища». Приступ хандры. Правда, он относится к числу тех немногих, кто не верит в «золото с галионов». Пытаюсь его успокоить и уговариваю не принимать окончательного решения, пока он немного не отдохнет.

Глава шестая

ГАЛИОНЫ В ОПАСНОСТИ

«Альмиранте де Гондурас» пытается спастись бегством. — На бордаж. — Ножи против алебард. — Все взорвать. — Больше серебряных монет, чем золотых. — Убежище пиратов. — Интересный персонаж. — Тревога короля. — Флотилия, построенная в Америке. — Плавающая сокровищница. — Шторм. — Агония галиона «Нуэстра сеньора де ла консепсьон»

На борту все было готово к бою. Солдаты установили свои мушкеты в амбразурах центральной палубы и зажгли фитили. Канониры заняли места у пушек. Повсюду были расставлены ведра с песком, чтобы не скользить по крови, и ведра с водой для тушения пожара. Противобордажная сеть натянута у основания грот-мачты. Она предназначена для того, чтобы помешать нападающим проникнуть внутрь корабля, если им все же удастся взобраться на борт.

Под иллюзорной защитой сети насмерть перепуганная толпа, то метущаяся, то парализованная ужасом, стенает, кричит, молится: женщины, дети, колонисты, купцы — все испытывают одинаковый ужас. Два монаха и священник заставляют людей петь церковные гимны. В уголке капуцин принимает исповеди и щедро раздает отпущения грехов.

Вышедший из Картахены 600-тонный галион «Альмиранте де Гондурас», вооруженный 68 пушками, дал течь и стал отставать от других судов. Все эти корабли должны были составить флотилию Материка, чтобы зайти сначала на Кубу, а затем возвратиться в Испанию. Он остался в море один на произвол судьбы. Дул попутный бриз. Сезон, благоприятствующий навигации, еще не был на исходе...

Вдруг наблюдатель сообщает, что какое-то легкое судно идет по ветру. Оно быстро приближалось к галиону. И вскоре не осталось никаких сомнений: судя по его оснастке и узкому форштевню, то был пиратский корабль. Никакого флага он не нес. Черный флаг с черепом и скрещенными берцовыми костями появится на пиратских судах только к концу эпохи морского разбоя.

Офицеры снаряжались со всей горячностью, свойственной испанцам перед боем. Они были в облегающих штанах, с большой рапирой на боку и перевязью через плечо, свидетельствующей о их воинском ранге. Военный совет собрался в каюте адмирала, которая служила одновременно залом заседаний и находилась на корме.

Давид и Голиаф

Все эти волнения и тревоги казались смешными при столь разительном несоответствии между огромным галионом и легким суденышком, которое его преследовало.

Корсар был оснащен двумя очень высокими мачтами с треугольными парусами и двумя марселями. Он отличался низкой осадкой и скромными размерами: 30 метров в длину и шесть-семь в ширину. По сравнению с впечатляющим своей массивностью галионом корсар казался

морской игрушкой. Но тем не менее на палубе находилось довольно много народу: не менее ста человек. Что же касается пушек, то их не было видно.

Люди на борту галиона, которые прежде никогда не встречались с флибустьерами, начали даже успокаиваться. Они уверяли себя, что «Альмиранте де Гондурас» уничтожит смехотворного противника одним залпом своих пушек.

Корсар теперь висел на хвосте галиона, который, подняв все паруса, почти не продвигался вперед.

На этом галионе, построенном сравнительно недавно, было введено одно новшество. Рулевой, находившийся в сводчатой кабине, обращенной к бизани, мог теперь следить за парусами, тогда как раньше, под шельтердеком, он ничего не видел. Кроме того, он располагал «штурвалом», вернее, длинным рычагом, при помощи которого мог переключивать руль. На других галионах для поворота руля прибегали к полиспаду. Впрочем, угол поворота был по-прежнему недостаточен и корабль плохо слушался руля, вот почему изменение курса достигалось маневрами парусов¹.

Поворот другим бортом

На борту «Альмиранте де Гондурас» раздаются команды. Два кормовых паруса поставлены под тем же углом к ветру, что и маленький прямой парус под бушпритом. Медленно огромный корабль начал крениться на левый борт. Маневр был ясен. Галион готовился дать залп батарей по корсару. Но маневр, столь долгий и неуклюжий, казался смешным. Крошечный противник быстро его разгадал и сманеврировал таким образом, чтобы остаться за кормой своей жертвы. Здесь ему ничто не угрожало, кроме ядер двух кулеврин на квадратном транце под кормовой надстройкой. Это не представляло большой опас-

¹ Представление о судах XVII века дают два прославленных корабля: «Мэйфлауэр», построенный в 1620 году, и «Ваза» (1628 г.), снятый с мели на траверзе Стокгольма и восстановленный в 1960—1961 годах. (Примеч. авт.)

ности, ибо кулеврину, как и все пушки, находившиеся на борту, нельзя было нацелить. Галион должен был положением своего корпуса нацелить орудия на врага. Достаточно было судну приподняться на волне, чтобы все снаряды летели в небо или попадали на дно в нескольких метрах от корпуса. Пушки заряжали через жерла. Канониры бегали по внешним выступам палубы вдоль всего корабля, набивая жерла пушек порохом и закладывая в них ядра. Им одновременно грозила опасность быть смытыми волной или погибнуть от выстрелов из аркебуз. В ожесточении старший канонир дал залп тяжелыми чугунными ядрами, каждое весом до 10 фунтов, которые ушли на дно.

Теперь противники хорошо видели друг друга. С высокой кормы, которая больше чем на 12 метров возвышалась над водой, испанцы хорошо могли рассмотреть врагов. Битва была неизбежной. Корсар старательно держался в секторе, недоступном для пушек. Пираты собирались атаковать левый или правый борт кормовой части. Они вскарабкаются сюда как кошки, ибо все они — моряки. Испанские солдаты, выстроившись вдоль амбразур, не знали, что им предпринять, ибо с этой позиции они не могли никого сразить.

Ножи против алебард

Флибустьеры вооружились короткими палашами и ножами. Они располагали также пистолетами, но у этого оружия был один существенный недостаток. Пистолеты были слишком длинными и их приходилось подолгу перезаряжать во время битвы. Вот почему у каждого флибустьера было по нескольку пистолетов, иногда до восьми штук. Они держали их за поясом или на портуpee.

Корсар, маневрируя очень искусно и смело, подошел вплотную с правого борта к кормовой части галиона и бросил абордажные крюки. Пираты прыгнули на борт и, цепляясь, начали карабкаться по стенке. Они распределили между собой боевые задания. Одна группа атаковала офицеров, другая нейтрализовала солдат, третья, прорвав

противоабордажную сеть, устремилась внутрь корабля, к крюйт-камере. Классический маневр: добравшись до ко-стапельской, флибустьеры угрожали взорвать судно, если офицеры тотчас не сдадутся.

Под ужасающие вопли перепуганной толпы офицеры и солдаты пытались оказать сопротивление сорвавшимся с цепи дьяволам, которые лезли со всех сторон. Но палубы и коридоры были загромождены товарами. Обезумевшие от страха люди сталкивались лбами, пытаясь спасти свое имущество. В этом хаосе те, кто хотел сражаться, не имели возможности атаковать пиратов, тогда как враги расчищали себе дорогу ударами палашей. Солдаты, защищенные латами и шлемами, не могли в толчее пустить в ход алебарды. Ножи в руках нападающих оказались более действенным оружием. Правда, у испанцев были еще аркебузы с фитилями. Это оружие доказало свою эффективность еще в начале «конкисты». Оно оказывало на индейцев психологическое воздействие своим оглушающим шумом и огромными пулями. Аркебузы можно было перезаряжать, даже закладывая по несколько пуль одновременно. Если залп настигал врага, то последствия были ужасающими. Даже при легком ранении он сбивал человека с ног.

Неудобство аркебузы заключалось в том, что приходилось все время держать зажженный фитиль вблизи пороха, что было чревато опасными последствиями. При ветре или дожде этим оружием нельзя было пользоваться.

Более действенный и менее дорогой мушкет вытеснил аркебузу во всем Новом Свете. Мушкет — испанское изобретение, хотя его название итальянского происхождения. Но это оружие было таким тяжелым, что стрелять из него можно было, только водрузив его на вилообразную подставку или прислонив к амбразуре.

На борту «Альмиранте де Гондурас» ни аркебузы, ни редкие мушкеты, ни пушки не принесли никакой пользы. Корсары не позволили своим противникам воспользоваться всем этим оружием. Они действовали так же стремительно, как и индейцы, но их ничем нельзя было запугать.

Все взорвать!

Флибустьеры, видимо, быстро добрались до крюйт-камеры, и обычная угроза подействовала: адмирал и капитан согласились сдаться. Впрочем, у них уже не было другого выхода. Будучи настоящими моряками, нападавшие захватили все управление галионом: рулевую рубку и шкоты грот-мачты. Офицеры, храбро сражавшиеся со шпагами в руках, остались лежать на палубе, мертвые или раненые. Пассажиры, спасая жизнь, умоляли тех, кто еще сражался, прекратить сопротивление. Что касается военных, то лишь немногие умели крепко держаться на ногах на палубе корабля. Пираты же чувствовали себя на большом галионе как дома. Подавив последние островки сопротивления, связав капитана и офицеров, они проникли в камеру с сокровищами. Предварительно они открыли люк трюма и выбросили в море зажженный факел, которым размахивали, делая вид, будто собираются взорвать корабль. Десять человек охраны готовились оказать сопротивление, но с ними быстро разделались: флибустьеры кинулись на них сверху и передушили всех. Сундуки были выстроены в ряд вдоль перегородок. Их вскрыли топорами.

Флибустьеры с вожделием запустили руки в сундуки. Большая их часть была заполнена мешками с монетами. В других находился жемчуг, а также, поскольку галион заходил в Картахену, несколько добрых горстей изумрудов из Новой Гренады (современной Колумбии).

Когда возбуждение улеглось, авантюристы с некоторой горечью обнаружили, что в мешках содержится больше серебряных монет, чем золотых.

Монеты достоинством в восемь реалов

Историки, скорее по привычке, слишком много говорят о золоте, выкаченном испанцами из Нового Света. Севильская башня, которая использовалась в качестве сокровищницы, куда в конечном счете стекались все богатства, именовалась «Золотой башней». Она была по-

строена в 1220 году губернатором Севильи Сидом Абуэль-Ола и первоначально была обязана своим названием сверкающим мозаичным плиткам, украшавшим ее стены. Но фактически мексиканские и перуанские рудники поставляли главным образом серебро, и прославленная башня стала его гигантским складом.

Корсары полными пригоршнями пересыпали содержимое сундуков и любовались серебристым блеском монет в своих окровавленных руках: то были пресловутые восьмиреаловики.

Впрочем, пираты, завладевшие галионом «Альмиранте де Гондурас», были более разумными и менее кровожадными, чем казались. Разумеется, все женщины с неслыханно отталкивающей внешностью были изнасилованы, как только прекратилась битва. Но ни матросов, ни солдат поголовно не истребляли. Что же касается адмирала, капитана и важных сеньоров, то они были слишком ценной добычей. Хотя их и связали, но бережно охраняли в надежде получить большой выкуп.

Капитан пиратского судна был французом. Он крепко держал в руках своих людей и не допускал больше одной пьянки за счет запасов спиртных напитков галиона. Его экипаж был таким же смешанным, как и команда галиона. Среди пиратов находились голландцы, датчане, англичане и даже индейцы. Сам капитан был гугенотом, и большинство его товарищей были приверженцами реформаторской церкви. Испанские монахи и священники, очевидно, несколько пострадали от этой встречи.

Посоветовавшись со своими помощниками, французский капитан решил переправить свою добычу на остров Тортю, где он извлечет максимальную прибыль из захваченного груза. Посему он устроился на борту галиона, оставив при себе половину своих людей, проследил за разоружением солдат и после угрожающей речи, адресованной экипажу захваченного корабля, велел держать указанный им курс. Команда его корабля тем временем подняла паруса, чтобы следовать за галионом.

Убежище пиратов

Остров Тортю превратился к тому времени в самое надежное убежище флибустьеров, во всяком случае французских. Базой английских корсаров стала Ямайка.

Первой пиратской базой на Карибском море был остров Сент-Кристофер, который первоначально делили между собой французы и англичане. Остров тогда находился под патриархальной опекой некоего французского авантюриста Белена д'Эснамбюка. Так обстояло дело в 1623 году.

Испанцев наконец всерьез обеспокоило соседство пиратской базы неподалеку от традиционного морского пути, которым следовали галионы, возвращаясь на родину. Это случилось в те времена, когда Испания еще располагала внушительным флотом и энергичными людьми.

В 1630 году адмирал Фадрике де Толедо изгнал с Сент-Кристофера как английских, так и французских пиратов. Флотилия адмирала насчитывала 40 судов, в том числе 35 галионов. Этого оказалось достаточным, чтобы произвести впечатление даже на таких решительных людей, как корсары.

Все же 80 самых отчаянных флибустьеров, возглавляемых Беленом д'Эснамбюком, перебрались на Тортю, где и обосновались. Остров был наречен Христофором Колумбом Черепахой из-за своей конфигурации: округлый щит, из-под которого на запад выдавалась голова, а на восток — хвост.

Выбор острова в качестве убежища морских разбойников оказался весьма удачным. Это был зеленый лесистый остров с плодородными почвами и обильными источниками. Его склоны круто обрывались к морю, и причалить к берегу можно было только в одном месте, что весьма облегчало его защиту. С 1632 года его новые обитатели признали верховную власть французского короля.

Но главным преимуществом Тортю было географическое положение: остров отделялся от Эспаньолы (современного Гаити) только узким проливом шириной 10 километров.

Рифы Силвер-Банк расположены неподалеку, и на обратном пути на родину галионы, снесенные ветром или заблудившиеся по вине лоцманов, часто разбивались на коралловых скалах.

Испанцы попытались изгнать пиратов с Тортю, как в свое время с Сент-Кристофера. Они высадились здесь в 1638 году, но уже в следующем году испанский гарнизон был захвачен врасплох, и остров перешел в руки английских корсаров. Выжить их оттуда удалось одному французу.

Бывший товарищ д'Эснамбюка, гугенот и дворянин, некогда служивший во французском военном флоте, носил фамилию Ле Вассёр. Губернатор Сент-Кристофера Филипп де Лонгвилье де Пуанси выдал ему патент на захват острова и обещал назначить губернатором Тортю, если поручение будет выполнено. С 49 своими товарищами-протестантами Ле Вассёр овладел островом за несколько минут благодаря удачному осуществлению операции, подготавливаемой в течение трех месяцев на соседнем островке Марго.

Первой заботой Ле Вассёра, когда он стал губернатором Тортю, было обеспечить полную веротерпимость: протестанты и католики могли свободно исповедовать свою религию. Там были построены вооруженные пушками форты. Под защитой этих укреплений Ле Вассёр создал на острове богачейший в карибских странах рынок. Колонисты обрабатывали здешние земли, а флибустьеры могли пополнять на Тортю запасы продовольствия, пользоваться островом в качестве убежища и ремонтировать свои суда. Многие из них стали «корсарями», так как у них были письменные разрешения на ограбления вражеских торговых судов, выданные от имени Людовика XIV самим... Ле Вассёром. Они заходили на Тортю, чтобы сбыть добычу, кугили в местных тавернах и предавались азартным играм. Тафия, водка из тростникового сахара и побочных продуктов переработки сахарного тростника, лилась рекой. Остров быстро богател. Здесь продавали золотую и серебряную посуду. Все расчеты велись в песо

или в восьмиреаловиках. Вскоре население острова увеличилось до десяти тысяч человек, из которых три тысячи занимались морским разбоем.

Испания хотела уничтожить это новое прибежище пиратов. Но на сей раз она имела дело с человеком осторожным и предусмотрительным. Ле Вассёру удалось обратиться в бегство с большими потерями пять испанских кораблей и 600 солдат. Никогда еще испанская торговля с Новым Светом не терпела таких неудач. У его католического величества на торговых путях было теперь много врагов, и, что особенно важно, врагов хорошо организованных.

Англичане обосновались на Ямайке, и среди них слово «флибустьер» не имело хождения. Они называли себя «бакэнирами» — буканьерами — это первоначальное название авантюристов, которые охотились на буйволов, коптили их мясо на индейский манер, а затем продавали пиратам.

Для Испании постоянное пребывание пиратов в пунктах, которые находились на важнейших трассах ее коммуникаций, представляло смертельную опасность. Раз она

оказалась неспособной выкурить пиратов из их логовищ, ей надо было, по меньшей мере, сделать все возможное, чтобы обеспечить техническое превосходство своего флота. Но и здесь она потерпела поражение. В течение двух столетий ее галионы оставались практически теми же, какими были первоначально. Галионы, правда, становились все крупнее, несли на себе все больше пушек, но единственным, пожалуй, улучшением в их конструкции было некоторое уменьшение высоты задней и передней надстроек, что придавало судам большую остойчивость.

Кроме того, испанские суда подстерегали в Испанском море, которое уже не оправдывало этого названия, и другие враги: ураганы и коралловые рифы.

Конвои судов, необходимые для поддержания связей между Европой и Америкой, корабли, которые должны были обеспечить безопасность портов, островов, колониальных учреждений, становились игрушкой ветров и разбивались на подводных скалах губительных отмелей тропических морей. А неустрашимые на суше идалго ничего не смыслили в судоходстве и не умели даже плавать.

Захват «Альмиранте де Гондурас» был только одной из многочисленных авантюр такого рода.

В течение трех веков Испания грабила произведения искусства древних цивилизаций, переплавляла их в монеты и слитки. Она переправляла все это золото через Атлантику вместе с другими чудесными дарами тропических стран и даже Китая. На протяжении трех столетий другие европейские страны томилась возжелением к этим сокровищам. Вся история Европы, а не только Испании в этот период, связана с эксплуатацией Нового Света и развитием новых видов мореходства.

Возможно, историки недостаточно подчеркивали, что выигрыш столь крупной ставки, как новый материк, решался игрой на очень ограниченном пространстве, а именно на Испанском море, этом Средиземном море Америки, опоясанном двойной гирляндой островов. Карибское море, расположенное на пути в Америку, представляет как бы «переднюю» Американского континента.

Чтобы обеспечить себе господство над Новым Светом, Испания должна была издавна установить контроль над бассейном Карибского моря с помощью своего флота и надежных морских баз на островах.

Это ей удалось, но только на определенный срок. На протяжении всей истории морского флота Испании повторялись одни и те же ошибки, просчеты и злоупотребления. Галионы были постоянно перегружены, переполнены до орудийного люка нелегальными товарами, забиты пассажирами, которым было не место на королевских кораблях.

Имея дело с этим флотом, устаревшим, плохо укомплектованным и практически лишенным управления и дисциплины, пираты всякий раз проявляли себя как более способные и отважные моряки. Кроме того, они способствовали техническому прогрессу флота своей отчизны. Голландцы, в частности, чье мореходное призвание в ту пору крепло, набросились на острова Карибского моря. Даже слово «флибустьер» частично обязано им своим происхождением. Это полуанглийское, полуголландское слово («freebooter» по-английски и «vrijbuiters» по-голландски) означает «вольный охотник за добычей». Голландцы строили такие легкие в управлении корабли, что с 1603 года сэр Уолтер Ралей (Роли) жаловался, что 100-тонный английский корабль требовал экипажа в 30 человек, тогда как голландским судном такой же вместимости управляло всего 10 человек. Флибустьеры занимались одновременно контрабандной торговлей и морскими разбоями. Они снабжали предметами первой необходимости испанских колонистов, которые не получали с родины ни товаров, ни орудий производства.

Ежегодно от 60 до 80 голландских судов, то есть довольно изрядное количество, посещали Карибское море, груженные превосходными изделиями своих мануфактур: тканями, инструментами, строительными материалами. К себе они возвращались с колониальными товарами. Испания уже была не в состоянии противостоять контрабандной торговле купцов и пиратов.

«В эту эпоху некий французский дворянин Граммон, став корсаром, напал на траверзе Мартиники на голландскую флотилию, которая обычно перевозила такой ценный груз, что ее прозвали «амстердамским кошельком». Только пятая часть награбленной добычи принесла ему 80 тысяч ливров», — повествует одно из описаний морского разбоя.

Тревоги короля

Из-за недостаточной численности, хорошего оснащения флота испанцы должны были бы организовать отпор пиратам на месте, учредив командование морскими операциями в Карибском море.

Если бы командование было децентрализовано и управление Вест-Индией проводилось на более либеральных началах, можно было бы изыскать в самом Новом Свете средства борьбы с морским разбоем, тем более что колонисты в целом отличались большей инициативой, чем жители метрополии. Люди, боровшиеся на месте, обладали большим опытом и энергией, чем бюрократы, заседавшие в Севилье, или члены Совета по делам Индии. Испания же доверила все свои ресурсы горстке действовавших вдалеке авантюристов, множивших свои безрассудные подвиги, и флоту, командиры которого ничего не стоили по сравнению с рыцарями наживы, доверенными торговых домов, солдатами, которые с безумной отвагой завоевали новый континент.

Испанские короли, жертвы нелепой системы организации мореходства, управляемого с суши, всегда с тревогой ожидали прибытия галионов. Случалось, что корабли и вовсе не возвращались. Кораблекрушения, пираты, недостаток судов, неукомплектованность экипажей, нехватка капитанов — все это, вместе взятое, блокировало источник богатств. Однако в тот период, когда в Испанию устремлялась золотая река, европейские государства испытывали денежный голод. Карл V, Филипп II и Елизавета постоянно нуждались в деньгах и становились долж-

никами крупных купцов и банкиров. Наблюдался страшный контраст между безденежьем короля Испании, его двора, всей страны и изобилием ресурсов Нового Света, казавшихся неисчерпаемыми.

Пока король стонал, бюрократия изворачивалась, а знатные сеньоры и авантюристы обогащались, колонии развивались, как могли.

Если Испания не попыталась организовать экономику Нового Света, то произошло это потому, что высшие должностные лица, которые посылались в Вест-Индию, были знатными сеньорами. Они отправлялись туда, чтобы «позолотить свои гербы», то есть разбогатеть. Обычно это и было их главной заботой. Но не все они оказались недостойными своей миссии.

В 1640 году Диего Пачеко, герцог Эскалонский, был назначен Филиппом IV на пост вице-короля Мексики. Хорошо сознавая, какой опасностью чреваты малочисленность и неудовлетворительное состояние испанского морского флота, герцог Эскалонский решил построить на верфях Веракруса корабли, которых тогда так недоставало Испании.

В течение первой половины XVII века упадок испанского флота ускорился.

В 1570—1599 годах он насчитывал 110 кораблей; в 1600—1610 годах осталось не более 55, а в 1640—1650 годах Испания не могла выделить более 25 судов для связи с Новым Светом. В 1661 году, чтобы обеспечить пересечение Атлантики, пришлось прибегнуть к помощи голландского флота и адмирала Рюйтера.

Итак, благодаря герцогу Эскалонскому верфи Новой Испании менее чем за год смогли спустить на воду восемь кораблей и один фрегат. Самым крупным, мощным и впечатляющим был адмиральский корабль новой флотилии. Герцог Эскалонский дал ему имя «Нуэстра сеньора де ла консепсьон». Удалось даже украсить носовую надстройку корабля статуями и гирляндами, хотя эти украшения лишь утяжеляли судно, но без них, по понятиям того времени, корабль не мог производить величественно-

го, а следовательно, и устрашающего впечатления на врага. На уровне фальшборта проходил скульптурный фриз, но не хватило времени, чтобы его позолотить.

Из многочисленных свидетельств современников известно, что при различных испанских предприятиях в Новом Свете имелись верфи, где работали довольно хорошие специалисты и где корабли, потрепанные штормом, можно было отремонтировать. Америка была богата различными сортами древесины, а испанские плотники умели ею пользоваться.

Новая флотилия покинула Веракрус, вернее, его порт Сан-Хуан-де-Улуа, 23 июля 1641 года. Первая остановка намечалась на Кубе. Чтобы совершить трансатлантическое плавание, новые корабли должны были соединиться с флотилией Материка, которой командовали генерал-капитан Хуан де Кампос и адмирал Вильявисенсио. Они могли также рассчитывать на помощь кораблей, которые постоянно курсировали возле Антильских островов, а именно эскадры, носившей название «армада Барловенто».

В принципе герцог Эскалонский проявил хорошую инициативу. Но новый вице-король, к сожалению, не был моряком. Он не имел ни малейшего представления о том, сколько квалифицированных людей и времени потребуется, чтобы построить целую флотилию, и с какими испытаниями предстоит столкнуться. Богатая фантазия, неспособность предвидеть и недисциплинированность испанцев привели к крушению замысла вице-короля. Хотя новая флотилия и достигла Гаваны, здесь ей пришлось дожидаться других галионов. Празднества, устроенные губернатором Гаваны в честь флота, надолго задержали знатных сеньоров, участвующих в конвое. В то время Гавана больше чем когда бы то ни было соответствовала подлинно тропическому «раю». Она изобиловала прекрасными цветными рабынями и великолепными дворцами, в которых сосредоточивались невиданные сокровища. Отбив из Веракруса 23 июля, флотилия, которая насчитывала 31 корабль, подняла паруса в Гаване только 13 сентября 1641 года. Множество торговых судов присо-

единились к галионам. Благоприятное время года уже подходило к концу, и начинался сезон циклонов.

Суда, вышедшие из Гаваны в образцовом порядке, повернули на северо-восток, но уже во вторые сутки обнаружилось, что адмиральский корабль «Нуэстра сеньора де ла концепсьон» дал течь. Его трюмы угрожающе заполнялись водой, помпы не спасали положения. Пришлось повернуть назад. Вся флотилия вернулась в Гавану.

Работники верфей старались оправдать свою репутацию. Они рьяно принялись за ремонт, но корабли смогли снова поднять паруса только 28 сентября.

Поспешный ремонт

Как был выполнен ремонт? В то время еще не знали сухих доков. Если надо было отремонтировать или проконопатить корпус, то прибегали к кренгованию. Эта операция заключалась в том, что судно вытаскивали на берег и поочередно клали то на правый, то на левый борт, чтобы плотники могли приступить к делу. Но для этого надо было полностью разгрузить корабль, а главное, снять с него пушки. Вне всяких сомнений, «Нуэстра сеньора де ла концепсьон» была отремонтирована наскоро, примерно за 10 дней.

Наконец флотилия пустилась в обратный путь. Корабли продефилировали вдоль северного побережья Кубы до траверза Матансаса и повернули на север к Флоридскому проливу. На их пути лежала отмель Большой Багамской банки у острова Андрос с бесчисленными рифами. Флотилия находилась в самом опасном районе вод, окружающих Антильские острова. Она должна была проследовать по узкому проходу между островами Кис и банкой острова Ки-Сал. Море здесь было усеяно тем, что на Антилах называют «ки», то есть камнями.

Как раз тогда, когда флотилия была окружена подводными скалами и рифами, на нее налетел ураган. Опыт судовождения показал, что сентябрь — крайне неблагоприятный месяц для возвращения в Европу. Испанская флотилия получила еще одно подтверждение правиль-

ности этого наблюдения. Под напором стихии ее суда, мореходные качества которых были далеко не одинаковыми, не смогли удержаться в строю и были раскиданы в разные стороны.

Шторм

Три судна потерпели крушение в открытом море, другие были выброшены на скалы. Четыре корабля взяли курс на острова Флорида-Кис, где и разбились. На этих судах в живых не осталось ни единого человека. Плашкоут флотилии, легкое судно, служившее для связи между кораблями, сел на риф. Немногим морякам удалось спастись, цепляясь за скалы. По счастливой случайности их подобрал шедший из Кубы корабль. Некоторые пассажиры, в том числе один священник, пытались добраться до берега вплавь, но они стали жертвами акул.

Что касается адмиральского корабля «Нуэстра сеньора де ла концепсьон», одного из построенных герцогом Эскалонским, то его агония затянулась. Преследуемый ураганом, корабль потерял всю оснастку. Сотрясаемый огромными валами, он в течение нескольких недель беспомощно болтался среди рифов. Потерявший управление корабль блуждал по воле ветра вдоль Старого Багамского пролива, сносимый то на запад, то на восток.

На его борту творился неопиcуемый беспорядок. Форштевень и бушприт были сорваны. Волны постепенно смыли с правого борта «батель», или большую лодку, и «шалюп», или маленькую шлюпку, — с левого борта. Пассажиры укрылись в трюме, где царили грязь, темнота и отчаяние. Уже тогда галион был близок к гибели.

Экипаж выбросил в море часть пушек и ядер — все, что нельзя было продать на рынке. Но никто не додумался облегчить корабль от его тяжелого золотого и серебряного груза.

Шторм постепенно ослабевал, и экипажу удалось соорудить спасательную мачту из реи грота и натянуть на ней парус.

Но галион «Нуэстра сеньора де ла концепсьон» строился слишком поспешно, а ремонт, произведенный в Гаване, оказался неудовлетворительным. Швы на корпусе разошлись, и трюмы заполнились водой. Напрасно все без исключения — моряки, солдаты, пассажиры — качали помпы. Корабль был уже обречен на крушение, а ветер неотвратимо толкал его на самые губительные из коралловых рифов — банку, которую лоцманы прозвали Абреохосом.

Матрос, сидевший в бочке, прикрепленной к носу галиона за обшивкой с внешней стороны, то и дело выбирал и опускал лот-линь свинцового лота.

Промер глубины был единственной мерой охраны судов в ту эпоху навигации, когда карты были примитивными и зачастую граничили с фантазией. Лот, по крайней мере, позволял измерять глубины и указывал на близость берега или наличие подводных скал. Но его показания, к несчастью, часто запаздывали: в Карибском море коралловые рифы поднимаются почти отвесно из больших глубин.

Итак, 1 ноября в 9 часов вечера наблюдающий сообщил, что в поле зрения появились рифы. Грохот валов, разбивающихся о рифы, заглушал рев ветра. Казалось, настал конец. Немедленно были отданы все якоря: становые якоря, отсеченные ударом топора, два запасных становых якоря, весивших по 12 центнеров каждый, и, наконец, спасательный якорь, самый большой и тяжелый. Но риф уже скоблил корпус корабля. Чудом не налетев на это препятствие, галион снова оказался на свободной воде. Шторм немного затих.

Агония галиона

На рассвете 2 ноября морякам удалось спустить на воду оставшиеся лодки, и в течение дня они тащили корабль на буксире на некотором расстоянии от рифа. Вечером, когда выбившиеся из сил матросы поднялись на борт, снова были брошены якоря. В море в качестве яко-

рей сбрасывали даже несколько пушек из тех, что еще оставались на борту.

В полночь на галион с новой силой обрушился шквал. В 2 часа утра якорные цепи были разбиты. Потерявший управление корабль пошел прямо на рифы, и его нос коснулся первых коралловых скал. Ветер и волны толкали его все дальше и дальше. Это была затяжная агония. Весь последующий день судно погружалось в воду в самом центре рифа, получая все новые пробоины от заостренных подводных пиков, теряя людей, орудия, якоря. Переполненное водой, оно перевернулось и скатилось назад. Рухнув на коралловый склон, галион раскололся пополам. Корма коснулась дна, причем часть ее еще торчала на поверхности, в то время как нос исчез под водой, увлекая за собой камбуз с его кирпичной плитой и значительную часть продовольствия.

Но не все люди погибли. Многие еще боролись за жизнь среди разбивающихся о рифы валов. Им удалось вскарабкаться на заднюю надстройку.

Агония галиона «Нуэстра сеньора де ла концепсьон» и людей, находившихся на его борту, продолжалась несколько суток. Кормовая надстройка, состоявшая из двух ярусов — «тольды» и «тольдиллы», переместились под натиском шторма. Люди искали убежища на рифах. Но коралловые образования едва достигали поверхности, и каждый вал смывал спасавшихся от крушения и уносил в открытое море, где их уже поджидали акулы.

И все же самым мужественным удалось организовать спасение. Они собрали доски и бревна, всплывшие на поверхность, и соорудили плоты. Но эти сымпровизированные на скорую руку плоты разошлись и разбились под напором стихии. Потерпевшие крушение не пришли к согласию о направлении, которого следует придерживаться. Лоцманы, полагавшие, что они находятся вблизи Пуэрто-Рико, увлекли за собой всех, кто был с ними на одном плоту. Их больше так никто и не видел. Адмирал Вильявисенсио знал, что к моменту крушения корабль находился к северу от Эспаньолы, и все, кто последовал за ним, были спасены.

Около 30 человек остались на рифе в ожидании помощи. Но даже при отливе отмель не обнажалась. Люди ходили в воде, покрывавшей их ноги до половины икр. Они отодрали бревна и доски от обломков судна и соорудили из них нечто вроде островка, где и обосновались с котлами, скудными припасами и тем золотом и серебром, которые им удалось захватить из каюты капитана.

После нескольких недель напрасного ожидания, изнывая от жажды и солнечных ожогов, разъедаемые солью, эти пленники кораллов, так и не дождавшись спасителей, построили суденышко и двинулись на юг. Но в пути они потерпели новое крушение к северу от Эспаньолы. Спасся только один человек.

Из 525 человек, находившихся на борту галиона «Нуэстра сеньора де ла консепсьон», уцелело только 200 человек.

Такова история галиона, построенного в Новом Свете, на борту которого находились несметные богатства. Он так никогда и не увидел берегов Испании.

Реми де Хенен был убежден, что именно к обломкам этого корабля он привел «Калипсо».

Глава седьмая

КАТОРЖНЫЙ ТРУД

Двенадцатичасовой рабочий день. — Золотая медаль и золотой крест. — Печати для пломбирования. — Никакой артиллерии с левого борта. — Расчищена треть затонувшего судна. — Любитель кораллов. — Скоро кончится пресная вода. — Еще два якоря. — Подготовка к отплытию в Пуэрто-Рико

Среда, 31 июля. Это первый полный день «индустриального» труда на рабочей площадке. На этот раз все в полной готовности. Охота за сокровищами вступила в новую фазу. Мне выпала честь возвестить о начале работ ударом корабельного гонга.

Компрессор уже запущен. Водолазы в полном облачении погружаются в море. Три бригады трудятся посменно. Утром они поочередно заступают на вахту в 6 часов 30 минут, в 8 часов и в 9 часов 30 минут. С 11 до 13 часов работа прекращается. Потом бригады сменяются в 14 ча-

сов 30 минут, в 16 часов и в 17 часов 30 минут. В 19 часов рабочий день заканчивается.

Траншея продвигается. Она уже достигла пушек, лежащих поперек холма.

Я погружаюсь в воду два раза в день: утром и вечером. Делаю заметки. Наблюдаю. Смутно предчувствую какие-то неполадки. Раскопки можно было бы организовать лучше, но каким образом?

Устроившись в одиночестве на «Джемс энд Мэри», Реми де Хенен, не отводя глаз, сортирует и очищает обломки, поднимаемые корзинами на борт этого суденышка. Он почти не разгибается. После обеда созываю на конференцию в кают-компанию Дюма, Зуэна, Кайара и всех водолазов.

Сразу же иду в наступление:

— Нужно удвоить производительность труда!

Вношу рационализаторское предложение: вместо трех бригад, по три человека в каждой, у нас будет четыре бригады, по два человека. Благодаря этому землесос сможет работать 12 часов в сутки вместо девяти.

Другая проблема, как мне кажется, заключается в том, что рабочая площадка недостаточно быстро расчищается от больших коралловых глыб, мешающих работе водолазов. Обсудив несколько возможных вариантов, останавливаемся на следующем: следует переместить «Калипсо» так, чтобы ее корма располагалась точно над рабочей площадкой. Тогда большой кран сможет поднимать крупные обломки и полные корзины в течение всего дня.

Святой Франциск-Ксаверий

Четверг, 1 августа. Не прекращая работы на дне, начинающейся, как обычно, в 6 часов 30 минут утра, перебазируем «Калипсо» так, чтобы она не зависела от «Джемс энд Мэри» и стояла по отвесу над рабочей площадкой. Это позволит нам лучше использовать ее подъемный кран. По окончании этой операции «горбун» опрокидывает на заднюю палубу «Калипсо» содержимое

корзины с «Джемс энд Мэри», которая на три четверти заполнена обломками, выплюнутыми землесосом.

Мы тотчас же, вооружившись ситами, приступаем к сортировке этой обескураживающей груды обломков. Откладываем в сторону черепки глиняной посуды, не представляющие никакого интереса. Вдруг среди сероватого коралла сверкнули две золотые вещицы: медаль и крест. Маленькая медаль еще на оторвалась от золотой цепочки, продетой через колечко. На ней изображение какого-то бородатого святого и надпись: «S. Fran. Oga P. Nos.» («Святой Франциск, заступись за нас!»). Но какой Франциск имеется в виду? Франциск-Ксаверий, испанский иезуит, проповедовавший христианство в Японии и Китае? Он был канонизирован в 1622 году, что вполне согласуется с присутствием этой медали на борту галиона «Нуэстра сеньора де ла концепсьон», потерпевшего крушение в 1641 году. А может быть, это Франциск Ассизский, покровитель нищих? Какая горькая ирония и злое предзнаменование! Единственное золото, которое мы извлекли из обломков затонувшего судна, несет на себе изображение заступника нищих.

Нам приходится дробить вручную кувалдами бесформенные глыбы, которые затрудняют передвижение по палубе. Весь экипаж, включая кока, принимается за дело. Целая бригада добровольных каторжников неустанно дробит коралловый известняк в адском грохоте компрессора и молотков, чтобы узнать, что в нем скрывается. На двухколесной тележке и тачке отработанные обломки перевозятся на носовую часть судна и выбрасываются за борт подальше от рабочей площадке.

В конце дня кран забирает корзины с плота и опрокидывает их содержимое на заднюю палубу. При свете прожекторов мы часть ночи проводим за сортировкой. Фредерик Дюма, вооружившись лупой, придирчиво осматривает каждый самый маленький осколок.

Перед каждым из нас совок для мусора, в который складываются кораллы для сортировки, и мы благословляем Дюма, надоумившего нас купить столь полезную

вещь. Уже пропустили через сита что-нибудь около двух-трех тонн кораллов. Настроение у всех великолепное. Люди поют, шутят, смеются. Очевидно, появление этих золотых крошечных вещиц благотворно сказалось на настроении экипажа.

К 6 часам вечера на нас обрушивается сильный шквал с ливнем. Необходимо приостановить подводные работы. Экипаж с наслаждением принимает естественный теплый душ на борту, чтобы отмыть кожу, изъеденную солью и коралловой пылью.

Вечером после тяжелого труда инвентаризируем наши находки. Помимо золотой медали и креста мы извлекли 20 ядер весом по шесть и девять фунтов, несколько свинцовых ядер для кулеврины, свинцовые пули для пистолета и аркебузы, мешок с картечью, парусину, которая еще хорошо сохранилась, верхнюю часть фонаря, находившегося у флага, с обрывком тонкого каната, на котором он был подвешен.

На дне бригады водолазов заканчивают вскрытие блока из трех пушек в середине правого борта.

Джон Сох, немного растерянный, но весьма любезный, выразил мне свое восхищение духом экипажа, его изобретательностью и увлеченным трудом.

Что касается меня, то я этому нисколько не удивляюсь, хотя восторгаюсь объемом проделанной работы.

Пятница, 2 августа. При каждой смене бригад сети, наполненные коралловыми глыбами, опорожняются на задней палубе. В них обнаружены: сломанная латунная ложка, приставшая к ядру, бронзовый эфес от кинжала с рельефным изображением головы в шлеме и т. д.

Вечером после обеда под сильным шквалом и проливным дождем мы подтащили «Джемс энд Мэри» к «Калипсо» и опорожнили две большие корзины на задней палубе. Однако слишком поздно — переносим сортировку на завтра.

Проблема пресной воды становится критической. Именно нехватка воды вынудит нас вернуться в Сан-Хуан, несмотря на единодушное желание продолжать работу и высвободить наконец галион из коралловой гроб-

ницы. Приняты драконовские меры, чтобы обеспечить строжайшую экономию оставшихся запасов. Водолазы отказываются от душа, а дробильщики кораллов, кожа которых покрыта белым налетом, едва осмеливаются умыться. Вчера и сегодня нам крупно повезло: нас хорошо обмыл тропический ливень. Но продержимся ли мы до вторника?

Однако эти чередующиеся сильные шквалы вселяют беспокойство. Если наступит плохая погода, а ее сезон близок, нам опасно оставаться среди коралловых скал.

Филипп Сиро вручает мне второй, прекрасно выполненный в кальке план галиона в масштабе топографической съемки: 2 сантиметра — 1 метр.

Суббота, 3 августа. Сегодня утром, роясь в извергнутых землесосом обломках на задней палубе, мы обнаруживаем маленькую печать для пломбирования, которой пользовались, вероятно, при упаковке мешков. На ее лицевой стороне видна надпись: «RO 100». Можно ли это расшифровать как «100 золотых монет»? Если это действительно так, то мы найдем эти монеты в нижних пластах раскопок.

Водолазы сегодня утром извлекли со дна обломки стула, большое разбитое оловянное блюдо и толстый глиняный кувшин, стоявший на дне, целехонький, но пустой. Диди утверждает, что блюдо не оловянное, а серебряное, поскольку серебро разрушается гораздо быстрее олова. Моральное состояние людей меняется в зависимости от находок за день. На этот раз наша подводная добыча их приободрила.

Самым лучшим из того, что мы подняли сегодня со дна, было металлическое блюдо. Зачастую на этих галионах, набитых сокровищами, пользовались серебряными столовыми приборами. Мы все ждали, что кислота заставит заблестеть потускневший металл, но это оказалось олово. Водолазы обнаружили еще несколько блюд, а затем вдруг кости. После минутного колебания доктор Тасси заявил, что это кости животных. Итак, мы попали в тот уголок, где находились продовольственные запасы, а они всегда хранятся в носовой части судна.

Теперь мы уже «обрабатываем» от четырех до пяти тонн кораллов за день. Я никогда не наблюдал такого рвения к работе. Весь экипаж приблизился к ней. Если мы не хотим быть погребенными на борту под обломками, надо работать одинаково быстрыми темпами как на дневной поверхности, то есть на задней палубе, так и на дне моря. Но обрабатывать камни под жгучим солнцем, орудуя кайлами, — задача еще более тяжелая, чем возиться с ними на дне.

Наши кинооператоры, электротехник, главный механик и даже кок, как только у них выдается свободная минутка, устремляются на заднюю палубу атаковать глыбы весом в одну-две тонны.

Тем временем землесос выплевывает ил, засасываемый им со дна в две огромные металлические корзины, установленные на «Джемс энд Мэри». Этот плот, ставший для нас фетишем благодаря своему названию, является одновременно нашим бесценным помощником. Мутный поток, изрыгаемый землесосом, заставляет порой сильно волноваться тех, кто приставлен к этой адской машине. Волнуется и Фредерик Дюма, которому приходится часто склоняться над выбрасываемой ею блестящей желтоватой струей. Часто какой-нибудь предмет искрой мелькнет в этой жиже и тут же исчезнет под лавиной разбитых кораллов, гнилого дерева и песка. Если кусочек металла дает желтоватый отблеск, он кажется золотым, если белый — серебряным. По этому поводу разгораются споры. Водолазы быстро останавливают землесос и роются в ситах, по локти запустив руки в ил.

Большей частью предмет, застрявший в этой магме, оказывается куском железа или меди. Эти металлы, проходя через каменный поток, очищаются и полируются до блеска и сияют, как золото или серебро.

Пополудни Эжен Лагорио, прозванный Жеженом, устанавливает на дне подводную кинокамеру на треноге. Объектив направлен на рабочую площадку. Просмотр организуется позднее в кают-компании: кадры получились отличные! Теперь я могу непрерывно следить за ходом раскопок.

На рабочей площадке идет беспощадная борьба с непроходимым лесом «оленьих рогов». Мертвые и разбитые, они валяются в иле, переплетаясь друг с другом. Землесос фыркает, заглатывая миллионы этих шершавых палочек, и в конце концов закупоривается. Приходится его прочищать самым простым способом: последовательно включать и выключать подачу воздуха, или «таранить», как выражаются водопроводчики. Если этот способ не дает результатов, надо отсоединить 17-метровый шланг от нижней части колена и прочистить его.

Во второй половине того же дня Гастон откапывает вручную еще одну печать для пломбирования в средней части стенки траншеи со стороны холма, обращенной к оси судна. На одной стороне печати табличка со сложной и неразборчивой надписью, на другой — герб с тремя лилиями, увенчанный короной. Из окружающей герб надписи удалось разобрать несколько букв: QUO FERA...

Мы уже извлекли из ила много ядер. Когда разбили покрывавшую их коралловую оболочку, нам показалось, что они не тронуты временем, однако через несколько дней ядра рассыпались в прах.

Несмотря на чудовищную дневную нагрузку, вечера по-прежнему посвящаются воскрешению исторических событий, чтению или изучению документов, которые могут помочь нам в археологических поисках.

В этот вечер в кают-компании разгорелись жаркие споры по поводу печатей для пломбирования. Весьма возможно, что они использовались при опечатывании мешков с золотом. Все больше напрашивается интерпретация надписи «RO 100» как «Reale d'oro ciento» («100 золотых реалов»).

Аркебуза и печать для пломбирования

Воскресенье, 4 августа. Несколько шквалов с дождем при все усиливающемся ветре с юга и юго-востока. Нельзя забывать, что мы находимся в центре коралловой отмели, поглотившей бесчисленные жертвы. Погружаюсь в воду

с Реми де Хененом и первой бригадой, то есть с Бернаром и Гастоном. Тщательно обследую траншею, вырытую у подножия холма. Она начинается у двух пушек, расположенных параллельно правому борту судна, проходит вдоль холма на протяжении пяти-шести метров, а затем отклоняется от него по касательной, чтобы прорезать насыпь, покрытую «оленьими рогами», которую я отразил на плане. Здесь бригады натолкнулись на труднопреодолимое препятствие.

Не везде глубина траншеи точно соответствует одному метру. Она отчетливо просматривается в первой половине. Над ней возвышается склон кораллового холма с разбитой пушкой и кулевриной. Мы обнаруживаем две очень важные вехи на северо-восточной стенке траншеи: железный брус, а чуть дальше бревно. Они торчат под прямым углом к траншее и крепко засели в кораллах. Это подтверждает гипотезу, согласно которой сам корабль образует этот холм. Гипотеза довольно смелая, но, возможно, не слишком нелепая в этом мире, где кораллы растут повсюду с такой быстротой!

Диди отмечает, что северо-восточная стенка траншеи сложена белым коралловым известняком, в который вклинивается археологическая прослойка останков корабля примерно на глубине 30 сантиметров от поверхности грунта. Толщина этого слоя едва достигает 20 сантиметров. Именно здесь мы и находим дерево, черепки глиняной посуды, осколки стекла. Ниже этого слоя — снова белый коралловый известняк. Все это очень трудно объяснить. Неужели весь корабль был так сплюснен за прошедшие века, что толщина его археологической прослойки не превышает 20 сантиметров? К полудню траншея прорезала насыпь, но очень узкой полоской. Никаких артиллерийских орудий и ядер с левого борта судна не обнаружено, но зато много черепков и, наконец, длинные железные гвозди, возможно от обшивки. Несомненно, это конец левого борта галиона. Но где же все-таки пушки?

Водолазам все больше не терпится точно опознать корабль. Некоторые из них, проявлявшие вначале наибольший энтузиазм, постепенно потеряли веру в сокровища.

Другие, кто первоначально относился к затее скептически, как, например, Бернар Делемонт, теперь, напротив, пришли к убеждению, что, затратив столько усилий, мы непременно найдем золото.

Я спрашиваю у Бернара:

— Ну а если мы действительно отыщем золото, как вы распорядитесь своей долей?

— Думаю, что куплю землю. Очень много земли с лесом, холмами, лугами, речкой и, может быть, старинным домом на берегу.

...Вот она — мечта водолаза и моряка!

Неожиданно одно открытие, сделанное на второй рабочей площадке, как бы подтвердило обоснованность надежд Делемонта. Осторожно манипулируя землесосом, Серж Фулон откопал несколько мелких вещиц, казавшихся очень хрупкими. Риан собирает их, засовывает несколько штук в перчатку, а остальные со всей предосторожностью поднимает на поверхность и приносит на «Калипсо». Опять печати для пломбирования!

Вот что поможет нам разрешить сомнения относительно характера груза и разгадать национальную принадлежность корабля, а возможно, и собственника груза. Были ли то испанский король и какой именно? Можно себе представить, с каким любопытством изучаю я находку Сержа Фулона. Передо мной четыре печати. Опускаю их в укус, тщательно очищаю щеточкой и вижу, как появляется девиз, который мне не удалось разобрать на первой печати: «Florebo quo ferag» («Буду процветать, куда бы ни пошел»). Отчетливо различаю три лилии. Фредерик Дюма разделяет мое мнение: еще рано делать точные выводы. Испанцы, подобно французам, прибежали к лилиям в своей геральдике. Но если речь идет о корабле, то он, вероятно, построен после царствования Филиппа V, внука Людовика XIV, первого представителя Бурбонской династии на испанском троне.

Латинский язык был в ту пору международным, и поэтому его употребление не дает еще никаких указаний о национальной принадлежности корабля. Что касается

девиза, то он отражает представления всех тех, кто принимал участие в эксплуатации Нового Света, и даже всех авантюристов того времени.

Оставляю размышления при себе. Работа продолжается. Но по новой волне энтузиазма догадываюсь, что вера частично вернулась к сомневающимся.

Продолжаю опрос экипажа, чтобы узнать, на что тот или иной человек собирается истратить свои деньги. Обнаруживаю еще несколько человек, тоскующих по земле.

Жан-Клер Риан — один из наших новичков и великолепный водолаз. Задаю ему вопрос:

— Как вы думаете, есть здесь золото?

— Как вам сказать? Я в него и верю и не верю. Если мы его действительно найдем, это будет первой удачей в моей жизни. Но, если говорить всерьез, мне не слишком в это верится.

— Но если мы его все же найдем, что вы будете делать с этим золотом?

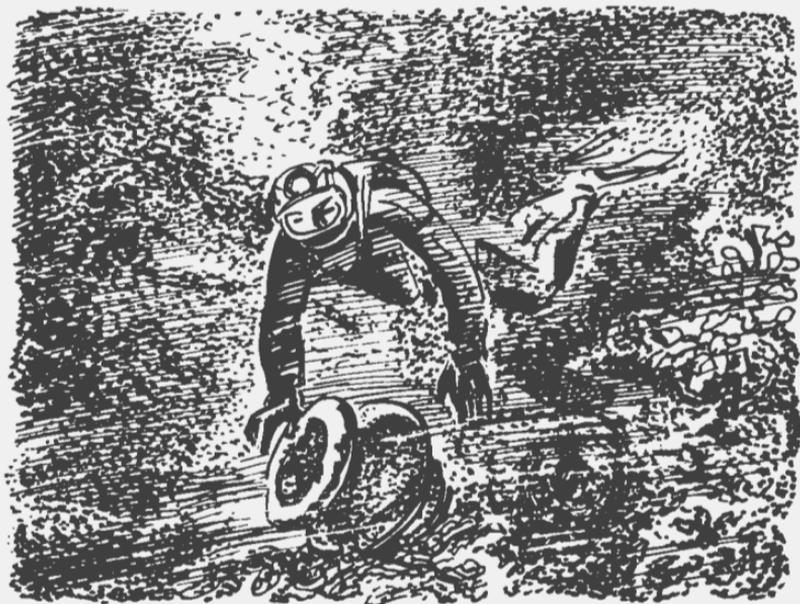
— Прежде всего я куплю дом в сельской местности, скорее всего на юге, так как люблю южный климат. Дом должен находиться на берегу реки или в горах. Это будет моим первым капиталовложением.

— А если мы ничего не найдем, это вас огорчит?

— Нисколько!

Есть, впрочем, один человек, которого наши раскопки не обескураживают. Это Серж Фулон. Что он сделает со своей долей добычи? Купит судно и станет искать новые сокровища среди рифов Силвер-Банк. наших поисков ему мало!

Нам еще предстоит вскрыть целые горы «оленьих рогов», а эту пищу землесос не переваривает. А что, если нам соорудить новый землесос типа «печная труба» и большего размера, например 20 сантиметров, длиной три с половиной метра? Сможет ли он лучше заглатывать «оленьи рога» с периферийных насыпей? Не успели мы изобрести этот новый снаряд, как он уже был установлен на рабочей площадке. Главный механик Робино и Вилли Кирш скатывают металлические листы, запаивают их — и через несколь-

ко часов сымпровизированное устройство готово. Бернар и Гастон немедленно приступают к испытанию. Оказывается, что новый землесос всасывает очень сильно, но конструкция его еще недостаточно отработана: балансировка, рукоятки, крепление требуют усовершенствований.

Кайар и Мариус, от которых, несомненно, исходят самые полезные предложения, прикрепляют канат к кольцу переднего якоря галиона и подтаскивают его до кулеврины, которая лежит на верхушке холма: угол наклона 13° . Из траншеи извлекают еще один круглый, неразбившийся глиняный сосуд. Он содержит виноградные косточки. Еще одна загадка. Таких кувшинов, видимо, было много на борту галиона. Мы нашли несколько целых сосудов и множество черепков. Они походят на те сосуды, которые изготавливают сегодня кустари во всей Центральной Америке. В них, видимо, хранилось продовольствие: заготовленные впрок рыба и соленья. Кувшины, кажется, не европейского производства.

Итак, наш галион, вероятно, пополнял свои запасы в каком-нибудь промежуточном порту Карибского моря.

Треть затонувшего судна высвобождена

Оконтуренная мною на дне моря рабочая площадка теперь почти пуста. Под форштевнем «Калипсо» возвышается груда обломков, доходящая почти до поверхности воды. Это все, что осталось от кораллов, раздробленных кувалдами.

«Калипсо» вся в грязи. Коридоры и задняя палуба завалены старым ржавым железом и кусками кораллов, которые, подсыхая на солнце, издают неприятный запах. Чтобы избежать еще одного захода в Пуэрто-Рико для пополнения припасов, мы вынуждены экономить воду. Водолазы больше не смывают соли, разъедающей их кожу.

Они охотно смирились с этим неудобством и терпимо относятся к адскому грохоту компрессора. Пробыв два часа на дне, ныряльщики продолжают работу дробильщиков на борту «Калипсо». Тем не менее их энтузиазм, кажется, чуть-чуть поубавился.

Я подолгу совещаюсь с Дюма и де Хененом. Втроем приходим к единодушному выводу: пока мы нашли и откопали только незначительную часть затонувшего судна, возможно треть. Весьма вероятно, что это носовая часть. Ведь именно здесь размещался камбуз на старинных кораблях, а мы откопали обломки кухонной плиты и глиняные сосуды с заготовленными впрок припасами.

Но где же остальная часть судна? На дне моря недалеко от того места, где мы работаем, возвышается еще один коралловый холмик. Не наш ли это галион? Даю распоряжение вскрыть его. Это удастся не без труда. Бур достигает дна, но ничего обнаружить не удалось. Остатки затонувшего судна исчезли. Корабль, вероятно, разбился во время разыгравшейся трагедии.

Вечером во время обеда в кают-компании и после него, когда всем хочется отдохнуть, иногда воцаряется долгое тягостное молчание, и мы в сотый раз перелистываем исторические труды, имеющиеся на борту. Нам ничего не остается, как предаваться отдыху после напряженного дня работы, от которой гудят руки и ноги.

Теперь у всех нас физиономии настоящих пиратов. Все по той же причине, то есть из-за экономии воды, никто не бреется. Бороды и волосы беспорядочно отросли. Почти все люди на «Калипсо» стали косматыми, на многих страшно смотреть. Все, кто дробил кораллы на задней палубе, продубились и почернели на солнце. Кораллы оставили на них свои метки: широкие мучнисто-белые полосы на торсах и руках перекрыли загар и ожоги. Ребята стали черно-белыми, как рыбы коралловых рифов.

Любитель кораллов

На борту все по-прежнему полны веры в опыт Дюма, а также в собственные силы и технику, которой мы располагаем.

Эта вера особенно ощущается у водолазов. А между тем большинство из них погружаются в воду не менее двух раз в день, а остальное время дробят кораллы на задней палубе.

Один из наших лучших товарищей, принимавший участие в экспедиции на Красном море и в Индийском океане, специалист по «ныряющим блюдам», которого все на борту зовут просто Гастоном, не скрывает своего восхищения разнообразием наших технических средств.

— Впервые, — говорит он, — нам приходится заниматься вскрытием кораллов. Разумеется, землесос, каким бы мощным он ни был, не всегда справляется с этим делом. Возможно, нам больше подошел бы бур, но можно ли было бы им воспользоваться на дне моря? Мы и так располагаем грозной техникой. Не может быть, чтобы наши поиски в конце концов не увенчались успехом! Я хорошо знаю, что каждый из нас в глубине души надеется, даже если и опровергает это. Надежда помогает жить, несмотря на все трудности. Да и время проходит незаметно.

Затем Гастон погружается в раздумье, так как он человек серьезный и искренний.

— Откровенно говоря, я уже не знаю, что и думать о затонувшем судне. Погибло ли оно действительно тог-

да, когда везло золото, ограблено пиратами или покинуто экипажем? Но ведь хорошо известно, что на всех судах того времени были золото и серебро. Да и руки и карманы авантюристов обычно не пустовали. В конечном счете мы найдем сокровища, погребенные под коралловой толщей.

То, что случилось с Гастоном, весьма любопытно и вызывает к нему симпатию. Инженер-электрик по специальности, он стал страстным поклонником кораллов. В его обязанности на борту входит поддерживать в порядке «ныряющие блюда», эти миниатюрные подводные лодки, которые мы прозвали «морскими блошками».

Он занимается этим делом весьма старательно, но одновременно превратился в водолаза-биолога по собственному призванию или... заразившись от других. На Красном море и в Индийском океане, когда мы стояли на якоре по соседству с атоллом или коралловой отмелью, Гастон, закончив работу вечером или даже ночью, отправлялся со своим другом Марселеном в поисках новых открытий. Поздно ночью в темноте мы видели огоньки их герметизированных фонариков, плясавшие на воде. Мне пришлось сделать вид, что я очень рассердился, чтобы прекратить эти ночные вылазки.

Два одиноких пловца могли подвергнуться ночью нападению акул, чьи органы чувств в воде значительно острее, чем у человека.

Между тем именно Гастон во время одной из своих тайных экспедиций «просвещенного любителя», как мы тогда называли его в шутку, обнаружил у Мальдивских островов настоящий подводный оазис. Все его товарищи на «Калипсо» предложили назвать этот риф «островком Гастона».

Во время нашей стоянки у рифа Силвер-Банк Гастон был просто зачарован скоплением такой массы известняка, этой продукции кораллов, которую мы тоннами извлекаем изо дня в день, не осмеливаясь даже и мечтать о том, чтобы когда-нибудь истощить его запасы.

Это настоящее месторождение кораллов, подводный карьер! Но мы имеем здесь дело не с грубой материей,

а с останками живых организмов наподобие костей человека.

Мне хорошо известно, что Гастон, как и Раймон Коль, относится, скорее, к числу молчаливиков и не делится ни с кем своими мечтами. Но к его мечтам примешивается капля горечи, крупица уважения к мертвым коралловым полипам, которые творили чудеса при жизни. Ведь это их скелеты мы теперь дробим с такой яростью, что наши руки изодраны в кровь, а поясница не разгибается от усталости.

Здесь уместно напомнить, что Уильям Фиппс, который прибыл сюда, чтобы обшарить затонувшее судно, нашел его уже погребенным под толщей известняка, страшно мешавшей водолазам во время их поисков. Не будем же удивляться тому, что через триста лет эта толща стала более мощной.

Архимед напоминает о себе

Тяжелая работа, которую удается выполнить на дне моря, оказалась бы нам не по силам на поверхности.

Мы даем наглядную иллюстрацию к закону Архимеда. Большие коралловые глыбы, которые нам удается стропить на рабочей площадке и перетаскивать по воде с помощью лебедки «Калипсо», попадая на дневную поверхность, становятся нетранспортабельными. Их вес удваивается и значительно превосходит грузоподъемность единственного крана, которым мы располагаем. Чтобы убрать эти глыбы, их приходится перемещать в воде.

Что касается Фредерика Дюма, то он перестал удивляться обстановке, создавшейся на борту. У нас действительно молодежный экипаж. Альберта Фалько, прозванного Бебером, нет среди нас, нет и Каноз Кьензи. Эти два столпа «Калипсо» — самые опытные и надежные участники всех наших прежних экспедиций. Но все водолазы, с которыми Дюма не был раньше знаком, оказались достойными наших ветеранов.

— Я никогда не видел, чтобы экипаж «Калипсо» работал с таким воодушевлением. Что поддерживает этих парней в их чудовищных ежедневных усилиях? Золотые чары, несомненно, но и пари, которое они заключили, — одержать верх над кораллами.

Понедельник, 5 августа. Сегодня последний день работы на нашей площадке, последний до отбытия в Сан-Хуан для пополнения запасов продовольствия, пресной воды и инструментов. В 6 часов 30 минут, как обычно, погружаюсь в воду для ежедневной инспекции рабочей площадки. Траншея, прорытая поперек залегания затонувшего судна, теперь вырисовывается отчетливо, но никаких признаков артиллерии с левого борта не обнаружено! Ориентация досок, которые теперь хорошо видны, подтверждает мою гипотезу, но и они еще не полностью откопаны. Вид трех воронок, оставшихся после взрывов, произведенных нашими предшественниками, из которых две соединены теперь длинным, глубоким и извилистым «коридором», навязчиво напоминает поле битвы. Мне вспомнилась картина «Под Верденом» из учебника истории.

Открыта передняя часть правого борта

На сегодня принимается следующая программа работ. Раймон Коль и Ж.-П. Дюран перед кинокамерой торжественно поднимут толстые разъединившиеся доски из «кратера бочонка с гвоздями», но предварительно поместят их, как обыкновенных акул, и затем с помощью землесосов начнут бурить вертикальную скважину, ведущую к корпусу и килю корабля. Кино- и фотосъемки отнимают много времени. Раймон поднимается крайне разочарованный, так как он не обнаружил под досками ничего, кроме песка и рыхлых пород, напоминающих обломки кораллов или песчаниковые агломераты. Дюма сменяет Раймона, чтобы на месте изменить программу работ. Он начинает расчищать от 30-сантиметрового слоя гальки «палубу» галиона по направлению к носу. Удастся

вскрыть таким образом несколько квадратных метров толстых, параллельно расположенных досок обшивки. Аналогичное задание получает сменяющая Дюма бригада. К вечеру открыта значительная часть носовой части по правому борту. Неподалеку от предполагаемого гнезда фок-мачты мы нашли на палубе очень толстое чугунное кольцо и огромный крюк, прикрепленный к железной оковке талей¹, точно на том месте, где они должны находиться. А рядом с ними — деревянный полиспаг в полной сохранности. В гравии на палубе найдено необычно большое количество красивых разбитых бутылок. Они либо были взяты на борт в качестве палубного груза, либо перенесены на палубу и распиты после крушения оставшимися на рифе людьми.

На этот раз мы с Дюма приходим к убеждению, что корабль сохранился гораздо лучше, чем это предполагалось. Если на глубине одного метра под палубой Раймон не обнаружил ничего, кроме известняка, то объясняется это тем, что галион находится еще ниже. Нам с Дюма хорошо известно, что происходит с деревянным судном, затонувшим в Средиземном море, но мы знаем далеко не все о роли кораллов, которые, возможно, не столько разрушают дерево, сколько предохраняют его от гниения.

Реми де Хенен не устает повторять, что мы стоим над галионом больших размеров, но обнаружили только незначительную его часть.

Дюма полагает, что размеры якорей, вес пушек и величина некоторых чугунных деталей достаточно убедительно свидетельствуют о том, что мы имеем дело с крупным кораблем. Но является ли это судно действительно галионом и к какой эпохе его можно отнести?

Перед самым обедом приказываю повесить в кают-компании мою чертежную доску с калькированным планом галиона, увязанным с теми предметами, которые мы уже нашли, — якорями и пушками. Затем обращаюсь к экипажу с речью, разъясняя, почему мы не должны терять надежды на успех.

¹ Т а л и — приспособления для подъема тяжестей.

Потом мы поднимаемся наверх и опрокидываем на заднюю палубу огромную груду обломков, проглоченных землесосом и выброшенных им в корзины «Джемс энд Мэри». Эта масса, выданная за один день, служит наглядной иллюстрацией повышения производительности труда.

Утром я известил по телефону нашего агента в Пуэрто-Рико о часе прибытия «Калипсо», которое состоится в среду. Он сообщил, что мой сын Жан-Мишель уже находится в Сан-Хуане.

В куче обломков, которые пришлось сортировать при искусственном освещении после обеда, не обнаруживаем ничего, кроме почерневшей ореховой скорлупы!

Вторник, 6 августа. За работу принимаемся в 6 часов утра, чтобы подготовиться к отплытию. Я ныряю в прозрачную воду для обычной утренней проверки рабочей площадки. Дюма и де Хенен тоже погружаются в море. После того как мы высвободили доски, общая картина значительно прояснилась. Ось затонувшего судна проходит, видимо, около сломанной пушки на холме. До того как мы поднялись на поверхность, Дюма при обследовании задней стенки траншеи, проходящей вдоль правого борта галиона, обнаружил еще одну пушку. Она расположена почти параллельно двум предыдущим, но направлена в противоположную сторону. Однако главное заключается в том, что эта пушка заключена в коралловый известняк и погребена под ним. Вот блестящее подтверждение гипотезы о том, что холм является островом галиона. Если это так, то могут оправдаться все надежды!

Мы захватываем с собой обломки снастей и отмечаем местонахождение двух новых якорей. Они довольно крупные, но очень узкие.

Фредерику Дюма удалось раскопать в Средиземном море обломки затонувшего судна, относящегося к XVI веку. Во время завтрака он объясняет нам, что у якорей XVI века были огромные кольца. У тех якорей, что обнаружены нами, кольца внушительных размеров. Но, чтобы удостовериться, что мы имеем дело с галионом «Нуэстра сеньора де ла консепсьон», нам достаточно датировать

якоря XVII веком. Впрочем, у наших якорей очень широкие лапы, что можно считать хорошим предзнаменованием.

Мы нашли также эфес от шпаги и пистолет, вернее, их красноватые оттиски на раздробленных нами кораллах. Эти тени тоже трудно опознать и отнести к определенной эпохе. Итак, тайна остается неразгаданной!

Нам теперь совершенно ясно, что здесь находятся две палубы на очень небольшом расстоянии одна от другой. Верхняя часть корпуса, видимо, расплющена, тогда как низ обволокли кораллы, превратив его в опору.

Мы поднимаем на борт землесос вместе с поплавокми, но оставляем на дне две большие металлические корзины, после чего затопляем наш плот «Джемс энд Мэри» перед объективами подводных кинокамер. По возвращении мы снова поднимем плот на поверхность. При затоплении «Джемс энд Мэри» Реми де Хенен остается в воде по самое горло, наблюдая за балластированием. Он не замечает, что барракуда Жюль, которая с самого начала пристально следила за нами, как когда-то ее сородич в Шаб-Руми, все время вертится вокруг его ног, поглядывая на них с явным вожделением. Мишель Делуар снимает эту комическую сценку.

Компрессор уже погружен в трюм. Наше судно тщательно отмыто. Вечером вся команда примет душ.

Заснуть не удастся — тому виной беспокойное море. Волны набегают с левого борта на нос «Калипсо», причем по мере продвижения на запад волнение усиливается.

Глава восьмая

БОГАТЕЙШЕЕ СОКРОВИЩЕ МИРА

Уильям Фипс. — Человек, переживший кораблекрушение. — Английский король финансирует авантюру. — Секретная миссия. — Тысячи золотых монет. — Преследование французского корсара. — Дележ добычи. — 34 тонны драгоценного металла. — Почести. — Тюрьма

28 ноября 1686 года красивый 200-тонный фрегат бросил якорь посреди бухты Самана на испанском острове Эспаньола. Подобно всем судам того времени, как военным, так и торговым, фрегат был вооружен мощной артиллерией. В его оружейных люках можно было насчитать 22 пушки.

Однако у этого корабля были самые миролюбивые намерения. Дело в том, что в 1648 году Англия и Испания заключили Вестфальский договор, положивший конец Столетней войне. Позднее, 18 июля 1671 года, было заключено новое соглашение о мире. Правда, одного и

даже двух договоров было явно недостаточно, чтобы обеспечить мир в странах Карибского моря. Буканьеры, флибустьеры и пираты по-прежнему орудовали там как в своей вотчине.

С фрегата была спущена шлюпка, и капитан поднялся на свайную пристань, где его ожидала толпа, среди которой он быстро разыскал своих друзей. Уильям Фиппс, так звали капитана, был родом из Бостона и хорошо известен на островах Карибского моря, где с молодых лет вел оживленные торговые операции.

Фиппса уважали за честность и скрытность. Он никогда не занимался морским разбоем и снабжал жителей карибских стран самыми разнообразными товарами. Роль поставщика была в тот период отнюдь не из легких и требовала от своего исполнителя не только недюжинных дипломатических и коммерческих способностей, но и незаурядного искусства управления судном.

В принципе испанская корона сохранила за собой монополию снабжения своих колонистов всеми необходимыми товарами как на острове, так и на материке. Но подданные его католического величества ходили бы голодными, нагими и босыми, если бы иностранные суда не вели контрабандной торговли и не снабжали колонистов предметами первой необходимости.

Разумеется, товары одновременно перепадали и врагам испанских колонистов, то есть буканьерам, флибустьерам, корсарам. Малейшая неосторожность или нарушение тайны в пользу той или другой из враждебных стран могли привести к смертельной схватке. Уильям Фиппс вел эту опасную игру уже более пятнадцати лет.

И на сей раз он привез для продажи товары, славившиеся своими превосходными качествами. Чего только не было на борту фрегата: раскрашенные пивные кружки, тонкие чулки и шляпы, саржа, пуговицы, шпаги, ножи, ножницы, водка, порох!

На берегу заметили, что Фиппс прибыл на новом корабле, который в честь правившей тогда в Англии королевской четы был назван «Джемс энд Мэри». Его фрегат

отличался изящными обводами, свидетельствовавшими о мастерстве судостроителей с берегов Темзы.

По установившемуся обычаю, Уильям Фиппс усыпил бдительность испанского вице-губернатора и капитана местного гарнизона, преподнеся им ценные подарки, а затем занялся распродажей товаров. За четыре дня весь груз был ликвидирован, и Фиппс выручил кругленькую сумму в золотых и серебряных монетах.

Фрегат «Джемс энд Мэри», захватив пресную воду, снялся с якорей и отбыл в неизвестном направлении. В те времена в странах Карибского моря не принято было проявлять излишнее любопытство, справляясь о пункте назначения судна, или интересоваться биографией капитана.

Тем не менее на островах хорошо знали, что Уильям Фиппс родился не в Англии, а на севере Американского континента.

Плотник из Бостона

В середине XVII века Новая Англия, расположенная на Атлантическом побережье Северной Америки, оставалась еще совсем дикой страной, и вновь прибывшим сюда переселенцам приходилось вести ожесточенную борьбу не только с индейцами, но и с чуждой им природой и непривычным климатом. Эмигранты были большей частью пуританами, покинувшими родину из-за своих религиозных убеждений. Они отличались решительностью и настойчивостью. Небольшая группа переселенцев обосновалась в особенно диком, но прекрасном уголке на территории современного штата Мэн, в устье реки Кеннебек. Английские колонисты построили там поселок Пемакуид, куда судовые плотники из Бостона приезжали за корабельным лесом. В этом поселке у бедного кузнеца из ссыльных пуритан Джемса Фиппса родился двадцать первый ребенок, мальчик, нареченный Уильямом.

Подростком Уильям пас в деревне скот, а потом нанялся плотником на судостроительную верфь в Бостоне.

Верфи Новой Англии быстро приобрели добрую славу и развили бурную деятельность. Деревянные суда в те времена строились довольно быстро, но штормы ломали их мачты, повреждали корпуса, разрывали швы. Водоросли и моллюски, прикреплявшиеся к днищу и бортам, замедляли ход судна. Рабочим верфи часто приходилось затыкать пробоины, соскребать наросты с обшивки и конопатить швы. Уильям Фиппс быстро освоил это трудное ремесло. Он научился также нырять в воду со зрительной трубкой конопатчика, то есть с деревянным ведром, в дно которого было вставлено стекло. Уильям собственноручно построил маленькое суденышко, катерок, которое назвал «Звездой Бостона». Позднее, отремонтировав старую шхуну, Фиппс присвоил ей то же имя и начал бороздить Карибское море.

В 1670 году, когда Уильяму Фиппсу исполнилось 20 лет, в Бостоне можно было повидать много судов и повстречать немало самых разных людей. Пожалуй, наиболее примечательными в этом отношении были острова Тортю и Ямайка.

На протяжении столетия, истекшего с момента смерти Дрейка, английские моряки нанесли немало болезненных укулов тщеславной Испании, которая так долго претендовала на роль единственной повелительницы морей.

Преемник Гаукинса и Дрейка грозный Морган, преумножил число отчаянно дерзких подвигов. Он атаковал и разграбил Пуэрто-Бельо, традиционный порт погрузки золота на испанские галионы, а затем захватил Маракаибо. В 1671 году он пересек Дарьенский перешеек и возглавил отряд из 1200 человек, поджег Панаму, богатейший в те времена город Нового Света. Из этого легендарного рейда Морган возвратился с добычей, превысившей 100 тысяч ливров.

Подвиги Моргана воспламеняли тогда воображение молодежи Новой Англии. Но сын бедного кузнеца из Пемакуида, научившийся читать в двадцать лет, не испытывал тяги к приключениям. Фиппс придумал другие,

менее опасные способы заработать большие деньги. Он был слишком хорошо знаком с морским разбоем и его тайнами, чтобы прельститься миражем. Сокровища, награбленные при кровавых абордажах, быстро проматывались. А Уильяму Фиппсу хотелось заполучить более надежное состояние и не такого сомнительного происхождения.

Впрочем, и старый Морган с годами, кажется, образумился. Он стал вице-губернатором Ямайки и невозмутимо отправлял на виселицу своих прежних товарищей по разбою. Фиппс, со свойственной ему рассудочностью, решил выбрать себе более спокойное занятие. Он рассудил, что прибыльнее стать контрабандистом, чем джентльменом удачи.

Фиппсу удалось даже найти в Бостоне средства, необходимые для закупки контрабандных товаров, и в одно прекрасное утро «Звезда Бостона» вышла в море. Ее двадцатитрехлетний командир Уильям Фиппс был самым молодым не только среди бостонских, но, несомненно, также и среди голландских и испанских капитанов.

Он закупил на «Островах» сахар, ваниль, индиго, кошениль и главным образом табак, пользовавшийся большим спросом в Англии с тех пор, как сэр Уолтер Ралей, фаворит королевы Елизаветы, открыл придворным, какое наслаждение доставляет курение этого зелья.

Матрос с затонувшего галиона

Именно здесь, на острове Эспаньола, у Фиппса состоялась встреча, определившая всю его дальнейшую судьбу. Как-то днем, прогуливаясь на досуге, Уильям услышал призывы о помощи, доносившиеся из жалкого барака. Кричали по-английски. Фиппс бросился на зов и подошел как раз вовремя, чтобы обратить в бегство двух туземцев, избивавших старика, который, казалось, был на грани смерти.

Уильям привел в чувство несчастную жертву и спросил, что побудило негодаев напасть на беднягу, лишенного каких бы то ни было средств.

— Я не всегда был нищим, — ответил старик. — Эти мерзавцы хотели отнять последнее, чем я располагаю, вырвать мою тайну. Но я открою ее вам, а вы поможете отыскать немного золота, которое скрасит последние дни моей жизни.

— Что это за тайна?

— Меня зовут Оттавио. Я не испанец, хотя и плавал на испанских галионах и в каждом рейсе занимался торговлей на свой страх и риск, как, впрочем, и все остальные. Мне удалось даже сколотить небольшое состояние, когда я служил рулевым на «Нуэстра сеньора де ла консепсьон», адмиральском корабле флотилии Материка. Этот галион разбился на рифах Силвер-Банк. Я был в числе тех немногих, кому удалось спастись после кораблекрушения и добраться до Эспаньолы. Однако потерял все, что у меня было: изумруд и золото, которое я выручил за продажу всякого хлама, словом, все свое небольшое состояние.

В то время я был еще молод и мог бы снова стать матросом и нажить денег, но меня преследовали мечты о затонувшем галионе. Ведь я знал, что на нем находились несметные сокровища, которые были погружены в трюм на моих глазах: слитки драгоценных металлов из Перу и Мексики, драгоценные камни из Колумбии, жемчуг из Венесуэлы. Я не мог этого забыть. Только один раз, рискуя жизнью, я вернулся на место кораблекрушения в индейском каноэ и на небольшой глубине разглядел мачты галиона. Но я отправился туда совсем один, будучи уже в преклонном возрасте, и извлек из моря только сломанную шпагу. Я вас приведу к затонувшему судну. Видите, вот у меня чертеж. Здесь Пуэрто-Плата. От него надо взять курс на север-северо-восток, но берегитесь рифов. Если я умру раньше, то передам вам эту карту.

Уильям Фиппс ничуть не усомнился в достоверности рассказа старого моряка, но он хорошо знал, что, если ему удастся найти и поднять на борт такие сокровища, вся пиратская братия объединится, чтобы ограбить его. В странах Карибского моря нельзя было надеяться на сохранение подобного предприятия в тайне. Между тем «Звезда Бостона» была не таким кораблем, который мог выдержать натиск трех-четырёх корсаров. Для этого требовалось более солидное вооружение, чем то, которым располагал Фиппс. А он был не из тех, кто согласится таскать каштаны из огня для других.

Чтобы добиться успеха, нужно было располагать одним или несколькими фрегатами, а главное, найти могущественного покровителя.

Рекинг

Уильям и раньше мечтал о сокровищах, которые заглатывало море при кораблекрушениях, с той поры, как Испания начала выкачивать золото из Нового Света. Одному Богу известно, сколько затонувших судов разбросано по дну Карибского моря!

Англичане первыми занимались таким прибыльным делом, как добыча сокровищ, поглощенных морем вместе с испанскими галионами. К этой деятельности приобщились с начала XVII века. Примерно 99% судов, затонувших на протяжении трех веков в водах Нового Света, потерпели крушение на мелководье. Они разбивались о скалы и рифы, и водолазам стоило большого труда добраться до обломков кораблекрушения.

К тому же жители карибских стран истари занимались водолазным промыслом. Еще Христофор Колумб обнаружил, что туземцы добывали из моря жемчуг возле берегов современной Венесуэлы.

Жители Багамских островов славились в ту пору как лучшие водолазы Нового Света. Испанцы часто прибегали к их услугам, чтобы спасти хотя бы часть груза, находившегося на затонувших галионах.

На Эспаньоле ни для кого не было секретом, что адмирал Вильявисенсио, которому Каса де Контратасьон возместила убытки, понесенные им в результате гибели его корабля, предпринимал неоднократные, хотя и безуспешные, попытки отыскать затонувший галион «Нуэстра сеньора де ла консепсьон».

В течение второй половины XVII века Порт-Ройал на Ямайке стал центром рекеров, которые вели свои операции на рифах Силвер-Банк и других местах, причем зачастую получали большие барыши. В странах Карибского моря хранилось немало таинственных сведений о местонахождении затонувших судов. Теперь кому-то было суждено отыскать и останки легендарного галиона. Слухи о нем достигали порой даже Англии, где в то время было немало людей, готовых финансировать предприятия, сулившие огромные барыши.

В XVII веке многие знатные вельможи и даже государи поддерживали различные затеи авантюристов и моряков, владевших более или менее надежными средствами. И кредиторам не всегда приходилось раскаиваться в своей щедрости. В те времена в далеких морях и странах порой еще случались чудеса!

Что касается галиона «Нуэстра сеньора де ла консепсьон», то, согласно легенде, какая-то часть его драгоценного груза была извлечена на риф, о который разбился корабль. Эта легенда в немалой степени способствовала широкому распространению нового географического названия Абреохос (рифы Силвер-Банк).

Уильям Фиппс отлично понимал, что доверить тайну грозному Моргану или другим ямайским авантюристам было бы чистым безумием! Они бы утащили у него из-под носа все сокровища.

Но заполучить хорошо вооруженные корабли и могущественного покровителя Фиппс мог только в Лондоне.

Уильям продал «Звезду Бостона», отправился в Англию и сумел заинтересовать в своем предприятии короля Карла II. Этот галантный монарх, по духу больше француз, чем англичанин, обожал празднества и увеселе-

ния и к тому же постоянно сидел без денег. Фиппсу удалось заполучить фрегат с 18 пушками, носивший имя «Роза Алжира».

Морское перо¹

Вернувшись в Карибское море на английском королевском фрегате, Уильям Фиппс отважно направился к рифу Силвер-Банк. Целыми днями, не страшась наступления циклонов, он исследовал морское дно с помощью зрительной трубы конопатчика. Фиппс спустил на воду все шлюпки, имеющиеся на борту фрегата, но не увидел ничего, кроме чудесного подводного мира, созданного кораллами и в том числе морскими перьями. Этот великолепный ландшафт оживляли только тонкие гибкие силуэты барракуд и массивные тени акул.

Фиппс проклинал себя за то, что не зашел на Эспаньо-лу и не захватил там туземных водолазов. Он так боялся огласки своего предприятия, что даже не рискнул взять с собой старого Оттавио.

Между тем припасы истощались, а срок плавания подходил к концу. Экипаж взбунтовался, и Фиппсу пришлось вернуться на Эспаньо-лу, где он узнал, что Оттавио скончался. Обескураженный этой новостью, Уильям отправился в Англию. Он захватил с собой только один трофей — морское перо, в котором был заключен серебряный слиток. Обнаружив перо, Фиппс и товарищи тщательно обшарили окрестности, но тщетно: затонувшего судна нигде не было видно...

В Лондоне охотнику за сокровищами предстояло отчитаться перед главным пайщиком — королем Карлом II. Однако к этому времени Карл II скончался. Новый король Яков II отличался болезненной подозрительностью, мстительностью, нетерпимостью и ограниченностью. Име-

¹ Морские перья (*Pennatularia*) — кишечнополостные животные, образующие фантастические по форме колонии, относятся к восьмилучевым кораллам. Большинство видов пеннатулярий обладает люминесценцией.

нем короля палачи вешали, пытали, секли его подданных. Уильям Фиппс покинул палубу своего корабля лишь для того, чтобы убедиться, что попал в крайнюю немилость. Его попросту не допустили ко двору.

Но это не сломило Фиппса. Его главной опорой был сэр Джон Марлборо, в прошлом лорд-адмирал, которому удалось сохранить свое влияние при дворе. Кроме того, к предприятию Фиппса примкнул знатный тридцатилетний вельможа, азартный игрок и большой честолюбец, стремившийся нажить крупное состояние. Это был Генри Кристофер, герцог Олбермарлский. 18 июня 1686 года герцог добился от Якова II «концессии» на поиски и подъем затонувших судов в районе к северу от Эспаньолы. Герцогу предоставлялось право собственности на все добытые таким образом богатства при условии выплаты королевской десятины.

Как только герцог получил разрешение на «концессию», Фиппсу нетрудно было подыскать других компаньонов и приобрести 200-тонный «Бриджуотер», вооруженный 22 пушками. В честь правившей тогда королевской четы корабль был переименован в «Джемс энд Мэри». Фиппс зафрахтовал еще одно судно, меньших размеров. Оно носило название «Генри оф Лондон», и на нем было 10 пушек. Имя второму кораблю было дано в честь его милости герцога Олбермарлского, которого также звали Генри.

В конечном счете в «концессию» вошли семь компаньонов. Фиппс должен был получить шестнадцатую часть стоимости находок за вычетом королевской десятины и всех расходов, включая затраты на корабли.

На этот раз Фиппс захватил с собой странное приспособление, с помощью которого он намеревался извлечь сокровища из затонувшего судна. Это была огромная бочка, опоясанная железными обручами и забалластированная тяжелым грузом. Фиппс собирался использовать ее для погружений на морское дно. Сжатый воздух находился в верхней части бочки, откуда он поступал к водолазам.

Это приспособление было уже известно в течение ряда лет под названием «каталонского колокола», но лишь немногие, хорошо натренированные и отважные пловцы решались пользоваться водолазным колоколом.

Секретная миссия

Корабль «Джемс энд Мэри» захватил также обычный коммерческий груз с тем, чтобы экспедиция оказалась прибыльной даже в случае, если сокровища не удастся разыскать. Фиппс вез товары для своих друзей флибустеров и колонистов.

Экспедиция покинула Англию 12 сентября 1685 года, а через несколько недель Уильям Фиппс высадился на Эспаньоле, где приступил к распродаже части груза, тогда как второе судно, «Генри оф Лондон», как бы растворилось в водах Карибского моря.

Это маленькое судно по приказу Фиппса с секретным заданием отбыло в другой порт Эспаньолы — Пуэрто-Плата. Здесь ему предстояло завербовать искусных водолазов. Фиппс вполне доверял своему помощнику Генри Роджерсу, которого назначил капитаном фрегата «Генри оф Лондон». Позднее оба корабля соединились в Пуэрто-Плата.

В то время как Уильям на борту корабля «Джемс энд Мэри», бросившего якорь на рейде, не спеша распродавал остатки груза, «Генри оф Лондон» поднял паруса. Его капитан получил приказ с наступлением хорошей погоды направиться к рифу Силвер-Банк и начать там поиски затонувшего судна. Он захватил с собой трех водолазов и некоего Уильяма Ковелла, исполнявшего обязанности помощника капитана.

Отбив из Пуэрто-Плата 13 января 1687 года, «Генри оф Лондон» вернулся туда 7 февраля.

29 января судно взяло курс на Силвер-Банк, причем разведкой занялся помощник капитана, используя для этой цели туземное каноэ, которое, несомненно, было построено умелыми руками самого Фиппса.

В скалистой впадине, которую они прозвали «котлом», так как подводные скалы, подобно кипящей воде, отливали там всеми оттенками белого и зеленого тонов, моряки обнаружили там затонувшее судно. Оно заклинилось между коралловыми образованиями на глубине шести — восьми морских саженей и было до такой степени покрыто наростами, что нельзя было отличить носа от кормы. Моряки подобрали слиток и пластину из драгоценного металла и доставили на борт судна «Генри оф Лондон». Затем они вернулись к затонувшему судну, заметили его местоположение буйком и извлекли из обломков еще несколько слитков, золотые монеты достоинством в восемь реалов и разбитые блюда. Люди проработали три дня, но, когда погода испортилась, покинули это место и, чтобы шторм не застиг их у рифа Силвер-Банк, направились к Эспаньоле.

Золотые монеты

Несмотря на стремление экипажа поскорее вернуться к затонувшему судну, предстояло еще привести корабль в надлежащее состояние. «Джемс энд Мэри» пришлось поочередно положить то на левый, то на правый борт, чтобы очистить корпус от наростов. Те же операции проделали и с кораблем «Генри оф Лондон», чтобы придать ему «лучший ход». Затем пополнили запасы продовольствия соленьями по рецептам испанской кухни, и оба корабля покинули Пуэрто-Плата 17 февраля, а 22 февраля уже бросили якоря у рифа Силвер-Банк. Не успели матросы отдать якоря, как Уильям Ковелл убедил их незамедлительно приступить к поискам, и до наступления ночи они подняли на борт немало золотых монет. Возбуждение охватило весь экипаж. Если позволяла погода, моряки целый день ныряли в воду. Сначала добытые сокровища регистрировались судовым писцом, но по мере того как они накапливались на борту «Джемс энд Мэри», стали считать только восьмиреаловики, серебряные слитки и блюда из драгоценных металлов. Позднее, когда наступили

спокойные деньки, монеты и слитки были тщательно взвешены. Все было зарегистрировано в бухгалтерских книгах, которые вели Томас Уодингтон, доверенное лицо Фиппса, и бывший паж герцога Олбермарлского Чарлз Келли. Бухгалтерские записи свидетельствовали о том, что водолазы добрались до сокровищницы галиона. Они подняли на борт серебряные блюда, хранившиеся в разбитых сундуках, и мешки с монетами. Все это, вместе взятое, весило 1139 фунтов. Из-за плохого самочувствия водолазов и по воскресным дням работа иногда прекращалась даже в хорошую погоду. Однажды под напором ветра «Генри оф Лондон» сорвало с якорей, и его руль был сломан. Судно чуть было не разбилось о коралловые скалы, но ловкость капитана и опыт команды спасли его от неминуемой гибели.

Работы у рифа велись уже два месяца. Матросы и водолазы выбились из сил. Время от времени какой-нибудь туземец, задыхаясь, поднимался на поверхность бледный как смерть. Он дрожал от холода, и из горла шла кровь. Сокровища добывались ценой нечеловеческих усилий.

Истощение запасов продовольствия, отвратительная вода, загнившая в бочонках, и вид сокровищ, ежедневно извлекаемых из обломков, довели экипаж до отчаяния, назревал бунт. Потребовался весь авторитет Фиппса и его твердое обещание, что каждый получит свою долю сокровищ, чтобы сохранить спокойствие и продолжить работы.

Однажды утром люди с «Джемс энд Мэри» и «Генри оф Лондон» были неприятно удивлены и рифа Силвер-Банк легкого шлюпа, который бросил якорь по соседству с затонувшим судном. Им управляли два человека, Уильям Дэвис и Абрэхэм Эддерли, сопровождавшие Фиппса во время его первой неудачной вылазки. Фиппсу нечего было их бояться. Одного залпа из 22 пушек было бы достаточно, чтобы отправить на дно шлюп вместе с теми, кто находился на его борту. Несомненно, никто в Карибском море не заявил бы претензий по этому поводу.

Но Фиппс предпочитал договориться с непрошеными гостями по-хорошему. Он заключил с ними соглашение, по которому пришельцы получали право исследовать местность вокруг затонувшего судна при условии передачи Уильяму половины находок. Бостонцу разрешалось также пользоваться шлюпом Дэвиса и лодкой, принадлежавшей Эддерли.

Водолазным колоколом, к которому прибегали уже неоднократно, было трудно манипулировать, особенно когда на море поднимались волны. К тому же пересеченный рельеф морского дна и остроконечные коралловые скалы лишали эту ныряющую лоханку всякой надежности.

Оставшиеся на затонувшем судне мешки с деньгами и золотыми слитками находились в нижнем трюме, и доступ к ним становился все труднее и труднее. Водолазы теперь часто поднимались на поверхность с пустыми руками. Они утверждали, что на галионе не оставалось ничего сколько-нибудь ценного, по крайней мере в доступных для поиска местах.

Фиппсу удалось уговорить лучшего из водолазов проникнуть глубже в разрушенный корпус. Этот человек долго оставался под водой, и, когда поднялся на поверхность, по лицу его струилась кровь. В лодку водолаза пришлось втащить на руках. Он сообщил, что нашел большой сундук, но такой тяжелый, что его не удалось даже сдвинуть с места.

Потребовалось три дня, чтобы застропить сундук, вытащить его из трюма и поднять на борт «Джемс энд Мэри». Когда его вскрыли топорами, оттуда посыпались жемчуг, изумруды, бриллианты, золотые украшения, статуэтки неизвестных богов с загадочными выражениями и хрустальные бокалы, разбившиеся с музыкальным звоном.

Эта сказочная добыча вдохнула силы в охотников за сокровищами. Однако питьевая вода и продовольствие были на исходе, и Фиппс 29 марта отправил на Ямайку шлюп для пополнения припасов. Дожидаясь его возвращения, водолазы продолжали погружения, но теперь они уже были не в состоянии обшаривать трюмы галиона, даже рискуя жизнью. В ход были пущены крюки и кошки разной величины и формы, которые Фиппс велел выковать специально для этой цели. Но морякам не удалось вскрыть ни обшивку судна, ни палубу, которые буквально окаменели от выросших ракушек и кораллов.

Шлюп, посланный на Ямайку, все не возвращался, а на горизонте сгущались тучи, предвещавшие наступление циклонов. И вот 19 апреля 1687 года, повинуясь приказу Фиппса, «Джемс энд Мэри» и «Генри оф Лондон» снялись с якорей.

Не успели их паруса наполниться ветром, как наблюдатель сообщил, что видит в море корабль. Это была бригантина с 20 пушками на борту. Фиппс тотчас опознал французский корабль, то был «Глуар», прославившийся на Антильских островах своими дерзкими набегами. Было мало шансов на то, что корсара испугают 22 пушки «Джемс энд Мэри» и 10 пушек на борту второго фрегата. Фиппс решил любой ценой уклониться от битвы, даже

если ему будет суждено выйти из нее победителем. Он не хотел рисковать таким грузом, как драгоценные камни, золото и серебряная посуда. Фиппс изменил курс своих кораблей, но так, чтобы паруса наполнялись попутным ветром.

Корсар немедленно начал преследование. Весь день дул крепкий бриз, и два английских корабля искусно его ловили. Но с наступлением ночи корсар значительно приблизился. Битву, очевидно, он решил отложить на завтра.

Фиппс стал готовиться к бою с той тщательностью, которую вносил в любое свое предприятие. Портики были освобождены от всего лишнего, пушки приведены в боевую готовность и между ними расставлены бачки с водой. Палубы посыпали песком, чтобы не поскользнуться в крови. Оружие и боеприпасы раздали членам экипажа. Когда опустились короткие тропические сумерки, люди собрались на палубе и стали горячо молиться своему протестантскому Богу.

Бриз не ослабевал всю ночь. Луны не было. В непроглядной тьме «Джемс энд Мэри» и «Генри оф Лондон» шли вслепую на всех парусах. Между тем море в этом районе утыкано скалами. Силуэт французского корабля чуть виднелся вдали. Фиппс запретил зажигать какие-либо огни. Команду отдавали тихим голосом. Фиппс приказал сделать поворот через правый борт. Новый курс вел напрямик к северо-восточной оконечности опаснейших скал банки Мушуар. Когда грохот разбивающихся о скалы валов стал отчетливым, Фиппс велел спустить паруса и бросить якоря. Волнение на море усилилось, шквалы налетали один за другим, и все молили Бога, чтобы не сорвало якоря. Ночью «Джемс энд Мэри» ударился о скалы, однако пробоины не получил.

Когда наступило утро, ни одного судна, кроме фрегатов «Джемс энд Мэри» и «Генри оф Лондон», в море не было. Видно, обманутый маневром Фиппса французский корсар неся на всех парусах вперед, в то время как английские фрегаты приютились у северо-восточной око-

нечности банки Мушуар. А шторм все набирал силу. По заалевшему небу ветер гнал грозные лиловые тучи. Порой мгла застилала горизонт. Яростно хлестал дождь. Наблюдатели, находившиеся на носу корабля, ничего не могли разглядеть впереди на расстоянии 10 метров.

Английские корабли, взяв курс на Флориду, день и ночь шли по бурному морю. Экипажи, истощенные изнурительным трудом на протяжении двух месяцев, ожесточенно боролись за жизнь. Наконец 20 апреля, когда море уже начало успокаиваться, фрегаты бросили якоря у острова Коттон-Ки. Им пришлось сделать несколько рейсов, чтобы наполнить бочки пресной водой и закупить у туземцев дивные ароматные плоды — папайи, манго, ананасы.

Капитан Фиппс не испытывал ни малейшего желания похвастаться своими успехами в странах Карибского моря и потому не зашел ни в один из его портов. 2 мая искатели приключений снялись с якоря и взяли курс на Британские острова. Для Фиппса все дальнейшее плавание было будничным делом. В первый же день он потерял из виду более медлительный фрегат «Генри оф Лондон». На его пути не был замечен ни один парусник вплоть до 31 мая, когда Фиппс повстречал судно «Лисбон де Барбадос» капитана Прайса. Фиппс поднялся на борт корабля, прихватив с собой несколько восьмиреаловиков на сумму, равную 10 фунтам стерлингам. На корабль он вернулся с продовольствием, которое ему удалось набрать в кредит, не истратив ни единой монеты. Фиппс распрощался с Прайсом, 4 июня на горизонте показались острова Силли. 6 июня, счастливо избежав встречи с «алжирцами», то есть с пиратами, которые в то время бесчинствовали в Ла-Манше, Фиппс возвратился в доки «Даунс», из которых он вышел в плавание девять месяцев назад.

Компаньоны Фиппса и заинтересованные ведомства были своевременно оповещены о его возвращении в Детфорд. Сэр Семуэл Пепис, небезызвестный секретарь адмиралтейства, тотчас отправил туда курьера с приказом

направить на «Джемс энд Мэри» военную охрану для защиты прав короля.

Пепис изо дня в день вел шифрованные записи в своем дневнике. Его чтение доставило нам немало труда, но зато мы узнали много интересных подробностей из тайной истории британского флота. К концу жизни Пепис стал влиятельным вельможей, но в целом его деятельность была скорее доходной, чем скандальной.

В случае с сокровищами Силвер-Банк Пепис показал себя осторожным и деятельным чиновником. Он немедленно принял меры, предупреждающие хищения, направив на корабль «Джемс энд Мэри» самых честных служащих казначейства. Верховный суд адмиралтейства попытался вмешаться, издав указ о наложении ареста на весь драгоценный груз. Пепис попросту отказался выполнить этот указ.

Но тут на сцену выступили дипломаты. Французский посол Барийон много писал по этому поводу Людовику XIV. Моро проинформировал своего монарха — короля Польши. Что касается испанского посла, то подвиги Фиппса ему пришлись явно не по вкусу. Ведь сокровища, извлеченные из галиона «Нуэстра сеньора де ла консепсьон», принадлежали его католическому величеству, о чем посол не преминул упомянуть в своем длинном меморандуме, врученном Якову II. Он затеял процесс в верховном суде адмиралтейства с требованием вернуть сокровища их истинному владельцу, но в иске, разумеется, ему было отказано.

Дележ добычи

В Лондоне удача герцога Олбермарлского, успехи Фиппса, оценка добычи и ее дележ стали предметом нескончаемых толков.

Директор, казначей и контролер монетного двора, а также известный ювелир Чарлз Данкомб получили приказ отправиться в Детфорд на борт «Джемс энд Мэри», взвесить все сокровища и взыскать королевскую десяти-

ну, согласно договору от 18 июля 1686 года. На королевском корабле «Моимут», который стоял у причала бок о бок с «Джемс энд Мэри», были установлены большие весы. На борту этого корабля было взвешено невероятное количество серебра — 37 538 фунтов; огромное количество монет достоинством в восемь реалов; 27 556 фунтов серебряных слитков и брусков; 347 фунтов различных блюд из драгоценных металлов; 25 фунтов золота.

Кроме того, на «Джемс энд Мэри» находилась половина добычи Эддерли, которая была зарегистрирована как «серебро, в котором заинтересованы моряки», — 3770 фунтов.

Возможно, что результаты взвешивания не всегда были столь пунктуальными, в чем пытаются нас убедить эти слишком уж точные цифры. Но в любом случае подобный отчет был несомненным достижением для королевского казначейства, известного своей безалаберностью, неумением вести дела и склонностью к хищениям.

Доля короля составила 20 700 фунтов, да и остальные компаньоны получили немалый барыш. Они вложили в предприятие Фиппса всего 3200 фунтов стерлингов, а получили 34 тонны драгоценного металла, которые по курсу 1687 года оценивались в 207 600 фунтов стерлингов.

Что касается матросов, то на их долю пришлось не слишком много: от 20 до 60 фунтов каждому. Офицеры, плотники, боцман получили по тысяче фунтов.

Доля герцога Олбермарлского превысила 43 тысячи фунтов. Позднее говорили, что герцог плавил золото в своем саду, а его друзья острили, что ему суждено провести свои последние дни у плавильной печи.

Бостонский плотник Уильям Фиппс получил обещанную ему по договору шестнадцатую часть добычи, или более 11 тысяч фунтов, не считая мелких находок. Остальной груз включал шесть бронзовых пушек (преподнесенных лондонскому Тауэру), серебряные стремена, подсвечники, кубки, блюда, сломанные золотые вещицы, пуговицы, жемчуг, ожерелья, большую золотую цепь и ленту для шляпы из плетеного золота. Если верить клят-

вам кока с «Джемс энд Мэри», считавшего себя обойденным при дележе, то ленту из плетеного золота видели на шляпе капитана. Согласно показаниям того же разгневанного кока, которое было дано под присягой, длинную золотую цепь Фиппс подарил своей супруге. Как бы то ни было, его милость герцог Олбермарлский лично преподнес госпоже Фиппс «золотой кубок стоимостью тысяча фунтов».

Почести

28 июня 1687 года в Виндзоре Уильям Фиппс был представлен герцогом Олбермарлским английскому королю и удостоен рыцарского звания. О посвящении Фиппса в рыцари «за добрые и честные услуги», оказанные во время экспедиции, англичан немедленно оповестила «Лондонская газета».

В следующем месяце новоиспеченный рыцарь был награжден двумя медалями. На лицевой стороне одной медали было выбито изображение королевской четы, на оборотной стороне — корабль Фиппса, стоявший на якоре над затонувшим судном, с любопытным девизом: «*Semper tibi pendeant hamus*» («Пусть всегда висит твой рыболовный крючок»). В девизе, который одновременно был цитатой из поэмы Овидия «Искусство любви», скрывается намек на те крюки и кошки, с помощью которых Фиппс добывал свои сокровища. На другой медали фигурировал Нептун со своим трезубцем, который наблюдал за добычей сокровищ. Однако Нептун своим острым профилем и пышным париком поразительно напоминал герцога Олбермарлского. Девиз этой медали гласил: «*Ex aqua omnia*» («Все — из воды»).

28 июля в гостинице «Лебедь» арматоры дали обед в честь Фиппса. Они вручили капитану еще одну медаль и золотую цепь. Все моряки получили по серебряной медали на серебряной цепи.

Яков II предложил Уильяму Фиппсу должность комиссара королевского флота, но тот отказался и возвра-

тился в Новую Англию. Там он построил себе в Бостоне красивый двухэтажный кирпичный дом с портиком и колоннами в стиле эпохи.

На свое горе Фиппс был назначен английским королем губернатором Массачусетса и генерал-губернатором Мэна и Новой Шотландии.

В этом новом сане ему пришлось вести войну с французскими колониями в Америке. Фиппс взял Акадию, одержав победу над Менневилем и Вильбоном, но потерпел поражение под Квебеком. Побежденный, запутавшийся в долгах и преследуемый личными врагами, Фиппс снова стал таким же бедняком, каким родился.

Как в былые времена, он отправляется в Лондон, чтобы поправить свое положение. Но там он был арестован за неуплату долга в 20 тысяч фунтов и заточен в Флитскую тюрьму. Истощенный тропической лихорадкой, Фиппс не вынес сырости тюремной камеры. Он скончался 18 февраля 1695 года, едва достигнув сорока четырех лет. Для покупки гроба Фиппс отдал тюремщику свою первую находку — маленький серебряный слиток, заключенный в морском пере.

Хоронили Фиппса за счет королевской казны. Жена поставила ему белый мраморный памятник, увенчанный урной с двумя амурами. На барельефе был изображен фрегат «Джемс энд Мэри», стоящий на якоре, и его шлюпки, с которых Фиппс добывал сокровища с морского дна. Барельеф был репродукцией с преподнесенной Фиппсу медали. Следует упомянуть еще об одной неразгаданной тайне: надгробие Фиппса бесследно исчезло при неизвестных обстоятельствах.

Ничего не осталось от урны, амуров и барельефа, но текст эпитафии дошел до наших дней:

«Здесь покоится рыцарь сэр Уильям Фиппс, который благодаря своей неистощимой энергии обнаружил среди скал Багамских отмелей, к северу от Эспаньолы, испанский галион, пролежавший сорок четыре года на дне моря: он извлек золото и серебро на сумму, достигавшую 300 тысяч фунтов стерлингов, и с присущей ему честностью

доставил эти сокровища в Лондон, где они были поделены между ним и другими компаньонами.

За большие заслуги его величеством, царствующим королем Яковом II, Фиппсу было пожаловано рыцарское звание. По просьбе почтенных жителей Новой Англии Фиппс принял на себя управление Массачусетсом. Свои обязанности он выполнял вплоть до кончины, с таким рвением заботясь об интересах родины и пренебрегая личными интересами, что справедливо заслужил любовь и уважение лучшей части населения этой колонии».

На одной английской батиметрической карте XVIII века, относящейся к району севернее Эспаньолы, риф, который обследовал Фиппс, носит название Силвер-Банк. Не вызывает никакого сомнения, что название связано с открытием сэра Уильяма. На другой карте, составленной в 1680 году, эта коралловая отмель все еще фигурирует под старым названием Абреохос, но в «Английском лоцмане», выпущенном в Лондоне в 1706 году, тот же риф обозначен как Плейт-Рок. Между тем в книге Слоана «Путешествие к островам Мадейры», опубликованной всего через год, риф именуется Фиппс-Рок.

Глава девятая

ТАИНСТВЕННЫЙ ГРУЗ

Возвращение на якорную стоянку. — Угрожающая погода. — Десять тонн кораллов за день. — Дюма находит место захоронения груза. — Сорок циклонов на протяжении трех столетий. — Но где же все-таки пушки с левого борта? — Груды чашек. — Китайская ли это керамика? — Бортовая аптека

Среда, 7 августа. Отвратительная ночь на море. Килевая и бортовая качка. Жара и влажность. Запеленговываем Пуэрто-Рико с помощью радиолокатора. Дождь как из ведра. Шторм. Водяные смерчи. Похоже, что такая погода типична для этого времени года в здешних краях. По какой-то счастливой случайности нам еще не довелось пережить такой потоп на Силвер-Банк. Но надо быть готовыми к встрече со штормом в ближайшие дни.

Мой сын Жан-Мишель встречает нас на пристани. Он прибыл из Перу, куда ездил на разведку. Речь идет об ор-

ганизации экспедиции к озеру Титикака, которое я собираюсь исследовать с помощью наших «ныряющих блюд». Сын сообщает приятные новости.

Очевидно, экспедиция в Южную Америку поставит перед нами новые проблемы. «Калипсо» должна выловить сокровища у рифа Силвер-Банк, но до наступления неблагоприятного для навигации сезона, то есть до 25 сентября, обязана прибыть в Перу. Жан-Мишель, архитектор по профессии, должен быстро вернуться в Марсель, чтобы руководить строительством Центра океанографических исследований. Но необходимо также, чтобы сын с 1 сентября провел не меньше шести недель в Перу и Боливии. Что касается меня, я должен попасть в Монако и во Францию в сентябре, в Голливуд в октябре для монтажа фильма о китах и одновременно побывать на озере Титикака!

Суббота, 10 августа. Готовимся к отплытию. «Калипсо» тяжело нагружена: 42 тонны газа, 21 тонна пресной воды. Море довольно бурное. Во время завтрака впервые едим из картонных тарелок и пьем из таких же стаканчиков. В целях экономии пресной воды и чтобы подольше задержаться у рифа Силвер-Банк решено не заниматься на борту мытьем столовой посуды. Наш новый метрдотель Сэрони, великан с тонким худым лицом, кажется, в восторге, что нанялся на судно, где не придется заниматься мытьем посуды. Он все время что-то напевает.

Воскресенье, 11 августа. Ночью была довольно мерзкая погода, но море спокойно, и на заре мы подходим к рифу Силвер-Банк на час раньше, чем предполагалось. Радиовеха заметна с расстояния шести с половиной мили. В 13 часов 30 минут «Калипсо» идет по обозначенным нами проходам. Тотчас спускаем на воду шаланду и «зодиак», чтобы водолазы засняли на кинолентку проходы над коралловыми скалами. Зрелище впечатляющее: киль почти касается коралловых образований. В 15 часов 30 минут мы уже на нашей якорной стоянке в привычном месте и тотчас приходим на помощь нашему затонувшему

плоту «Джемс энд Мэри». Вот он тяжело выныривает на поверхность. Плот кренится на один бок. Много времени уходит на то, чтобы его выпрямить и очистить. Кран подцепил его и поднял на борт «Калипсо», где мы откачиваем воду новой мотопомпой.

Проверяем все якорные места и в конце дня спускаем на воду поплавков и все вертикальные отрезки трубы землесоса: решаем укоротить ее на один метр, чтобы она больше не терлась о кораллы. Шесть метров жестких труб заменены двумя секциями длиной три и два метра. Воздух будет нагнетаться на протяжении менее 12 метров.

Вечером все собрались на борту «Калипсо». Предлагаю распить круговую чашу рома, как это делалось на старинных парусниках.

Дюма погружается в воду для общего обозрения рабочей площадки и чтобы освежить картину в памяти. Проплыв над нашими металлическими корзинами, Фредерик обнаружил, что они уже сплошь обросли крошечными коралловыми полипами. А ведь корзины оставались в воде не более шести дней. Море в этом районе — настоящая питательная среда для развития кораллов.

На рифе в этот вечер тихо и почти прохладно. В час, когда ночь внезапно спускается на тропические воды, над морем проносится легкий бриз, и мы с наслаждением вдыхаем его ароматы и подставляем свои обнаженные торсы ласковому прикосновению ветерка. Насколько здесь все-таки лучше, чем в Пуэрто-Рико!

Мы отвыкли на рифе от криков, сутолоки и рева автомобильных клаксонов. Компрессор с его непрерывным гудением оказал на нас странное влияние: он одновременно оглушил нас и сделал крайне уязвимыми для всех прочих шумов.

По едва уловимым признаком чувствую приближение плохой погоды. Море изменило свой цвет. Вода уже не отликает яркими оттенками синей и зеленой красок. Она стала сероватой, уплотнилась в глубине, как бы утратив прозрачность. Но главное, на море появились крошечные волны, плещущиеся вокруг судна.

Закат был великолепным. Золото и пурпур залили весь небосвод, пронизывая феерические громады округлых лиловых и черных туч.

Твердо убежден, что сегодня все это великолепие не будет взорвано грозой, но перемена погоды не за горами. Это время года считается губительным для галионов, и у меня нет никакого желания проверять правильность утверждения старинных мореходов на собственном опыте. Делюсь своими тревогами с Кайаром, который хорошо разбирается в метеорологической обстановке. Он вычертил карту погоды и ежедневно вносит в нее соответствующие коррективы.

Десять тонн кораллов

Понедельник, 12 августа. В 6 часов 30 минут погружаюсь в воду для обычной утренней проверки. Ничего особенного здесь не произошло! Размещаю десяток маленьких разноцветных поплавков вокруг предполагаемой носовой части судна, чтобы бригады водолазов могли ориентироваться даже в мутной воде. Поднявшись, приказываю переместить «Калипсо» на пять метров к югу, а баллоны землесоса и плот «Джемс энд Мэри» — на шесть-семь метров к юго-западу. Первая бригада укладывает гибкий нижний шланг и устанавливает колено, изгибающееся под углом 45° вместо 90° , что, как мы предполагаем, предотвратит частые закупорки. Вторая бригада устанавливает трубы для подачи воздуха и начинает строить глыбы. Реми погружается в воду, решив присоединиться к одной из бригад. К несчастью, при подъеме на поверхность он, помогая передвинуть большие коралловые глыбы, разрезает мизинец. Доктор зашивает рану без анестезии.

Дует довольно сильный юго-восточный ветер, но он не очень мешает работать. Весь день (вернее, всю его вторую половину) мы расчищаем рабочую площадку от загромождающих ее больших и средних глыб. Их стропят одну за другой и поднимают в корзинах на заднюю палубу

«Калипсо», где дробят кайлами и долотами. Задняя палуба напоминает довольно грязный карьер. Осколки кораллового известняка разлетаются во все стороны. Из него извлекают железный лом и другие интересные предметы. Кораллы и прочие обломки, не представляющие никакого интереса, транспортируют к выходу в средней части левого борта и сбрасывают в море. Сегодня за день переработано 10 тонн кораллового известняка. Под «Калипсо» растет гряда обломочного материала, новзя искусственная подводная скала! Надеюсь, что мы сами на нее не напоремся!

Обнаружены очень большие и весьма интересные чугунные предметы, в частности огромный крюк от большой двери или от крышки трюмного люка, и несколько пушечных ядер из носовых орудий. На борт поднимаются водолазы из последней смены — Коль и Дюран. Они приносят грузило от удочки конической асимметричной формы, звено цепи, две пряжки от пояса, одну разбитую, другую целую, латунные пуговицы от мундира и... одно ребро. Наш судовой врач впервые подтверждает, что это останки человеческого скелета.

Вокруг нас порхают бабочки. Какая-то занесенная ветром птица расположилась на отдых. Уж не из Африки ли попала она в эти края?

Праздник в небе и на воде

Вторник, 13 августа. Бернар будит меня в 6 часов утра. Вода, которую я скудно лью на свою физиономию, прохладная и не слишком отдает щелоком. Быстро направляюсь в кают-компанию, чтобы вместе с первыми водолазами наспех проглотить кофе. Потом отправляюсь на корму, где натягиваю водолазный костюм. Солнце еще прячется за низкими облаками, но его первые длинные лучи, расходясь в разные стороны из невидимого очага, огненными стрелами прорезают темный небосвод, разделяя его на сегменты. Вдыхаю воздух полной грудью и с помощью Бернара надеваю акваланг с тремя резервуара-

ми. Он кажется мне легче обычного. Бросаю последний взгляд на солнце, которое появляется во всем своем великолепии как раз в тот момент, когда я погружаюсь в море. Но тут меня ждет еще один радостный сюрприз: вода необычайно прозрачна. Праздник на небе, в воде и в моем сердце. Сохраняя неподвижность и вытянувшись в воде, медленно опускаюсь на дно, окидываю взглядом рабочую площадку. Через пять — десять минут ко мне присоединяются Раймон и Жан-Пьер. Жадно впитываю впечатления, пока я здесь в полном одиночестве. Все сегодня прекрасно и полно неотразимых чар. Барракуда Жюль куда-то скрылась. Но рыба-попугай, как всегда зорко, присматривает за рабочей площадкой. Дюма испытывает к ней дружеские чувства и утверждает, что она очень умна. Рыба приветствует меня и торжественно движется в авангард, пока я занимаюсь инспектированием. С технической точки зрения рабочая площадка сильно преобразилась. С удалением многих тонн камней картина прояснилась. Те редкие объекты, что остались на поверхности морского дна, вырисовываются гораздо отчетливее. Все мои наблюдения автоматически регистрируются в памяти, ибо скоро мне предстоит дать указания о распорядке рабочего дня. Но в данный момент это не имеет никакого значения. Все предметы, заключенные в жидкий хрусталь морской воды, просматриваются как через увеличительное стекло. Местами они сверкают, как алмазы, серые краски приобретают новые пастельные тона, доски уже не кажутся черными, а песок отликает охристым или розовато-лиловым цветом. Маленькие пятнистые меру становятся храбрее, рифовые окуни проносятся стаями, напоминая миниатюрные модели «боингов» благодаря желтым полосам на боках, жирелли и вялые краснобородки застыли в рыхлых развороченных осадках. Якоря и пушки, кажется, попали сюда с какого-то корабля-призрака, а длинный гибкий шланг землесоса — это вовсе не шланг, а чудовищный морской змей.

В который раз водная стихия очаровывает меня; становясь невесомым, человек теряет ощущение тягости бытия.

Мне хорошо знакомо, как чары подводного мира стирают грани между радостным и трагическим до такой степени, что то и другое как бы теряет свой подлинный смысл.

Сегодня, испытывая это своеобразное опьянение, я с особенной остротой ощутил, до какой степени море повлияло на мое восприятие окружающего мира, людей, общества и морали за тридцать два года подводных изысканий. Но это чудесное созерцательное состояние, при котором исчезают обычные измерения, время останавливает свой беспощадный бег, а Вселенная предстает во всей своей величавой красоте, нарушается вторжением Раймона, чей силуэт мелькает в воде.

Неохотно прерываю свой мысленный монолог. Надо наметить программу сегодняшних работ. Рабочая площадка снова оживает.

Поднятая коралловая глыба, в которой заключены блок, мешок с орехами, спусковая скоба от ружья, огромный гвоздь и разный железный лом: какой-то очень длинный инструмент, изогнутый в виде крючка, три обломка большого медного чайника для кипячения воды вместе с ручкой, несколько шкивов от блока, много бычьих и свиных костей, клин из экзотической древесины, деревянная ручка с отпечатком квадратной железки и черепки толстого глиняного кувшина.

Пресная вода будет лимитировать срок нашего дальнейшего пребывания в этих краях. В понедельник душ был отменен. Мы по-прежнему пользуемся бумажными и картонными тарелками и стаканами. Сегодня возникло парадоксальное положение: поскольку кипятильник выдал 400 литров воды, создался ее избыток. Вечером души работают два часа, на что уходит 1200 литров. Это непозволительная роскошь. Завтра на душ отведем только один час.

Оповещение о циклоне

Среда, 14 августа. Утреннее погружение (6 часов 30 минут) доставило мне почти такое же наслаждение, как и вчера. Вода совсем прозрачная. Рабочая площадка хоро-

шо просматривается. Реми снова погружается в воду, не смотря на свой незаживший палец.

В 8 часов 45 минут мы подтягиваем к «Калипсо» «Джемс энд Мэри» и поднимаем на борт две полные корзины, что фиксируется на киноплёнке. Увы, наш улов оказался небогатым: косточка от абрикоса, две костяные пуговицы, множество бычьих костей, маленькая стеклянная пробка от старинного флакона для духов, кожаная рукавица с металлической пластинкой, которая употреблялась при шивании кож и парусов, пряжка от пояса, четыре ружейных кремня, стенки медных котлов, медный выпел в форме фестона с тремя дырками от заклепок.

Намечаем рыть поперечную траншею, но где именно и на какую глубину? Это решение нам подсказывает следующее обстоятельство: все лежащие рядом доски, которые мы откопали, удалив 30—50 сантиметров гравия, осколков от бутылок и черепков глиняной посуды, очень похожи на палубные. Нигде не видно ни больших гвоздей, ни шпангоутов. Но с одного бока все они, по крайней мере в отдельных местах, как бы покоятся на больших жестких глыбах, которые Гастон прозвал «земной корой». После долгих споров по этому поводу прошу отсрочить решение по крайней мере на сутки, чтобы вскрыть более значительную часть поверхности пресловутых досок. Мою просьбу удовлетворяют, и в 11 часов я спускаюсь в свою каюту и ложусь спать.

Да, этот галион задает нам труднейшие загадки!

Погода не только не улучшилась, но, наоборот, все больше портится. Небо почти до самой воды то затягивают тяжелые тучи, то оно внезапно проясняется, совсем как в театре. Нам отказано в прохладе, приносимой вечерним бризом. С низкого и грозного неба низвергается удушающая жара. Часто мы испытываем необъяснимое недомогание. Все эти ощущения напоминают мне о циклонах, с которыми приходилось встречаться раньше в Китайском море, а два года назад — в Индийском океане.

Правильно ли я поступаю? Имею ли право оставаться на якорной стоянке в таком опасном уголке, пережидая

классический ураган Карибского моря, разражающийся обычно в это время года?

— Да, — отвечает мне Кайар, — ураган пройдет севернее.

— Честное слово, я в этом не совсем уверен!

Между тем, учитывая состояния моря и неба, я должен принять безотлагательное решение: либо отказаться от дальнейших раскопок и быстро покинуть риф, либо ускорить работы по розыску сокровищ. Ведь мы получили официальное предупреждение о наступлении циклона.

Четверг, 15 августа. Сегодня день Успения Богородицы, то есть праздник галиона «Нуэстра сеньора де ла консепсьон». День начинаю с обычной утренней инспекции рабочей площадки. Вода мутная. Унылая обстановка. Объясняю Бернару, в каком направлении надо сегодня вести раскопки. Нахожу к северу от холма ящик из-под пивных бутылок. Он служил, вероятно, тарой для взрывчатки, которой пользовались наши непосредственные предшественники. Все остальное — по-прежнему тайна.

Перегруппировываю людей с таким расчетом, чтобы помимо четырех бригад, которые работают с землесосом и расчищают площадку в течение 12 часов в сутки, создать еще одну временную бригаду, возглавляемую Гастоном. Ей будет поручено вскрыть центральную часть холма с помощью ручных буров. Гастон приступает к атаке во второй половине дня, но ему приходится работать в очень беспокойной воде, и он быстро обнаруживает, что холм сложен скорее песком, чем кораллами, и без землесоса здесь не обойтись. С завтрашнего дня временная бригада начнет вскрывать крупные глыбы, чтобы облегчить работу наших посменных бригад.

Дюма погружается в воду в 9 часов 30 минут и поднимается на дневную поверхность в 11 часов. Он сообщает, что, продвигаясь к левому борту галиона на уровне залегания досок, обнаружил какое-то черное компактное скопление обломков, состоящее из досок, ржавых гвоздей, бутылок, черепков глиняной посуды, обручей от бочек. На этот раз, по его мнению, мы попали в то место, где хра-

нился груз. Поднимаем на борт две глыбы этого конгломерата весом по 100 — 300 килограммов и осторожно разбиваем их. Ничего интересного в них не оказалось.

До этого, примерно в 9 часов, мы опорожнили две переполненные корзины, поднятые с «Джемс энд Мэри», так как плоту грозила опасность пойти ко дну под их тяжестью. К концу второй половины дня Дюма поднимает наверх доску, к которой с нижней стороны прикреплен кусок войлока с обломками дерева и четырем дырками от маленьких прямоугольных гвоздей. Что это? Заплата? Попытка заделать течь? Если это так, то: 1) найдена доска от корпуса судна и 2) этим судном была «Нуэстра сеньора де ла концепсьон», которая, судя по дошедшим до нас рассказам, текла как решето с той самой минуты, как была спущена на воду.

Наконец в соответствии с прогнозами разразился шторм. Это означает отдых для всей команды.

Сначала над нами проносится шквал, и все семь точек крепления якорей великолепно выдерживают это испытание. Чтобы проверить их состояние, направляю водолазов для осмотра. Все в полном порядке!

Но настоящий праздник начинается вместе с дождем. Его принес с собой ветер, и вот уже на нас обрушился теплый, нежный, чудесный поток. Целительный бальзам для растрескавшейся, иссушенной кожи. И мы с наслаждением принимаем этот очищающий душ. Ниспосланный небесами, ливень уходит от нас на север. Кайар был все-таки прав!

30—40 циклонов за три столетия

Интересная беседа с Реми де Хененом, который делится со мной итогами своих размышлений. Они сводятся к гипотезе старения деревянных судов. Что же именно произошло с галионом за три столетия пребывания в коралловой среде? Был ли он раздавлен тяжестью известняковой толщи? Сохранил ли при погружении в воду вертикальное положение?

По мнению де Хенена, палуба и все пушки в течение одного столетия постепенно сползли на правый борт. Ведь известно, что затонувшее судно с самого начала кренилось на этот борт. Гипотеза де Хенена, будь она верна, помогла бы понять, почему все найденные нами доски были палубными, а не от корпуса судна. Корпус должен находиться где-то южнее. Пушки соскользнули на правый борт, и поэтому мы, видимо, не нашли орудий с левого борта.

Несомненно, чтобы полностью разгадать тайну затонувшего судна, необходимо также учитывать воздействие циклонов. В среднем над рифом Силвер-Банк за каждое десятилетие проносится один циклон. А это означает, что «Нуэстра сеньора де ла консепсьон» за то время, что она пролежала под водой, перенесла 30—40 циклонов.

Кроме того, де Хенен и все моряки, хорошо знающие этот район, утверждают, что нередко в неблагоприятный для навигации сезон высота валов, разбивающихся о рифы Силвер-Банк, достигает 12 метров. В лощинах также упоминается о валах, которые с яростью обрушиваются на это мелководье. Дробящиеся валы, несомненно, перемещали обломки затонувшего корабля.

Именно этой проблемой страстно увлекся Фредерик Дюма, занимаясь подводными археологическими раскопками. Его точка зрения, правда, существенно отличается от гипотезы де Хенена.

— Я никогда не покушался на прерогативы археологов и посвятил свои исследования образованию «формаций затонувших судов». Меня интересует судьба потерпевших крушение судов с момента трагической развязки.

Все 30 лет, проведенные в исследованиях и раскопках, я пытался понять, почему судно, поглощенное морем, стало таким, каким мы его находим.

При первом же взгляде на какой-нибудь участок морского дна, где, кроме горлышек амфор, застрявших в песке, ничего не видно, Дюма может сказать, что имеет дело с большим кораблем, определить глубину его погружения в ил и степень сохранности.

Этими знаниями Фредерик обязан многочисленным экспериментам, проведенным над сотнями судов, погибших в Средиземном море. Дюма руководил многими подводными раскопками, но главное, занимался разведкой. При этом он прошупывал морское дно стержнем из нержавеющей металла длиной около двух метров, определяя контуры затонувшего судна. Своим немудреным инструментом Дюма пользуется виртуозно, подобно слепому, которому палка позволяет обрести уверенность в движениях.

Дюма разработал свою теорию положения затонувших судов на дне моря:

«В море, как и на суше, непрерывно накапливаются осадки. На суше они погребают мертвые города и памятники былых времен. То же происходит и с кораблями, покоящимися на дне моря.

Под водой течения перекачивают песок, который застревает в затонувшем судне. Вдоль побережий морское дно повсюду поднимается. Часть этих отложений — результат поверхностной эрозии, вызванной атмосферными осадками, другие — результат ветра. Что же касается затонувшего судна, то вокруг него скапливаются и морские организмы, оставляя на нем прочные наросты — ракушки, известковые скелеты и водоросли.

На коралловых рифах в районе Силвер-Банк вклад морских организмов весьма значителен, ибо жизнь тут бурлит, а кораллы развиваются с невероятной быстротой. Вот почему мы находим здесь глыбы весом четыре-пять тонн, которые не в силах даже сдвинуть с места.

Кораллы постепенно покрыли затонувший корабль полностью, но в свою очередь становились жертвами рыбы-попугая, которая превращает их в песок. В этом случае морское дно между коралловыми колониями имеет равномерный уклон.

С того момента как мы добрались до уровня этих осадков, начали находить черепки посуды под слоем толщиной 40—60 сантиметров. Песок перемешан с коралловыми ветвями, образующими изолированные кусты, ко-

торые мы называем «трубчатыми чашками». Это изогнутые под углом ветки.

Изучение эволюции коралловых образований за трехсотлетний период очень увлекательное дело, но вселяет мало надежды на успех археологических раскопок в этих водах. Весьма вероятно, что многие затонувшие суда, погребенные в коралловых районах Мирового океана, останутся там навеки».

Воспоминание о Красном море

Кораллы растут неравномерно. Это ясно видно на примере таких крупных колоний, как на рифе Силвер-Банк. Между коралловыми образованиями встречаются пробелы, пустоты. Очевидно, в этих местах кораллы не развиваются, то ли из-за недостатка света, то ли из-за водоворотов. Поскольку точную причину установить пока не удастся, приходится ограничиваться констатацией факта.

Тем не менее обнаружить судно, даже полностью погребенное под коралловой толщей, можно по разбросанным вокруг предметам — пушкам или якорям. Мы хорошо знакомы с другим коралловым районом, а именно с Красным морем.

Вечером Дюма делится воспоминаниями об этой экспедиции с молодыми людьми, которых не было с нами тогда в Красном море.

— Когда мы огибали «Мир без солнца» (коралловый атолл. — *Примеч. ред.*) возле Шаб-Руми, греческие матросы с сопровождающего нас грузового судна «Росальдо», собирая ракушки на рифе, обнаружили античные амфоры. Они известили меня о находке, и я тотчас отправился на риф, чтобы осмотреть и сфотографировать амфоры.

Амфоры, по всей вероятности, попали туда с острова Кос, но относились к периоду Римской империи. Было любопытно посмотреть, что сделало с ними море примерно за двухтысячелетний период. Амфоры, словно драгоценные камни, были заключены в оправу из кораллов. Морская абразия обточила их подпорки так, что каза-

лось, будто они стоят на маленьких коралловых колоннах, украшая камни какой-нибудь ундины. Несомненно, где-то неподалеку находилось затонувшее античное судно, но где именно?

Дюма прав. Мы еще почти ничего не знаем о процессах, протекающих вокруг затонувшего судна в коралловых морях.

Вот почему такое важное значение приобретает наш эксперимент у рифа Силвер-Банк. Это первые систематические раскопки с применением таких мощных технических средств.

Следы, оставленные Фиппсом

Пятница, 16 августа. Утреннее погружение в воду вместе с Раймоном. Погода довольно унылая. Вся рабочая площадка покрыта «пылью» с «Джемс энд Мэри». Раймон поднимает американское кайло (вчера мы нашли долото!). Какая злая насмешка! Ведь все, что мы вчера вскрыли, никем не тронут!

Продолжаем рыть вторую поперечную траншею на уровне так называемых «палубных досок», причем вскрываем массу разных «конгломератов», особенно в задней части траншеи (корма и левый борт). К концу дня траншея упирается в твердую белую массу, видимо выйдя за пределы затонувшего судна. Отсюда следует, что либо размеры галиона меньше, либо он не продвинулся так далеко вперед, как на нашем плане.

Утром Гастон удалил с холма глыбы. Вечером он атаковал холм на уровне последней пушки с середины правого борта, чтобы попытаться вскрыть другие орудия. Дюма и Жан-Поль тщетно обследовали подводную платформу и повстречались там с акулой.

Подняты еще три пушечных ядра. Нас преследует все та же мучительная загадка: куда подевались пушки с левого борта? Найдены: очень массивный кусок дерева со следами болтов и гвоздей; две великолепные, почти не поврежденные прямоугольные бутылки, заполненные песком и чудом уцелевшие при всеобщем разгроме, маленькая бесформенная пластинка из металла, более твердого, чем свинец, но с его примесью, современное американское кайло со сломанной рукояткой, подошвы от сандалий наших непосредственных предшественников и, главное, еще одна печать для пломбирования, принесенная Рианом и оказавшаяся в лучшем состоянии, чем все остальные.

В 11 часов я снова погружаюсь в воду, чтобы натянуть синий нейлоновый трос у заднего конца траншеи и установить ряд буйков у передней ее границы. Нас было семеро на рабочей площадке, и мы работали как в густом тумане из-за илистой мути, поднятой нами в тот момент, когда течение прекратилось. Я ничего не различал на расстоянии двух метров, но слышал урчание землесоса, удары кайл о коралловый известняк, мерное дыхание водолазов. Это озвученное представление было поистине фантазмагорическим.

Дюма также сделал важное открытие. Он нашел возле двух пушек на втором холме два старинных ручных бура,

застрявших под кораллами. Не были ли они брошены здесь самим Фиппсом и его водолазами? Не погребена ли по соседству корма галиона?

В связи с этим открытием на борту «Калипсо» выдвигается новая теория: разбилась только носовая треть галиона, а все остальное сместилось под углом 30, а может быть и 90°. Если принять первое предположение, то становится понятным, почему на втором и третьем холмах оказались четыре пушки.

«Это форштевень!»

Суббота, 17 августа. Этот день чрезвычайно насыщен всякого рода событиями, находками, спорами и гипотезами. Время позднее — 19 часов 30 минут. Компрессор умолк. Наконец наступила тишина. Чувствую себя разбитым и опустошенным морально и физически. Но какое все же увлекательное приключение!

Запаздываю с утренним погружением. На дно опускаюсь только в 6 часов 45 минут с Сержем и Рианом. Вода довольно прозрачная, но нельзя ни к чему прикоснуться — тут же поднимается муть. Ведь наша рабочая площадка захламлена, а сегодня нет ни малейшего течения. Тотчас мне бросаются в глаза следы, оставленные «конгломератом». Вне всякого сомнения, затонувшее судно расположено дальше, примерно в трех метрах по направлению к корме. В том месте, где мы роем траншею, оно очень узко, то есть совсем рядом должен быть форштевень. А те две пушки, которые меньше всех остальных, были расположены на носу. Теория разлома судна получила наглядное доказательство! Приказываю Сержу прекратить рытье поперечной траншеи и посылаю его, как предлагал Раймон, просверлить скважину глубиной 60—80 сантиметров под круглыми горшками в средней части траншеи у подножия холма. Здесь мы находим семь целехоньких горшков. Но они лежат в стороне от линии разлома. Несомненно, какой-то ящик с посудой вывалился из разбитого корабля.

Я тем временем руковожу перемещениями «Калипсо», поплавков землесоса и плота «Джемс энд Мэри», с тем чтобы расположить весь этот комплекс поудобнее для вскрытия третьего холма.

Пока Дюма и Бассаже находятся в воде, наношу на кальку план галиона, расколовшегося пополам, и совмещаю кальку с планом местности. Все как будто увязывается.

— Нам нужен галион, изогнувшийся, как змея, — восклицает Дюма.

У него есть для меня важные сообщения. Фредерик нашел в холме у подножия скал нечто вроде ночного горшка, который он, к сожалению, разбил своим ручным буром. Кроме того, он обследовал второй холм в том месте, где нашел вчера два старинных ручных бура. Дюма обнаружил, что склон этого конического холма, покрытого повсюду жесткой известняковой корой, перегибается почти под прямым углом там, где вчера валялись ручные буры. Напрашивается вывод, что именно в этом месте Фиппс или позднее кто-нибудь из его современников оторыл камеру с сокровищами. На моей новой кальке с планом разбитого судна как раз в этом месте должна находиться корма галиона «Нуэстра сеньора де ла консепсьон».

В 9 часов 30 минут снова погружаюсь в воду, на сей раз с Мишелем Делуаром. Посещаем рабочую площадку, где ведутся раскопки холма, а затем направляемся к вершине второго холма, чтобы наши кинооператоры засняли открытие Дюма. Да, действительно, мощная жесткая кора, обволакивающая этот холм, была раздроблена в этом месте несколько веков назад. Мы заканчиваем прием морской ванны дальним заплывом для повторного обследования изолированно лежащего якоря (условно названного «кормовым»), кучи кирпичей от камбузной плитки, которые, как нам кажется, лежат там, где им полагается, трех чугунных котлов и одного сильно поврежденного медного котла. Повсюду разбросан железный лом. На мой взгляд, в этом месте затонуло другое, тоже очень ста-

ринное судно, полностью погребенное под коралловым известняком. Оно почти примыкает к рифу, от которого его отделяют какие-нибудь шесть — восемь метров.

Устраиваюсь на палубе «Калипсо», чтобы поскорее просохнуть. Над нами кружит самолет военно-морского флота США («Локхид-Нептун»), чтобы опознать и снова сфотографировать наше судно. В знак приветствия летчик помахал нам рукой. Отныне он будет наносить нам еженедельные визиты, чтобы внести некоторое разнообразие в скучное патрулирование здешних вод. Интересно, что летчик думает о нашем «Джемс энд Мэри», гордо несущем свое звучное имя, выведенное крупными буквами?

Керамический груз

Как раз в это время на борт «Калипсо» поднимается Раймон. Он сильно возбужден, хотя слывет среди нас человеком невозмутимо спокойным и молчаливым. Раймону посчастливилось найти нетронутую керамику. Он захватил с собой несколько великолепных вещиц и снова погружается в воду, потребовав кинооператора. Мишель Делуар ныряет вслед за ним и снимает на пленку место раскопки и подъем на борт «Калипсо» множества прелестных маленьких чашечек с декоративным рисунком, а также чаш побольше и поглубже и нескольких ночных горшков. Победа! На этот раз мы действительно имеем дело с грузом галиона. Постепенно водолазы раскапывают груды чаш и хрупких чашечек, оставшихся невредимыми. Все они вложены одна в другую, как при упаковке посуды в ящики. Основываясь на этом факте, Дюма высказывает предположение: ящики с посудой находились на палубе и, когда корабль накренился и стал погружаться на дно, соскользнули в море, где и остались невредимыми. Если бы такие хрупкие вещицы остались в трюме, они бы неизбежно разбились в случае повреждения шпангоутов.

При виде этих чашечек и чаш, которые водолазы поднимали на борт «Калипсо», к нам вернулась бодрость. При первом взгляде эти изящные вещицы кажутся подлинной китайской керамикой, которая стоит огромных денег. Раз мы нашли дорогую посуду, не подлежит сомнению, что вскоре будет обнаружено и золото.

Во всяком случае, это открытие имеет принципиальное значение. Если мы действительно имеем дело с китайской керамикой, то ее присутствие доказывает, что погрузка производилась в Веракрусе и галион следовал обратным рейсом в Европу. Мы бы потерпели позорное фиаско, если бы оказалось, что затонувшее судно направлялось в Новую Испанию и не успело еще погрузить на борт сокровища Нового Света.

Перед нами серьезная проблема: необходимо выяснить, действительно ли мы имеем дело с китайской керамикой, той, которую тихоокеанский галион «Нао де Чина» доставлял с Филиппинских островов в Акапулько. Оттуда караван мулов, конвоируемых многочисленным и хорошо вооруженным отрядом, переправлял, наконец, этот драгоценный груз из далеких стран на Атлантическое побережье. Так он попал в Веракрус, где его поджидали корабли флотилии Новой Испании.

— Китайская керамика, я в этом не слишком уверен, — промолвил, покачивая головой, Фредерик Дюма. — Во всяком случае, это оригинальные вещицы... Интересные. Никогда таких не видел!

Этим вечером засиживаемся допоздна. Все сильно утомлены. К радости, доставленной находкой, как всегда, примешивается усталость.

Решаю завтра утром не рыть траншею и начать рабочий день в 8 часов утра.

После обеда де Хенен пытается очистить черепки посуды соляной кислотой. Все вытравлено, включая орнамент. Зато мы немало посмеялись!

Подводим баланс за прошедший день: пять-шесть тонн раздробленного и размельченного кораллового известняка; мешочек с гвоздями, уложенными валетом —

шляпка к ножке, четыре ядра, семь целых горшков, резной эфес от шпаги, четыре ночных горшка (в том числе два целых), 88 отдельных неразбитых чашечек, 19 чашечек тоже целых, но вложенных одна в другую и склеившихся до такой степени, что вряд ли их удастся разъединить, 36 отдельных целых чаш, 23 целых, но склеившихся (в целом 107 чашечек и 59 чаш) и многочисленные черепки.

Воскресенье, 18 августа. Это воскресное утро трудно назвать скоромным. Первый легкий завтрак в 7 часов утра, а затем в 8 часов ныряю вместе с Бернаром.

Компрессор «Уортингтон» остановлен на сутки. Блаженная тишина! Во время утреннего погружения мы с Бернаром решаем немного приподнять землесос и подложить под него шину, чтобы он не терся о кораллы. Обследую с Бернаром яму, где найдена посуда. Она находится менее чем в двух метрах от «пушки Дюма». На «правом борту» найдены ночные горшки, вложенные одна в другую чаши и, наконец, расставленные в образцовом порядке тонкие, украшенные орнаментом чашечки. Все это находилось под большими камнями, и некоторые вещицы еще остались среди этих камней, очень напоминающих то, что Гастон называет «земной корою».

Вместе с Бернаром направляюсь ко второму холму, чтобы обследовать выемку, оставленную старинными искателями сокровищ: она производит поразительное впечатление. Но самое необычайное заключается в том, что водолазы эпохи Фиппса, которые просверлили эту дыру двумя найденными нами ручными бурами, позаботились о том, чтобы ее засыпать обломками вскрытых ими коралловых глыб... Камуфляж почти безупречен! Мы погружаемся в раздумье. Кто это сделал? Люди Фиппса, которые рассказывали о том, «как трудно разбить коралловую корку, покрывающую корпус»? Нет, скорее это пираты, которым Фиппс доверил вести раскопки при условии, что они отдадут ему половину добычи. Они, возможно, нашли что-нибудь такое, чем не захотели с ним поделиться, и засыпали свой тайник, но так и не смогли вернуться

на это место. Захватывающий роман в стиле Стивенсона! Диди погружается в воду, чтобы «почистить» открытые доски. Я повторно ныряю на дно вместе с Дюма, на этот раз в своем костюме «Калипсо», чтобы Делуар мог заснять в прозрачной воде «Посещение рабочей площадки на 14-й день»... Опять вспоминаю «Вид под Верденом» из учебника истории. Передо мной поле битвы, изрытое траншеями, и брошенные на нем пушки.

Укладываю синий нейлоновый канат, чтобы оконтурить новое место раскопок поперек южной части третьего холма, включая сломанную пушку.

В 13 часов работа возобновляется, но без землесоса. Четыре бригады плетут корзины и строят большие глыбы. Вечером почти все глыбы удалены с южной части холма. Под одной из них находим новую пушку, одиннадцатую по счету. Из кораллового известняка торчит только ее дуло.

Гастон тем временем расчистил «тайник буканьеров» на втором холме. Он обнаружил плоскую, сложенную обломками террасу, которую завтра придется атаковать землесосом типа «печная труба».

Кипятильник работал целые сутки и выдал тонну воды. Реми готовит нам пунш после воскресного полудыха. Моральный дух экипажа вновь поднялся. Реми весь день запаковывал влажную керамику в пластмассовые мешки и укладывал их в ящик.

Понедельник, 19 августа. В 6 часов 30 минут погружаюсь в воду вместе с Бернардом, который запускает землесос. В 9 часов, пока продолжаются раскопки третьего холма, Гастон запускает новый землесос в «яму буканьеров». Компрессор, подавая воздух двум землесосам, работающим одновременно, рычит как зверь.

Бригады водолазов сменяются у землесоса в зоне керамики. Практически отсюда уже извлечены последние чашечки и чаши.

Дюма по-прежнему уверен, что мы ведем раскопки вне галиона, который находится где-то юго-восточнее от линии пушек. Между тем последняя бригада, поднявшая-

ся на борт «Калипсо», принесла латунный шприц, покрытый коррозией, а также маленькую треснувшую и забитую песком колбочку, в которой еще сохранились капельки ртути. Что это? Судовая аптека? Под новой пушкой нашли картечь, ядра и непочерневшее дерево. Подводим итоги: мы закончили раскопки носовой части и установили возможность и даже вероятность разлома судна на две части, но точное место разлома нам неизвестно. Между тем только этим разломом можно объяснить положение изолированных пушек со второго холма. Нам известно также, что третий холм начинен либо обломками галиона, либо его грузом. По-прежнему мы еще не знаем точного расположения обломков корабля. Не обнаружено также никаких следов кия. Итак, тайна еще не разгадана.

Бернар заметил ступень, соединяющую два холма. Доказательство, что корпус был сплюснен и увяз в песке.

Темпы работы (12 часов с обычным землесосом и три часа с землесосом типа «печная труба») изнурительны. Сколько времени мы сможем их выдержать?

Землекопы и дробильщики кораллов с каждым днем теряют все больше сил. Порезы, которые они себе наносят, работая среди шероховатых скал, воспаляются, и тело покрывается незаживающими язвами. Но все без исключения отработывают положенные часы под водой. Большая часть водолазов исследует дно ногтями. По возвращении на дневную поверхность у них еще хватает сил поделить планами на будущее и пометчать о богатстве.

Что касается де Хенена, то он по-прежнему верит в удачу. С волевым в глубоких морщинах лицом, одержимый страстью искателя сокровищ, упорный и неутомимый, Реми трудится с полной отдачей. Он убежден, что мы нашли галион «Нуэстра сеньора де ла концепсьон», полагая, что теперь все дело в терпении и труде. Технические средства, которыми мы располагаем, представляются ему надежным залогом успеха.

Визит акул

Здесь обломки кораблекрушения совсем не походят на те, которые мы встречали в Средиземном и даже в Красном морях. Они полностью окаменели под воздействием кораллов, разбиты и непознаваемы. Здесь не встретишь ни осьминога, ни меру. Вокруг только рыбы — обитатели кораллового дна. Вначале они разбегались при нашем появлении, но теперь несколько нас не боятся. Большие барракуды, особенно Жюль, не расстаются с водолазами. Жюль никогда не проявляет агрессивности, но слишком часто прикасается к ныряльщикам.

Кастаньолы — рыбы, живущие среди кораллов, приходят в ярость и нападают на водолазов, когда те разрушают их убежища.

Во время моих первых посещений этих мест дно кишело акулами. То были серые акулы¹ довольно крупных размеров. Но наши ребята встречались в Красном море и не с такими разбойниками, поэтому даже самые молодые члены экипажа быстро научились не обращать на них никакого внимания.

Как только мы запустили компрессор, серые акулы исчезли, и с ними мы больше не встречались. У акул тонкий слух, и поэтому их притягивают даже отдаленные взрывы или удары, но они не переносят длительного шума и страдают от него не меньше, чем люди.

Все же вчера нам нанесла визит большая синяя акула². Величественная, гордая и несколько претенциозная, она сделала круг по рабочей площадке и удалилась, даже не удостоив нас взглядом. Правда, в это время компрессор не работал.

¹ Серые, или пилозубые, акулы (виды рода *Carcharhinus*) особенно опасны для человека.

² Синяя акула (*Prionace glauca*) встречается, как правило, в открытом море ближе к поверхности. Достигает 4,5 метра в длину.

Глава десятая

МОРСКИЕ КАТАСТРОФЫ

Франция в Карибском море. — Сокровища бухты Виго. — Роскошь Нового Света. — Богатейшая клиентура. — Смехотворная флотилия. — Циклон на побережье Флориды. — Десять кораблей пошли ко дну. — Тысячи мертвецов. — Сокровища — в море. — Из Дельфта по всему свету. — Французская Ост-Индская компания

Смена династии на испанском троне должна была резко изменить соотношение сил на Карибском море. Карл II, весьма посредственный, умственно неполноценный человек, страдавший эпилепсией, скончался без наследника в 1700 году. Он завещал престол герцогу Анжуйскому, внуку Людовика XIV, который известен под именем Филиппа V. Так представитель династии Бурбонов занял трон Карла V. По свидетельству историка, это был «симпатичный, восторженный, преисполненный добрых намерений, но нерешительный человек». Европейские го-

сударства не могли смириться с таким союзом, который превращал Испанию и Францию в самую грозную в мире силу, хотя экономическое положение этих стран было далеко не блестящим.

Людовику XIV и Филиппу V пришлось бороться против Англии, Австрии и Нидерландов. Это была война за испанское наследство.

Пересечение Атлантики стало для испанских галионов еще более рискованным предприятием. За три столетия Испании так и не удалось стать настоящей морской державой. У нее осталось не больше 15 военных кораблей, причем все они находились в скверном состоянии. У Франции было 60 военных судов, тогда как Англия и Голландия располагали каждая вдвое большим количеством.

С начала XVIII века испанский военный флот не в состоянии был обеспечить безопасность сообщения с Америкой. Кроме того, и качество испанских судов улучшилось незначительно. Разумеется, галионы стали более надежными и легкими. Их носовые и кормовые надстройки уже не так высоко поднимались над водой. Однако значительных успехов в судостроении добились англичане и голландцы. Их корабли были хорошо вооружены, отличались прекрасным парусным вооружением и приобрели изящные обводы.

Франция к тому времени под влиянием Кольбера¹ стала обладательницей флота, который вполне мог помериться силами со своими противниками. Вот почему именно французский флот обеспечивал сообщение своего союзника с Новым Светом и охрану его колоний. Но Франция рассчитывала получать какие-либо выгоды от той помощи, которую она оказывала «плавающим сокровищницам» Испании. Людовик XIV потребовал, чтобы французским морякам была предоставлена свобода торговли с испанскими колониями. Со своей стороны, он принял решительные меры против французских фли-

¹ Жан Батист Кольбер — министр финансов при Людовике XIV.

бустьеров, которые в поисках богатств добрались даже до Южного моря. Их преследовали, громили и уничтожали.

Судовладельцы, купцы Сен-Мало, Нанта и Бордо начали вести торговлю вдоль всего побережья Южной Америки. Следуя примеру флибустьеров, они огибали мыс Горн и сбывали свои товары повсюду, вплоть до Перу.

В 1709 году одна французская компания получила исключительное право на поставку черных рабов в Вест-Индию.

Франко-испанская флотилия

На море Испания была довольно обременительным союзником. Франции приходилось считаться с обидчивостью вице-королей, алчностью знатных сеньоров и, главное, с бюрократической тиранией Каса де Контратасьон. Этот бюрократизм привел позднее Испанию к катастрофе — одному из самых тяжелых поражений на море, которое когда-либо знала эта страна.

11 июня 1702 года французский вице-адмирал, маркиз де Шато-Рено вышел в плавание из Гаваны в Кадис. Были приняты все меры, чтобы обеспечить охрану 22 галионов, перевозивших чрезвычайно ценный груз, включавший драгоценные металлы и дорогие товары. Официально этот груз оценивался в 30 миллионов пиастров. Но его фактическая стоимость с учетом нелегальных товаров была значительно выше. В командном составе флотилии испанскую сторону представлял генерал-капитан дон Хуан де Веласко.

Флотилия успешно преодолела Атлантику. Но на траверзе Кадиса богатый караван уже поджидала англо-нидерландская эскадра под командованием адмирала Рука.

Предупрежденный о присутствии вражеских кораблей в испанских водах, Шато-Рено мог бы привести флотилию в один из французских портов, но этому препятствовали предписания Каса де Контратасьон. Испан-

цы, видимо, опасались за сохранность своих сокровищ на подчиненной французскому королю территории.

Во избежание встречи с английской эскадрой один из испанских капитанов предложил привести суда в бухту Виго, которая, по его словам, могла служить надежным убежищем. Шато-Рено принял это предложение.

Галионы бросили якоря в глубине бухты, тогда как военные корабли блокировали узкий вход. Пришлось срочно восстановить разрушенные укрепления. Проход перекрыли заградительными бонами¹. Пушки, снятые с кораблей, образовали береговую батарею.

Бюрократическая регламентация

Времени было вполне достаточно, чтобы перенести на берег весь груз. Но ни один человек, даже принц Барбансонский, королевский генерал-капитан, не осмелился отдать такой приказ. Дело в том, что правилами Каса де Контратасьон запрещалась разгрузка судов в отсутствие ее представителей.

На протяжении веков неукоснительно соблюдался разработанный до мельчайших деталей церемониал: как только флотилия появлялась на траверзе Кадиса, представитель Каса де Контратасьон устремлялся навстречу галионам. Он поднимался на борт генерал-капитанского корабля, где ему передавалась инвентарная опись груза, а затем рассылал своих агентов на все галионы, чтобы зарегистрировать доставленное золото, серебро и товары. Разумеется, в описи указывалось от трети до половины фактического груза. Но в конечном счете дело улаживалось ко всеобщей выгоде.

До того как закончится эта церемония, никакой груз нельзя было доставлять на причал. К берегу не разрешалось приближаться ни одному кораблю. Это прежде всего

¹ Б о н ы — плавучие препятствия, преграждающие судам противника доступ в бухты, порты и т. д.

устраивало чиновников, стремящихся урвать свою долю барыша.

Удастся ли флотилии, укрывшейся в бухте Виго, обойти эти нелепые формальности? Принц Барбансонский отправил с курьером депешу в Мадрид, чтобы получить соответствующие указания. В Мадриде созвали Совет по делам Индий, который вынес решение выгрузить на берег драгоценный груз, принадлежащий королю. Совет отправил в Виго представителя, который прибыл туда две недели спустя после трагического финала.

Катастрофа

23 октября английский адмирал Рук высадил на берегу бухты два отряда общей численностью четыре тысячи человек, и они захватили укрепления. Одновременно он направил к заградительным бонам два корабля, с 80 пушками на каждом, которые их затопили. Вся англо-нидерландская эскадра вошла вслед за этими кораблями в бухту Виго, где разыгралось жестокое сражение. Противники расстреливали друг друга в упор. Тяжелые корабли, запертые в бухте, лишились маневренности. Англичане стреляли раскаленными ядрами, и головешки, разлетаясь по ветру, поджигали как французские, так и английские корабли. Охваченный пламенем адмиральский корабль Рука «Торбей» был покинут экипажем. Французский корабль «Солид» взорвался с таким грохотом, будто предвещал конец света. Один за другим французские суда теряли мачты, загорались и, раснащенные, сносились течением.

Видя, что сражение проиграно, Шато-Рено отдал приказ капитанам уничтожить французские корабли, чтобы они не достались врагу.

Генерал-капитан дон Хуан де Веласко, со своей стороны, распорядился поджечь галионы. В страшном хаосе сражения матросы охваченных пламенем галионов бросились к берегу. Полуголые, обожженные, измученные

до предела, они все же тащили на себе серебряные слитки, золотую посуду или мешки с пиастрами.

Добыча англичан достигла полутора миллионов фунтов стерлингов, а между тем из 19 галионов им удалось захватить только пять, причем один из них пошел ко дну в Бискайском заливе. Остальные сокровища остались на дне бухты Виго. Отыскать их мечтали многие поколения водолазов. Мечты эти живы и в наши дни.

Кстати, заметим, что охотники за сокровищами обнаружили в одном из кораблей, затонувших в бухте Виго, груды осколков китайского фарфора.

Один из последних водолазов, обшаривших бухту Виго, подсчитал, что на затонувших судах и в иле осталось по меньшей мере 40 320 тысяч монет достоинством в восемь реалов.

Самым пикантным, пожалуй, в этой истории является то, что значительная часть груза галионов принадлежала английским и голландским купцам. Они обычно действовали через подставных лиц, поскольку лишь испанцам предоставлялось право присоединиться к «золотой» флотилии.

Огромное богатство

Одним из наиболее удачных решений Филиппа V было назначение «генерал-капитаном моря» бывшего французского флибустьера Жан-Батиста Касса. Он нанес поражение англичанам и удачно провел флотилию Новой Испании через Атлантический океан.

Касс возглавил военную экспедицию на Ямайку, в логово буканьеров, и превратил этот остров в самый крупный торговый центр Нового Света.

Менее чем за столетие карибские страны необычайно разбогатели, и не только за счет золота, награбленного с галионов. Ямайка, в частности, обязана своим богатством товарам, которые вывозились в Англию или Северную Америку. К их числу следует отнести в первую очередь сахар, ром и патоку, которые обеспечивали также

процветание Санто-Доминго. К этому надо добавить хлопок, табак, имбирь и контрабандные товары для испанских колонистов. Крупные барыши приносила и торговля африканскими рабами. В 1712 году работоторговля, контролировавшаяся французами, перешла в руки англичан.

Испанцы, обосновавшиеся в Новом Свете, также разбогатели. В глазах Европы они превратились в клиентуру, которая уже больше не нуждалась в орудиях производства и продовольствия, а предъявляла спрос на предметы роскоши — дорогое оружие, шелковые ткани и тончайший фарфор.

Новые торговые пути

Теперь трудно определить интенсивность торговых операций, развернувшихся в карибских странах в XVIII веке, или подсчитать количество судов, направлявшихся на «Острова» из Европы. Торговля развивалась, несмотря на все опасности, связанные с деятельностью пиратов и с условиями навигации. Правда, за истекшие века моряки накопили богатый опыт. Они лучше изучили труднодоступное побережье, рифы, а главное, господствующие ветры и яростные штормы, бесчинствующие в Карибском море, которое еще сто лет назад именовалось Испанским. Чтобы попасть в это море, предстояло преодолеть гирлянду опоясывающих его островов. Теперь уже были известны и многие другие проходы, кроме Флоридского пролива, а именно — водный коридор между Кубой и Эспаньолой, пролив Мона между Эспаньолой и Пуэрто-Рико. Наконец, один из торговых путей начинался непосредственно у северного побережья Тринидада и, миновав Мартинику и Гваделупу, пересекал Малые Антильские острова. Все эти пути сходились на Бермудских островах, где суда попадали в воды Гольфстрима и подхватывались западными ветрами.

Корабли в ту эпоху еще не умели лавировать, но их капитаны уже открыли один немаловажный секрет: они

заметили, что вдоль побережья разница в направлении ветра ночью и днем достигает 10, а иногда и 20°. Моряки использовали эту перемену ветра при плавании вдоль берегов Колумбии и Венесуэлы, от Картахены до Тринидада.

Знакомые с этим открытием мореходы — англичане, французы, голландцы — теперь охотнее занимались торговлей, чем морским разбоем. Разумеется, они по-прежнему бороздили воды Нового Света, куда заходили за колониальными товарами: ромом, деревом кампече и сахаром. Но теперь барыши, приносимые европейскими товарами, которые они завозили в Америку, были не меньшими, чем доход от сбыта колониальных товаров в Европе. Дело в том, что Новый Свет стал крупным потребителем предметов роскоши.

Роскошь Нового Света

В начале XVIII века Новая Испания (современная Мексика) своей роскошью затмевала метрополию. В Новом Свете появилась своя «золотая» и «серебряная» знать — семейства графов или маркизов Лас Рейас, Отера, Валенсьяна, Обрегон, Руль. Они воздвигали в этой стране, где некогда им туго жилось, великолепные дворцы, вели светскую жизнь, устраивали блестящие празднества и приемы, носили шелковые одежды и тонкие кружева, обставляли свои палаты дорогой мебелью. Все это поставлялось из Европы.

Во дворцы вице-королей и местной испанской знати стекались изделия из венецианского стекла, зеркала из Сен-Гобена, парча из Флоренции, мебель из Парижа. Красавицы креолки носили кринолины и корсеты из Франции. К услугам местных шеголих были бархат, муслин, безделушки из слоновой кости, раскрашенные и набивные ткани.

Источником богатства обосновавшихся в Америке испанцев были не только рудники Нового Света. В Оахаке, например, колонисты наживали состояние на кро-

шечном насекомом — кошенили. Порошок, получаемый из обожженной кошенили, сделал переворот в красильном ремесле. Кошенилевые краски приносили Новой Испании годовой доход, оцениваемый в 8 миллионов ливров.

Шоколад и ваниль давали огромные барыши. Хинин (*Cortes peruvianus*), или «порошок иезуитов», как его тогда называли, пользовался большим спросом в Европе и продавался там по высокой цене. Черепашьи панцири и перламутр тоже приносили немалые доходы.

По мере того как эта торговля разрасталась, французы, англичане и голландцы обменивали свои товары на восьмидесятипроцентные испанских колонистов. Между тем рейсы галионов становились все более редкими. Испанские флотилии прожили долгую героическую жизнь. В былые времена морские караваны состояли более чем из ста кораблей. Но с начала XVIII века, после катастрофы в бухте Виго, конвои насчитывали в лучшем случае 10—12 судов.

Смехотворная флотилия

К концу 1712 года самое большее, что удалось сделать Испании, — это снарядить флотилию из двух военных кораблей, двух плашкоутов и старого торгового судна «Урка де Лима». Корабли флотилии Новой Испании, груженные европейскими товарами, соединились в порту Веракрус под командованием генерал-капитана дона Хуана Эстебана де Убилы. Одновременно флотилия Материка, которую возглавлял генерал дон Антонио де Эчеве-рес-и-Субира, бывший фактически богатым спекулян-том, прибыла в Картахену.

Из-за войны и морского разбоя конвои судов не пересекали Атлантику уже два года, вот почему обратный груз был исключительно большим и ценным.

Для де Убилы и де Эчевереаса пребывание на суше сильно затянулось. В те времена у Испании почти не бы-

ло приличных судов. Суда, пересекавшие Атлантику, были старыми и требовали серьезного ремонта.

Лучший из кораблей де Убильи, тот, на борту которого он находился, некогда принадлежал англичанам и был захвачен французами на траверзе Бич-Хеда. Этот корабль «Хемптон-Корт» был подарен Людовиком XIV своему внуку Филиппу V. Он был построен в Лондоне в 1678 году, модернизирован в 1701 году и, таким образом, достиг солидного тридцатипятилетнего возраста. «Урка де Лима» был старым торговым судном. Что касается дона Антонио де Эчевереса, то он располагал двумя французскими и двумя голландскими судами.

По прибытии в Новый Свет все суда пришлось ремонтировать и соскребать с них водоросли и наросты. Корпуса проконопачили и покрасили. Весь такелаж заменили новым из манильской пеньки. В результате ремонтные работы, которые велись медленно и небрежно, основательно затянулись.

Китайский фарфор

После ремонта началась погрузка, которая также заняла уйму времени. В первую очередь к отправке в Испанию были готовы драгоценные металлы. Два каравана под усиленной охраной доставили в Сан-Хуан-де-Улу серебряные слитки и монеты, отчеканенные на монетном дворе в Мексике.

Но пришлось дожидаться галиона «Нао де Чина», который еще не прибыл в Акапулько. Ему предстояло пересечь Тихий океан, чтобы доставить из Манилы чудесные китайские изделия, привозившиеся джонками на Филиппины.

Рынок в Маниле, где встречались испанские и китайские купцы, был вторым Эльдorado. Там можно было приобрести чудесные произведения искусства восточных культур, главным образом прелестные китайские фарфоровые изделия из Цзянси, которые пользовались таким огромным спросом в Европе.

Торговля между Европой и Дальним Востоком долгое время находилась в руках португальцев и арабов, которые добирались до Молуккских островов по Индийскому океану. Но испанцы открыли новый тихоокеанский путь и, обосновавшись в Маниле, захватили ключи от того чудесного мира, в который мечтал попасть Христофор Колумб, отправляясь в свое знаменитое плавание на запад. На галионы в портах Нового Света теперь грузили пряности, шелка, ситец, а также чудесные тонкие и прозрачные чашечки и чаши, производство которых пытались наладить у себя мануфактуры Франции, Германии и Голландии.

Итак, дон Хуан Эстебан де Убийля был вынужден дожидаться прибытия каравана, который, пересекая Мексику, доставлял из Акапулько драгоценный груз галиона «Нао де Чина». Ждать пришлось почти целый год. Ведь в этой стране ни лошадей, ни ослов еще не знали. Поэтому испанцы предъявляли такой большой спрос на мулов: в 1712 году в Америку их было завезено 100 тысяч голов.

Между тем дон Антонио де Эчеверес дождался в Картагене прибытия других караванов, тех, что, пересекая Дарьенский перешеек, привозили на Атлантическое побережье драгоценный груз, доставлявшийся на Тихоокеанское побережье галионами Южного моря. Перевалка груза происходила в основном в Кальяо, порте Лимы, бывшей столице Писарро.

Только в марте 1715 года флотилии Материка и Новой Испании были готовы к отплытию в Гавану, где они обычно соединялись для совместного пересечения Атлантики.

На Кубе они снова задержались, ибо прибытие галионов было здесь по традиции поводом для пышных празднеств.

Прошло уже три года с той поры, как кубинцы последний раз принимали у себя испанские флотилии, и им не хотелось лишаться привычных развлечений.

Многие купцы с нетерпением дожидались в Гаване прибытия флотилии, чтобы погрузить на ее суда товары,

предназначавшиеся для метрополии. Наконец, в Гаванской гавани находилось французское судно «Гриффон» капитана Даре. Груз этого судна был исключительно ценным, и французский капитан, опасаясь пиратов, попросил разрешения присоединиться к испанской флотилии на пути ее обратного следования к берегам Европы. Несмотря на возражения де Убильти, просьба Даре была удовлетворена.

Только 24 июня 1715 года флотилия, насчитывающая теперь 11 кораблей, снялась с якорей и, подняв паруса, продефилировала мимо крепости Эль-Морро.

Вид кораблей, ошестинившихся дулами пушек, с парусами, сверкавшими на солнце своей белизной, был еще довольно внушительный, несмотря на малочисленность флотилии. Но создаваемое конвоем впечатление было обманчивым. Перегруженные до предела, изъеденные древоточцами, с разошедшимися швами, все суда этой флотилии, за исключением «Гриффона», находились в жалком состоянии. Тем не менее им была доверена доставка ценнейшего груза.

Грозные небеса

Но, пожалуй, наибольшую опасность представляло столь запоздалое отбытие флотилии в неблагоприятный для навигации сезон. Конец июля в здешних краях обычно совпадает с приходом циклонов, или тропических ураганов, которые внезапно и с яростной силой обрушиваются на Антильские острова. А это было равносильно смертному приговору для обветшавших, перегруженных и слишком возвышавшихся над водой судов с их слабой маневренностью, на борту которых находилось более двух тысяч человек.

Море было тихим и прекрасным, небо — безоблачным, флотилия шла на север к Багамским островам. Но уже на исходе вторых суток погода испортилась: все небо заволочло тучами и видимость упала до нуля. Установи-

лась хорошо известная в этих краях «белая погода», не предвещавшая добра.

На следующую ночь поднялся ветер, и началась бортовая качка. Пассажиров и грузы швыряло из стороны в сторону. Утром по небу катились тяжелые черные тучи, а удушающая жара была просто невыносимой. На горизонте бесновались шквалы. Капитаны и лоцманы встревожились не на шутку. Вскоре сила ветра удвоилась. Флотилия находилась уже в водах Флоридского пролива между берегом, окаймленным смертоносными коралловыми рифами, и Большой Багамской банкой, утыканной подводными скалами. На каком расстоянии от берега шли корабли? Никто из людей, находившихся на борту галионов, не смог бы точно ответить на этот вопрос. Шторм достиг такой силы, что о замере глубин не могло быть и речи. Уже дважды смывало в море матросов, орудовавших лотом в бочке, вынесенной за нос корабля.

27 июля ураган с диким бешенством обрушился на галионы, ломая мачты и срывая паруса. Огромные валы то поднимали их на свои гребни, то бросали в пропасти между ними. Испанские суда не могли выдержать такого неистового натиска. Учитывая массивные формы, прямые паруса, узкий руль, отсутствие фок-мачты, они были лишены способности маневрировать. А беспощадный ветер упорно толкал их к берегам Флориды. Перепуганные люди молились в ожидании неминуемой гибели. Многих уже смыло в море, и они беспомощно барахтались в воде.

Вдруг наблюдатель с корабля де Убиля, увидев разбивающиеся о риф валы, издал громкий крик, но ветер отнес его в сторону. А в следующее мгновение галион уже налетел на скалы и разбился. Люди видели, как генерал-капитан дон Хуан Эстебан де Убиля, который за минуту до катастрофы стоял на кормовой надстройке в шелковом камзоле, со шпагой на боку и золотой цепью на шее (отличительный знак его высокого ранга), был подхвачен волнами вместе с сотнями своих людей и навсегда исчез в пучине.

Немного южнее корабль Антонио де Эчевереса также налетел на скалы и пошел ко дну. Одно за другим суда флотилии напарывались на коралловые скалы и разлетались вдребезги. Так погибло 10 кораблей. Из всей флотилии уцелел только французский корабль «Гриффон». Ему удалось обойти линию прибоя, так как Антуан Даре нарушил приказ о маршруте конвоя. Он держался чуть дальше к северо-востоку и поэтому избежал шторма. Свыше тысячи человек и 10 кораблей погибли в этой чудовищной катастрофе. Уцелевшие люди, обезумевшие от страха, полуголые и обессилевшие, собрались на берегу, а сокровища, оцениваемые в 14 миллионов долларов, пошли ко дну. Некоторые из спасшихся моряков, подобрав золото и драгоценности, отправились в глубь материка. Другие построили плоты и добрались до городка Сент-Огастин, преодолев довольно значительное расстояние. Но туда они попали не скоро. На место катастрофы были отправлены спасательные военные отряды, и испанцы с помощью местных водолазов начали поиски сокровищ, находившихся на корабле генерал-капитана де Убильи.

Однако слухи о кораблекрушении вскоре достигли Ямайки, крупного центра английских авантюристов. Один из прославленных пиратов, капитан Эдвард Тич, прозванный Черной Бородой, и другой разбойничий капитан — Генри Дженнингс — предприняли несколько нападений на испанский лагерь и обшарили обломки затонувших судов. Только одному Дженнингсу удалось захватить около 350 тысяч восьмиреаловиков.

Корабли дона Хуана Эстебана де Убильи и дона Антонио де Эчевереса (или, вернее, то, что от них осталось) пробыли в плену у кораллов и песков более 250 лет, когда ими заинтересовался американец Кип Вагнер. Обнаружив в архивах историю кораблекрушения 1715 года, он поставил перед собой задачу найти затонувшие суда.

На берегу Флориды недалеко от мыса Канаверал ему удалось обнаружить следы древнего лагеря испанцев, пытавшихся вернуть отнятые морем сокровища. Копаюсь

в земле, Вагнер обнаружил слитки серебра, золотое кольцо и 13 восьмиреаловиков. В море нашли также пристанище пушки, железный лом, камни для балласта. Но среди этого хлама Кип Вагнер нашел золотые слитки, китайский фарфор, целый клад восьмиреаловиков и золотых эскудо, а также великолепную золотую цепь генерал-капитана испанской флотилии. Эта цепь длиной около четырех метров состояла из 2176 звеньев. К ней был прикреплен золотой свисток в форме дракона, который служил также зубочисткой и палочкой для прочистки ушей.

Нидерланды на всех морях

В течение первой половины XVIII века голландцы в еще большей степени, чем англичане, укрепляются на море. За какие-нибудь пятьдесят лет Нидерланды стали первой морской державой мира. Они располагали самыми лучшими судами, искуснейшими моряками, а также богатейшим в Европе Амстердамским банком. Голландцы посвятили себя исключительно морской торговле. Их легковооруженные суда бороздили все моря земного шара. Амстердам стал крупнейшим торговым центром Европы. Сюда стекалась половина серебра, добытого на рудниках Мексики.

Начиная с XVII века голландцы поставляли в карибские страны необходимые товары. Им удалось также создать несколько опорных баз на Карибском море. Вот почему Нидерланды еще с 1648 года и до наших дней совместно с Францией владеют островом Сен-Мартен и дорогим сердцу Реми де Хенена островком Сен-Бартельми.

Французская Ост-Индская компания

С начала XVIII века французский флот в свою очередь был вовлечен в торговый поток, который пришел на смену морскому разбою. Созданная Кольбером Французская

Ост-Индская компания послужила мощным стимулом для развития морской торговли страны. Правление компании находилось в Париже, пять филиалов действовали в портах Бордо, Гавр, Нант, Руан и Лион. К 1750 году компания уже владела тремя десятками судов, в то время как потери составляли за год три-четыре единицы. Эти суда вывозили из Франции вино, водку, зеркала, музыкальные инструменты и ввозили фарфор, чай, пряности и ткани, если заходили в Китай.

Распродажа обратного груза велась в Нанте, а начиная с 1733 года — в Лориане. Тотчас же был разработан точный перечень импортных товаров, которые разрешалось продавать на французских рынках. Те же товары, которые нельзя было сбывать в самой Франции, складировались в определенных пунктах. Это касалось, в частности, ситцев, цветного полотна и шелка. Запрет был вызван необходимостью защитить французские предприятия от иностранных конкурентов (ситцы изготовлялись, например, в самом Нанте). Муслин и белую хлопчатобумажную ткань можно было пускать в продажу, но при условии, что они будут опломбированы и пойдут на ре-экспорт.

Опломбирование сводилось к тому, что к ткани прикреплялся листочек пергамента со специальной печатью. На печати были изображены геральдические лилии и выгравирован девиз: «*Florebo quo fegar*». Французская Ост-Индская компания прекратила свою деятельность в 1770 году. Это позволяет нам определить предельный возраст печатей, найденных на рифе Силвер-Банк.

Покупатель опломбированных тканей давал обязательство продавать их только за границей, причем ближайшее французское консульство должно было подтвердить факт такой продажи.

Не приходится сомневаться, что подобное регулирование дало повод к разного рода злоупотреблениям. Но судовладельцы из Нанта, посещавшие торги в Лориане в качестве ближайших соседей, и купцы из Бордо, торго-

вавшие на «Островах», наживались, скупая по дешевке товары, которые надо было побыстрее сбыть.

Нант, где не разрешалось продавать товары Французской Ост-Индской компании, от этого не страдал. Напротив, он развил свою морскую торговлю с Антильскими островами, снабжая их ситцами, фарфором, черным деревом, которое корабли по пути забирали в африканских портах. А невольничьи суда на обратном пути грузились ромом, сахаром, табаком. Из истории Французской Ост-Индской компании известно, что сорок арматоров ежегодно посылали на «Острова» сто кораблей. Правда, это были суда небольшой вместимости (300 тонн).

Первая половина XVIII века отмечена во Франции не только большим подъемом, но и первыми шагами в промышленном развитии. Оба эти процесса тесно взаимосвязаны.

Французские суда доставляли зеркала из Сен-Гобена в различные страны земного шара, вплоть до Китая. Богатой клиентуре из карибских стран предлагались не только опломбированные муслины, завезенные из «Индий», но и различные «индийские» подделки, которые изготовлялись в Нанте.

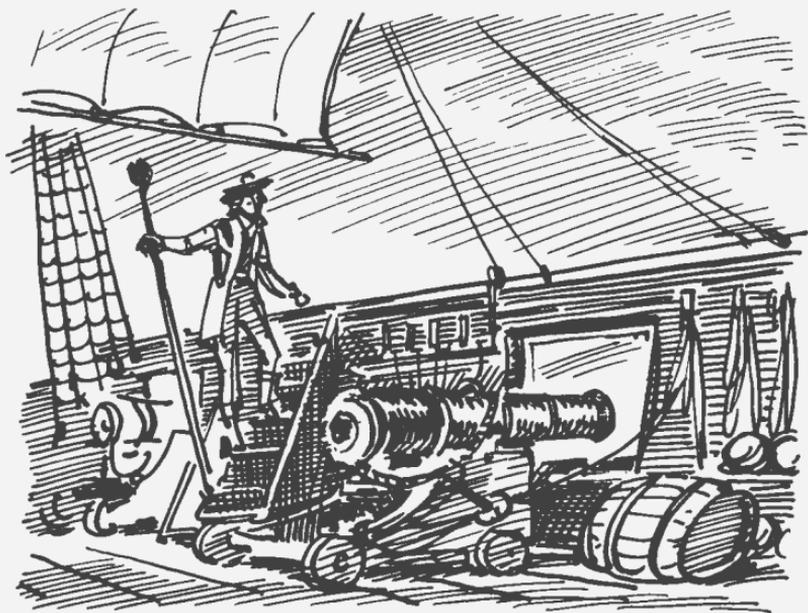
К этому времени во Франции возросло количество мануфактур, производящих фаянсовые изделия. Эти предприятия заботились не столько о художественном качестве своих изделий, сколько о коммерческой стороне дела. Они выпускали практичную посуду, стараясь угодить вкусам местной клиентуры, но одновременно пытались работать не экспорт.

По мере развития судоходства в открытом море и увеличении числа регулярных рейсов в Америку деловые люди Франции убеждались, что клиентуру можно найти во всех уголках земного шара.

В 1739 году аббат Рокпин, младший сын барона Самале, основал фабрику фаянсовых изделий в своем родовом имении в Ландах.

Рокпин получил королевский патент на изготовление фаянсовых изделий сроком на 20 лет и организовал в деревушке Самаде производство посуды из качественных глин сероватых или розоватых тонов. Мануфактура в Самаде выпускала чашечки и чаши, но не гнушалась и ночными горшками.

Типичный для этой посуды синий рисунок на белом фоне можно увидеть на некоторых чашках, найденных нами на рифе Силвер-Банк. Аббат Рокпин был хорошим коммерсантом и открыл два склада — один в Бордо, другой в Байонне, откуда его товары экспортировали на «Острова».

Глава одиннадцатая

**НАКОНЕЦ-ТО ВЫЯСНЯЕТСЯ ДАТА
КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ**

Роковой груз. — Пушки весом в тонну. — Найдена кормовая часть галиона. — Снова бутылки. — Новая рабочая площадка. — Мой старый противник — море. — Керамика. — Пушка в коралловой пагоде. — Прощание с рифом Силвер-Банк

Вторник, 20 августа. Дни становятся короче. В 6 часов 25 минут, когда погружаюсь для обычной проверки рабочей площадки, уже рассвело, но солнце еще не показалось из-за горизонта. Вода совсем прозрачная, но ни малейшего течения.

Устанавливаю поплавок для водолаза за третьим холмом и на оси носовой части галиона, чтобы отметить место, которое было бы полезно обследовать Гастону. Но меня начинает мучить совесть при взгляде на породу, которую придется вскрывать Гастону. Это мощная корал-

ловая кора. Направляюсь к пушке с цепью. Скважина, которую сделал вчера Гастон, весьма скромных размеров. Придется ее углубить. Не слишком продвинулось и вскрытие «тайника буканьеров». У второй ямы замираю, пораженный редким зрелищем: два великолепных экземпляра рыбы-попугая, темно-коричневые, в полоску, висят неподвижно в вертикальном положении, а их тела «очищают» не обычные маленькие ярко-синие губаны-чистильщики (*Labrus dimidiatus*), а какие-то другие представители семейства губановых ярко-желтой окраски.

В корзинах, заполненных вчера вечером и поднятых на борт «Калипсо» сегодня утром, обнаружен железный лом, в частности пистолет, покрытый известковым наростом, с деревянной резной рукояткой. Механизм остался на месте, но ствол пистолета основательно разрушен. На рабочей площадке, где ведется вскрытие третьего холма, бригады водолазов сменяют друг друга в обычном порядке в течение 12-часового рабочего дня. Тем временем разведывательная бригада Гастона утром занимается углублением скважины под пушкой с цепью, а во второй половине дня бурит в песке скважину между вторым и третьим холмами. Под пушкой обнаружены кусок почерневшего и окаменевшего дерева, свинцовая пуля, несколько черепков глиняной посуды, свинцовая пластинка, похожая на те, которые мы нашли между пушками, шкив блока из дерева гайака.

Однако в углублении между вторым и третьим холмами ничего обнаружить не удалось.

Пополудни вторично погружаюсь в воду вместе с Бернаром и Гастоном. Прошу Бернара прорезать холм наискосок в восточном направлении, а сам направляюсь к землесосу. На уровне казенной части новой пушки еще сохранилось много дерева. Оно, правда, местами сломалось под тяжестью камней. За холмом землесос типа «печная труба» демонстрирует нечто вроде извержения вулкана. Зрелище комическое, но снаряд этот оказался эффективным.

К 11 часам, когда уже пора готовиться ко сну, налетевший шквал нагоняет с юга волны. «Джемс энд Мэри» под тяжестью огромного груза начинает заполняться водой. Еще полчаса — и он пойдет ко дну. Ребята тотчас бросаются в воду и при свете прожектора подтягивают плот к «Калипсо». Суденышко поспешно освобождают от непосильного груза, подняв на борт «Калипсо» две корзины до полутонны весом. Поплавки плота опорожняют с помощью насосов и ведер. «Джемс энд Мэри» спасен! Ложимся спать. Стрелка барометра поднялась высоко.

Одним веком больше

Среда, 21 августа. Сегодня рабочий день начинается только в 8 часов: мы хотим проверить на практике некоторые наши гипотезы. Для этого три бригады водолазов будут через определенные интервалы бурить пробные скважины вокруг холма, а две другие займутся собственно холмом. Это соответственно сократит время работы компрессора. Моя разведка не дала ничего нового. Устанавливаю буйки, чтобы отметить места, где сегодня предстоит пробурить четыре скважины.

В конце утренней смены Серж все же извлекает из «трещины», то есть из заполненной илом впадины между двумя скалами в юго-восточной части холма, большое глубокое керамическое блюдо, нечто вроде двух ложек из бронзы с выпуклостями в тех местах, где должны быть впадинки (при ближайшем рассмотрении это оказались две детали формы для отливки маленьких оловянных или серебряных ложечек), и большой кусок бронзы в форме столбика или языка большого колокола.

Как только Дюма увидел этот столбик, он опознал в нем подвижную гирию больших римских весов, у которой, разумеется, не доставало железного крюка. Эта гирия от весов принесла нам горькое разочарование. На одной ее стороне сохранились останки выгравированной, но стершейся надписи: римские цифры DC. А на другой стороне красовалась дата 1700, исправленная, видимо, с по-

мощью резца на 1733. То была дата проверки гири контролером Палаты мер и весов. Эта надпись была недостаточно разборчивой, чтобы полностью рассеять сомнения. Но к концу рабочего дня Раймон нашел еще одну маленькую и значительно более легкую гирию. Во время обеда распоряжаюсь очистить ее кислотой. На этот раз улетучиваются иллюзии и рассеиваются все сомнения. На маленькой гире от римских весов во многих местах проставлены многочисленные удобочитаемые даты: 1722, 1730, 1723, а затем 1755 или 1776 и очень отчетливо число 1756. Вероятно, неразборчивую дату 1733 на большой гире следует читать как 1756. Итак, крушение произошло после 1756 года и потерпело его, несомненно, другое судно, а не «Нуэстра сеньора де ла консепсьон». Это трудно перевернуть!

Потрясенные горестным открытием, переименовываем обломки найденного судна в «Нуэстра сеньора де ла десепсьон»¹.

Но пополудни Мишель (действительно у него зоркие глаза!) обнаружил еще две пушки возле маленького якоря (то есть в 70 метрах к северу от носа галиона) и, главное, две детали крепления — от руля и ахтерштевня. Штырь руля зацепился за риф над маленьким якорем, а полая труба, в которой вращается штырь, обнаружена чуть дальше. Решаю предпринять серьезное обследование, чтобы найти другие характерные для кормовой части судна детали, составить обзорную топографическую карту зоны поисков, которая, видимо, расширяется, и протянуть наши щупальца к другим скалам на той же широте.

Перед нами встает следующая дилемма: в зоне раскопок вдоль рифа Силвер-Банк либо захоронены два судна, либо рассеяны обломки одного корабля. Если мы имеем дело с одним кораблем, то «Нуэстра сеньора де ла консепсьон» находится где-то в другом месте, но почти на той же широте.

На сон грядущий, чтобы немного отвлечься, читаю о китах.

¹ Désertion (фр.) — обман, разочарование.

Пушка весом более тонны

Четверг, 22 августа. Сумбурный день, в течение которого весь экипаж «Калипсо» переживает глубокое разочарование в связи со вчерашним открытием. Вместе с Бернардом перегруппировываю бригады и после одобрения Кайара вывешиваю в кают-компании программу работ на сегодня. Однако выполнить эту программу не удалось. В целом работа на холме продолжалась девять часов. Гастон пробурил шестую скважину, которая также не дала ничего нового, а затем нашел кое-какие следы за четвертым холмом. Погружаюсь вместе с Филиппом Сиро, чтобы поработать землесосом типа «печная труба» позади этого холма. Пробыл на месте всего полчаса, этого, конечно, недостаточно, но мне не хватало воздуха.

Продолжу работу завтра утром.

Еще одна новость: Дюма и Делуар направились к северному якорю, где Мишель обнаружил еще одну пушку, полностью замаскированную коралловым конусом. Кайар и Сиро заканчивают топографическую съемку северо-западной зоны... Эта карта поможет нам разобраться в обстановке.

Да! Чуть не забыл! Утром была поднята одна из двух пушек, обнаруженных в носовой части. Пушку очистили с помощью кайл, долота и щеток. Увы, данные о месте и годе ее производства были нанесены очень грубо и плохо распределены вокруг запального отверстия на заднем конце: «Н 2250 А» — вот и все, что удалось прочесть. По правде говоря, я не рассчитывал на большие открытия. Галионы не всегда были вооружены испанскими пушками. Часто они прибегали к французским, голландским или итальянским орудиям. Испания закупала вооружение во многих европейских странах.

На нашей пушке не была проставлена дата ее производства. Но даже если бы она имелась, это не могло бы служить точным доказательством времени кораблекрушения. В самом деле, ведь пушки, отлитые в XVI веке, служили порой вплоть до 1820 года. Обследование пушки, впрочем, показало, что, когда корабль разбился на

скалах, орудия были заряжены и готовы к бою. Прочистив орудийный канал, мы нашли в нем ядро. Там должен был быть и порох. Обычно на кораблях, перевозивших ценные грузы, в эпоху морского разбоя пушки заряжали заблаговременно. Мы взвесили пушку: она потянула более тонны... Все это зафиксировано на киноплёнке. Нашли разбитую тарелку с синим орнаментом, напоминающим индейские мотивы. Разумеется, весь день идут горячие дискуссии. Прочищенная и смазанная льняным маслом пушка временно установлена на задней палубе.

Это семнадцатый день нашей непрерывной работы с момента возвращения из Сан-Хуана. Программа работ была изнурительной. За семнадцать дней напряженного труда под непрерывный грохот компрессора приходилось часами дробить, а затем пропускать через сито сотни тонн коралловых обломков. И вознаграждением за наши героические усилия оказались керамические изделия сомнительной ценности, пушка и ядра, загромоздившие всю палубу. С финансовой точки зрения результаты нашей экспедиции — бессмысленное расточительство, а что касается затрат труда, то мы работали на износ!

Нам не удалось еще опознать затонувшее судно. Мы знаем только, что нашли корабль XVIII века, что он не может быть галионом «Нуэстра сеньора де ла консепсьон» и вряд ли вообще является галионом.

Тем не менее наши водолазы еще не совсем потеряли надежду. Почему в трюме судна XVIII века не может быть сокровищ? И кто сказал, что «Нуэстра сеньора де ла консепсьон» не находится где-то поблизости?

Находка

Пятница, 23 августа. Какой противоречивый день! Подводя итоги, можно сказать, что мы потерпели двойное поражение. Найденные весы с гирями, которые в последний раз проверялись в 1756 году, неопровержимо доказывали, что мы имеем дело не с галионом «Нуэстра сеньора де ла консепсьон». Вдобавок к этому раскоп-

ки по направлению к вершине третьего холма становятся все более бесплодными. Деревя мы больше не находим, а в скважинах вокруг холма не обнаружено никаких следов галиона... Мы, правда, нашли нос крупного судна, но не обнаружили ни его кормы, ни даже середины. Это означает, что две трети корабля бесследно исчезли. Только пушки помогают нам строить новые гипотезы.

В 8 часов утра погружаюсь в воду вместе с Кодем. В юго-западной части площадки создается впечатление, что мы вскрыли остов холма. Насосы из впадин и трещин между тысячелетними глыбами извлечены с помощью землесоса. Показываю Колю зону возле разбитой пушки, которую необходимо вскрыть. Затем отправляюсь дальше, чтобы осмотреть пушки, обнаруженные Мишелем возле северного якоря. Поразительно! Мы проходили мимо них не менее 20 раз и ничего не замечали: почти все они перекрыты коралловыми образованиями в форме китайских пагод. Делуар и Дюма прозвали такие конусы «пушечными кораллами». Позднее мы вспомнили, что в таких же образованиях были скрыты и некоторые пушки с носовой части судна. Смутное впечатление, что в этой зоне находится еще один затонувший корабль, но он полностью погребен под кораллами. Но правильно ли такое предположение? Может быть, мы нашли недостающую кормовую часть нашего галиона? В носовой части корабля мы встречали два типа пушек: одни длиной 2,2 метра (легкие) и другие — 2,4 метра (без ядер). Длина вновь найденных пушек — 2,6 метра. Дюма отмечает, что и ядра также были трех разных размеров. Да, это так!

Развертывается активная и разнообразная деятельность: де Хенен, Коль и Дюран отбывают на шаланде в восточном направлении, чтобы обследовать риф, находящийся на расстоянии примерно одной мили от места нашей стоянки. Они обнаруживают там якорь меньших размеров, чем прежние находки.

Кайар и Сиро бурят скважину на расстоянии 4,5 метра от скалы, взорванной 28 июля. Утром Гастон, орудуя землесосом типа «печная труба», проходит пробные шестую

и седьмую скважины. Никаких находок! Кормовая часть судна полностью исчезла. Наше предположение, что она разлетелась вдребезги, подтвердилось.

Утро уже было на исходе, когда Бассаже и Фулон подняли на поверхность нечто вроде горшочка для ароматических мазей, а возможно, и кухонных снадобий. Горшочек, как и все тонкие керамические изделия, найденные нами раньше, покрыт растрескавшимся лаком. Ведь лак очень непрочен и плохо сохраняется в этих водах. В тому же он подвергается разрушительной деятельности кораллов в первую очередь. На этом горшочке сохранились остатки надписи, нанесенной жирными черными буквами: J.WVN... Было ли затонувшее судно голландским? А может быть, шведским или попросту пиратским?

Наконец пополудни Гастон перетаскивает землесос типа «печная труба» вместе с подающими сжатый воздух патрубками (общей длиной 90 метров) к изолированному якорю и трем пушкам. Это место мы теперь именуем рабочей площадкой на корме. В первой скважине, проделанной Гастоном около пушки, скрытой под коралловыми пагодами, находим только прямоугольные бутылки. Зато другая скважина, пробуренная Делуаром и Гастоном около пушки, менее других замаскированной кораллами, достигла наконец судна. За 45 минут оттуда извлекли великолепную прямоугольную бутылку, почти целехонькую, шесть чаш, четыре чашки, кувшин для воды и множество осколков. Водолазы обнаружили там также дерево.

Итак найдена корма затонувшего судна! Она обнаружена далеко от старой рабочей площадки. Придется все изменить: якорные стоянки «Калипсо» и «Джемс энд Мэри», длину труб землесоса и т. д. Но самое правильное поставить «Калипсо» точно по отвесу над второй рабочей площадкой, которую я намереваюсь организовать. Фактически сюда нет прохода. Придется его открыть с помощью динамита.

Мучительно обдумываю эти проблемы. У меня возникают новые проекты. Причина того, что мы так долго не могли найти кормовую часть судна, ясна: корма и нос расположены не на одной оси.

Когда судно расколосось, нос и корма не только затонули на большом удалении друг от друга, но и залегли на дне под острым углом.

Находки, обнаруженные на второй площадке, поразительно напоминают те, которые мы извлекли на первой: кирпичи, керамические изделия, кувшины, обломки такелажа и множество бутылок. Эти прямоугольные бутылки почти все разбиты и изъедены, так как стекло постепенно растворяется в морской воде. Некоторые бутылки очень красивы и переливаются всеми цветами радуги. Их здесь так много, что, видимо, они составляли часть судового груза. Думается, что корабль захватил бутылки с ромом где-то на островах Карибского моря и должен был доставить их в Европу.

Еще бутылки!

Суббота, 24 августа. Сегодня в виде исключения не погружаюсь в море. На носовой рабочей площадке две бригады с помощью землесоса наводят порядок. Делуар снимает на пленку обзорную карту и несколько детальных чертежей, выполненных в крупном масштабе. На скале, взорванной 28 июля, шесть бригад, сменяя друг друга, работают по два часа каждая. Они с помощью ручных буров вгрызаются в породу — предстоит обрушить 200 тонн кораллового известняка мощностью 1 — 4,5 метра. Иначе этот холм будет угрожать безопасности «Калипсо». На западной площадке Раймон пробурил еще несколько скважин, но так и не обнаружил следов затонувшего судна. Исключение составила только скважина около якоря, где он нашел целые бутылки и очень толстое дерево. Возможно, что придется изменить контуры новой площадки, поскольку положение кормовой части еще не уточнено.

Чтобы определить место будущей стоянки «Калипсо», провожу совещание с водолазами, на котором присутствуют Кайар и Делуар, — для уточнения плана съемок.

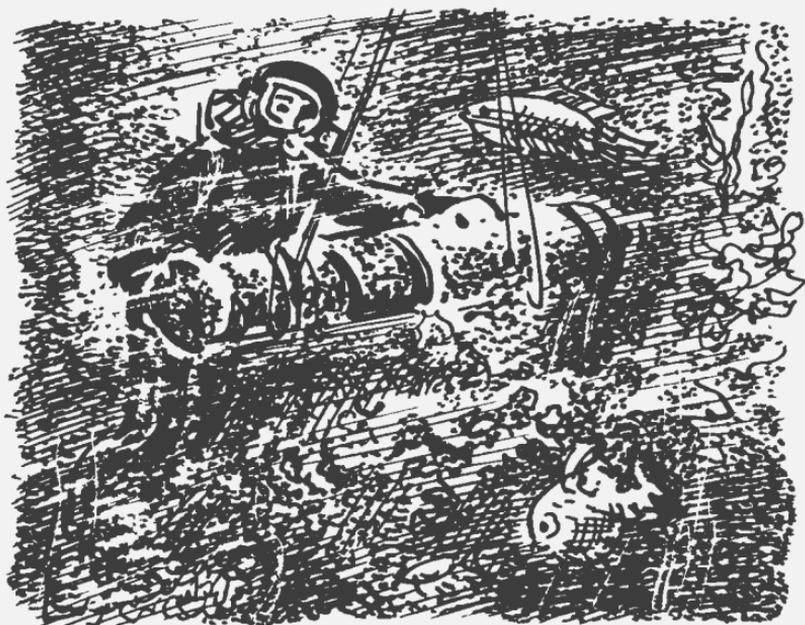
Воскресенье, 25 августа. Подъем в 6 часов утра. В 6 часов 30 минут Делуар уже снимает на пленку мое погруже-

ние против лучей восходящего солнца, а в 7 часов — «утреннее инспектирование площадки». Ему хочется в какой-то степени воссоздать обстановку от 13 августа. К сожалению, вода сегодня не так прозрачна, как в тот день. Утром две бригады, по четыре человека в каждой, продолжают сносить подорванную скалу. Тем временем две другие бригады, по два человека в каждой, снимают смену, действующую на рабочей площадке, поднятие корзин на палубу «Калипсо», сброс в море коралловых обломков через вход в середине левого борта и рост искусственного холма под нашим корпусом. Раймон роет ямы у двенадцатой, тринадцатой и четырнадцатой пушек. Он не нашел там ничего, кроме куска плоского железа. Что это? Обломок шпаги или обруча от бочки?

Пополудни Делуар снимает Гастона, который тщетно пытается найти недостающие пушки, используя для этой цели электромагнитный детектор Джона Соха. Большой землесос выходит из строя, и его ремонт отнимает у нас драгоценное время. «Разрушители подводной платформы» продолжают свою изнурительную работу по сносу маленькой подорванной скалы. Наконец Коль испытывает под кораблем за пределами рабочей площадки (по направлению течения) брандспойт, который мы намерены использовать для поиска кормовой части корпуса нашего псевдогалиона.

Понедельник, 26 августа. Просыпаюсь в 6 часов 10 минут. В 7 часов мы с Делуаром уже в воде и пытаемся переснять неудавшиеся кадры, сделанные вчера утром. Сегодня видимость гораздо лучше, вода несколько прозрачнее, и фильм, очевидно, с желаемой точностью воспроизводит окружающую обстановку. Воссоздать же ощущения человека, находящегося в состоянии невесомости, под силу разве что поэзии, а не кинокамере. Но способна ли поэзия передать все нюансы его переживаний?

Как только мы выходим из воды, де Хенен и Фулон дважды пускают в ход взрывчатку, чтобы подготовить снос скалы, от которой зависит наша безопасность.

Затем они отправляются к противоположному склону скалы, где, взорвав небольшой брикет тринитротолуола, высвободили около предмета, который мы условно обозначили на нашем плане «помпой», крупный кусок металла, обросшего кораллами. Эта деталь из кованой стали была одной из двух опор, поддерживавших массивную корму галиона и прикрепленных к килю около ахтерштевня.

Уж не обломок ли это галиона «Нуэстра сеньора де ла консепсьон»?

Маловероятно!

Затем Мишель, Диди и Бернар погружаются, чтобы заснять раскопки предметов, которыми мы раньше пренебрегали. Тем временем Гастон и Бассаже отправляются стропить подорванные глыбы, чтобы обеспечить их подъем. Коль готовится прокладывать траншею у северного якоря. Ему это удастся с большим трудом (за неимением брандспойта без отдачи типа «Галеази»), и он поднимает такую муть, что невозможно ничего разглядеть вокруг. Коль убеждается в том, что проделанная борозда тотчас

затягивается песком и илом, отброшенными струей воды...

Вторник, 27 августа. Сегодня утром не погружаюсь. Вода, правда, прозрачная, но де Хенен и Фулон должны произвести еще шесть взрывов на скале, которую решено убрать. Какая тяжелая работа! Между тем сегодня истекает последний день срока, отпущенного для этого дела. Если вечером «Калипсо» не сумеет пройти над взорванной скалой, придется от всего отступить.

Но что же нам тогда делать? Немедленно прекратить дальнейшие поиски? Немыслимо, не могу с этим согласиться! Предпринять новые поиски галиона «Нуэстра сеньора де ла концепсьон»? Может быть, но только в непосредственной близости от того места, где мы сейчас находимся. Остаться здесь, чтобы снять фильм о раскопках? Если бы у нас была уверенность в местоположении кормы! Несмотря на победный клич, изданный 23 августа, все пробы землесосом типа «печная труба», проведенные Колем за истекший с того времени срок, дали либо отрицательные, либо противоречивые результаты.

Итог дня: опасная скала срезана по крайней мере на четыре метра; Раймон Коль пробурил новые скважины на северном участке; запущен землесос возле глыбы с четырьмя пушками.

Ближе к вечеру раскладываем на левом борту «Калипсо» наши лучшие находки: чаши, целые бутылки, ядра. Все это напоминает выставку товаров на захолустной ярмарке... Робино расчистил канал и завальное отверстие пушки.

Вечером в кают-компании царит необычная обстановка. Все углубились в книги о сокровищах, потягивая ром, привезенный де Хененом. Сам Рени молчит, погружившись в раздумье.

Среда, 28 августа. Утро посвящаю большой разведке. Дюма, Делуар, де Хенен и я прочесали зону между «носом якорем» и котлами. Мы пробыли в воде два часа, и фактически ничто не могло ускользнуть от нашего внимания. Вот общие итоги разведки: на протяжении более 60 метров, начиная от последней обнаруженной нами

пушки, ничего достопримечательного не найдено. Затем, примерно на 30-метровой полосе, разбросаны шесть огромных котлов, в том числе один медный, и далее две россыпи камней и кирпичей. Возвратившись на судно, приступаем к критическому анализу наших наблюдений. Ни камни, ни кирпичи двух россыпей не походят одни на другие, да и расстояние между ними превышает 60 метров. Следовательно, мы имеем дело с обломками двух разных судов. Остается еще обследовать носовую часть галиона с востока. Этим занимаются Диди, Мишель и Раймон. Пополудни они посещают на восточной стороне место, которое на нашем плане значится как «помпа». Там они обнаруживают другой кусок железа, аналогичный найденному 26 августа. А «помпа» оказывается коленом толстой чугунной трубы. Итак, здесь имеется еще и третье погребенное судно! Диди приходит в отчаяние от чрезмерного обилия коралловых образований в этом ареале: колонны готических соборов, пещеры, узкие и глубокие, вертикальные трещины. «Искать обломки затонувших судов в этих коралловых лабиринтах? Чистейшее безумие!» — восклицает удрученный Дюма.

Найдены пушечные снаряды для сбивания мачт. Они немного напоминают гантели: два ядра, соединенных толстым брусом. Такие снаряды, видимо, наносили большой урон такелажу судов противника. Кроме того, обнаружен сосуд с круглым дном, напоминающий амфору. Он сломан, но все черепки на месте. А что касается ядер, то здесь их можно набрать сколько угодно. Вот еще две печати для пломбирования — точно такие, какие мы находили раньше.

Вторая рабочая площадка

Четверг, 29 августа. Дюма, Делуар и де Хенен обследуют район по соседству с якорем, который найден Колем на скале, расположенной на расстоянии одной мили к востоку. Результаты отрицательные! Якорь маленький и довольно позднего происхождения.

Все утро уходит на перемещение землесоса и плота «Джемс энд Мэри» на 60 метров к северу. Чудовищная работа! Вертикальная часть трубы укорочена на три метра, так что воздух подается через девятиметровую трубу.

Пополудни две смены работают с землесосом возле северного якоря. Первая смена (Кайар и Гастон) приносит керамику, бутылки, грузила, дерево. Большой обломок дерева в прорытой ими яме (в трех метрах восточнее якоря) расположен по направлению к якорю. Этот участок утыкан коралловыми скалами, поэтому необходимо как можно скорее переместить «Калипсо».

Робино подсчитал, что «Калипсо» побила все свои рекорды пребывания в открытом море между заходами в порты. Если мы придем в Сан-Хуан 6 сентября, то пробудем в открытом море 27 дней. Мы не смогли бы оставаться в море на столь продолжительный срок, не будь у нас опреснителя, который дает 400 литров воды в сутки, работая только в ночные часы. К тому же картонные тарелки и стаканчики также позволяют экономить воду на мытье посуды.

Пятница, 30 августа. Начиная с 7 часов утра бригады работают посменно на новой рабочей площадке. В 9 часов погружаюсь, чтобы посмотреть, что там происходит. Сразу обнаруживаю, что гибкий двухметровый шланг, который отходит от нижнего колена, сплюснулся и тормозит всасывание. Далее замечаю, что 15-метровый гибкий шланг трется о кораллы. Прошу Гастона устранить эти неполадки. Набрасываю схему раскопок и вношу коррективы в ориентацию трех пушек по отношению к северному якорю. Работать на новой площадке необычайно тяжело, так как здесь изобилуют коралловые образования. К тому же обломки затонувшего судна находятся на глубине 60 — 80 сантиметров от морского дна. Поистине трудно себе представить, что так глубоко погребен корабль, который потерпел крушение всего двести лет назад!

Пополудни Дюма изменяет направление траншеи и обнаруживает прослойку металлического лома. Толщина

этой прослойки увеличивается от северного якоря ко второму холму.

Утром разведывательная бригада (Мишель, Дюма и де Хенен) засняли на киноплёнку пышные девственные заросли кораллов к востоку и западу от рифа. «Нуэстра сеньора де ла консепсьон» находится далеко от того места, где 26 августа мы обнаружили чугунные опоры.

Перемещение «Калипсо» намечено на завтра, если этому не помешает погода.

Вечером, после того как отобедала вторая смена, мы тщетно ищем «актеров», чтобы заснять в кают-компании процесс очистки металла соляной кислотой... В тот день, когда мы впервые пользовались кислотой, это сопровождалось бурным весельем. Но воспоминания о неприятном запахе, который издавали эти мерзкие пузырьки, видимо, пересилили все уговоры. К тому же надо учесть гнетущую усталость после тяжелого рабочего дня. Ведь уже половина десятого, и всем хочется спать.

Суббота, 31 августа. День разочарований и сомнений. Посмотрим на наше предприятие с чисто практической точки зрения. Мы как будто теряем время зря. Ведь уже с 21 августа (то есть в течение десяти дней) стало очевидным, что мы имеем дело не с галионом «Нуэстра сеньора де ла консепсьон» и что корабль XVIII века, который откопали, разбит, причем сохранилась только его носовая часть. Где же его корма?

23 августа нам показалось, что мы ее нашли, но теперь такой уверенности нет. Наконец, из всего груза нам достались только бутылки прямоугольной формы и керамические изделия. Некоторые из них действительно великолепны, но качество других весьма сомнительно. Мы остаемся здесь только потому, что нашли печати с геральдическими лилиями, которыми не пользовались для пломбирования мешков с дешевыми товарами.

Вот все практические соображения. Но не это главное. Причины того чувства разочарования, которое охватило меня сегодня, гораздо глубже. Они аккомпанировали под сурдинку всей моей жизни с тех пор, как 38 лет

назад в октябре 1930 года я поступил на службу в военно-морской флот, не совсем отдавая себе отчет в том, что означает этот шаг. С 1930 по 1937 год меня не оставляли раздумья в правильности избранного пути и своего призвания. Мне вообще свойственны колебания, и в этом нет ничего оригинального; я убежден, что две трети моряков во всех странах в глубине души задавались теми же вопросами. Но с 1937 года, то есть вот уже более 30 лет, я сжег за собой все мосты и вступил в борьбу с морем.

Я отрекся от всего остального и не отступил, хотя меня часто искушали чудеса других сфер жизни. Я заключил брачный союз с водной стихией с тем большим пылом, что ни физически, ни морально не был к этому подготовлен.

С первых же дней мои восторги переплетались с отвращением, радость — с болью. За каждое удовольствие приходилось расплачиваться массой неприятностей. Мне приходилось переживать все это в одиночку, и я не мог до конца понять, что со мной происходит.

Любознательность всегда оставалась самым мощным стимулом, который заставлял меня искать и находить все новые районы для исследования, все глубже проникать в морскую пучину, все дольше там оставаться, заниматься подводными киносъемками и бороться с враждебными силами. Но к любознательности примешивалась сентиментальность, нечто вроде любовного влечения. Мне захотелось овладеть морем, подчинить его себе, завоевать, и, хотя я знал, что это мне никогда не удастся, оно неотразимо влекло меня. Всякий раз, когда мне посчастливится вырвать у моря какое-нибудь открытие, увидеть сказочно прекрасный уголок, пережить мгновение экстаза, я испытываю удовлетворение, словно от свидания с возлюбленной. Но такие победы обманчивы. Искушения, соблазны, измены, объятия, ссоры, яростные схватки — все это было в моем романе с морем. В итоге где-то в глубине души притаились раздражение и усталость, которые прорываются наружу при любом удобном случае.

Сегодня в моем сердце кипит ненависть к морю — моему неутомимому и хитрому партнеру, творящему свои черные дела исподтишка. Всю жизнь море издевается надо мной! Хватит с меня! Нет, сегодня я на него сердит и не буду погружаться. Остаюсь в гордом одиночестве на гудящем суденышке, полный горечи и злобы, затаив мечты об измене.

Все утро ушло на перемещение «Калипсо» к новой якорной стоянке. Выбираем и отдаем стальные и нейлоновые тросы и якоря, меняем место причала. Теперь мы стоим лагом к господствующему ветру, а главное, к зыби, которая огибает южный мыс рифа, причем корма «Калипсо» расположена в пяти метрах севернее «Джемс энд Мэри».

Пополудни у землесоса сменились три бригады. Результат: к югу от глубокой и узкой траншеи, прорытой юго-восточнее якоря, обнаружены сплавившиеся маленькие гвозди, а дальше как будто не на что рассчитывать.

Вечером после обеда бригадиры с чертежами в руках пытаются разобраться в обстановке. Тщетный труд! Носовая часть укладывается в логическую схему, но кормовая как будто улетучилась, рассеяв на протяжении 100 метров бутылки, керамику, железный лом, пушки!

Рано утром, перед тем как поднять паруса, берем на борт миниатюрную пушку — кулеврину, которую нашли на вершине третьего холма. Она очень изящна, но вся изъедена ржавчиной.

Воскресенье, 1 сентября. Первое утро работы на новой площадке. Чтобы дать экипажу возможность немного передохнуть в воскресное утро, переношу начало работ на 8 часов. Четыре бригады по четыре человека будут работать с двумя землесосами. Большой землесос занят на прокладке траншеи, ведущей к пушке. Здесь мы находим множество керамических изделий, но «борозда» постоянно затягивается илом. С помощью землесоса типа «печная труба» вымываем две ямы между холмом и взорванной скалой, а затем еще две в долине между холмом и

склоном рифа. Мишель Делуар вносит предложение завершить свою работу пятой скважиной, в ста метрах от якоря. Здесь Коль находит большую свинцовую пластинку, чугунные скамейки, кусок дерева. Вторая половина дня уходит на выравнивание площадки, то есть удаление самых крупных коралловых глыб и «оленьих рогов», которые ее буквально заплонили.

Тем временем наши операторы стараются отснять как можно больше кадров, поочередно сменяясь у кинокамеры.

Дюма и де Хенен приходят в восторг от только что найденных форм керамических изделий. Они, видимо, того же происхождения, что и посуда, добытая на старой площадке. Если корабельный груз на обеих площадках одинаков, это означает, что, раскопав носовую часть, мы теперь действительно напали на след кормы. Итак, мы имеем дело с одним и тем же судном, относящимся к XVIII веку.

Понедельник, 2 сентября. Надо убираться восвояси, и поскорее! Главный кок пока еще не «бузит», но может предложить нам самое скромное меню. Моральный дух экипажа как будто на высоте, но я хорошо понимаю, каких усилий стоит стремление не уронить честь «Калипсо». В самом деле, все очень устало и испытывают глубокое разочарование. Былого подъема уже нет!

Ныряю в 6 часов утра и тщательно осматриваю стенки каждой скважины: обломки корабля, бутылки, керамические изделия, металл, дерево, обручи от бочек, застрявшие в коралловом известняке, погребены под метровой, а иногда и полтораметровой толщей осадков или булыжников. Никаких следов балласта или кия. Возвращаюсь на борт в твердой уверенности, что середина и корма судна, от которых при ударе отделилась носовая часть, разбились о мыс и были измельчены и рассеяны зыбью еще до того, как их погребли морские осадки. Принимаю принципиальное решение — пробурить большую скважину в наиболее вероятном месте нахождения недостающих частей судна, а затем уже покинуть эти края.

Четыре бригады все утро заняты выравниванием новой площадки. Наша лебедка поднимает со дна одну из пушечных «пагод» вместе с заключенной в ней пушкой, а затем бросает ее за борт «Калипсо».

Вторник, 3 сентября. До прощания с рифом остается два дня. Сегодня стараемся поднять на борт как можно больше интересных предметов. Наши усилия увенчались весьма скромными результатами, если не считать новых форм керамики. Однако к концу дня Дюма приносит с площадки интересную новость. В скважине, прорытой Раймоном под руководством Мишеля, после ее углубления примерно на глубине 1,2 метра под песчаными наносами у подножия гигантской мадрепоры обнаружены доски от корпуса судна. Все найденные доски расположены параллельно рифу, что позволяет мне схематически нанести положение кормовой части судна на план, вычерченный 24 августа.

Последнее погружение

Среда, 4 сентября. Прежде чем покинуть рабочую площадку в сердце Силвер-Банк, решаю нанести прощальный визит месту наших археологических раскопок. На еще спящей «Калипсо» я первым в это утро попираю босыми ногами обломки кораллов, которые загромаждают наш корабль от форштевня до кормы.

Поль Зуэна, несущий вахту на мостике, улыбается мне с видом заговорщика. Бесшумно снаряжаюсь и осторожно соскальзываю в прохладную на заре воду. Чувствую себя непривычно одиноким. Мое снаряжение легче, чем обычно. Отдаюсь медленному течению. Всю площадку можно охватить одним взглядом. Скоро мы прекратим охоту за сокровищами, но сегодня через четверть часа Раймон и Жан-Пьер продолжают свою работу. Пока же в море никого, кроме меня.

Сегодня все предметы предстают как бы в ином измерении. Время остановилось... Вокруг разбросаны куски дерева, призрачные якоря и пушки... Да, когда-то это был

большой корабль! Но теперь он превратился в труп, который мы неумело вскрыли... Кораллы крепко держат его в своих тисках. Это самый прочный покров для мертвого корабля...

Шланг компрессора напоминает спящего морского змея. Реальность кажется сном. Здесь стираются грани между победой и поражением. И то и другое теряет свой смысл.

Дележ сокровищ

Упаковываем багаж. Утром по велению совести водолазы в последний раз обследуют подводную площадку, но безуспешно... Пополудни организую большую мизансцену на задней палубе. Мобилизован весь экипаж, фантастические декорации установлены против места погружения водолазов и на задней палубе «Калипсо». На сцене три пушки, двухтонная коралловая «пагода», северный якорь, корзина с «оленьими рогами», бутылки, керамика, наша тачка в движении, Гастон со своим магнитомером, четверо разоблачившихся и одновременно снаряжающихся водолазов и т. д. Творится что-то невообразимое!

Во время третьей съемки распоряжаюсь поставить виолончель Лабана перед гигантской «пагодой» в самом конце кормы. Мишель устроился в тачке, которую толкает перед собой Бернар, сопровождаемый Жеженом. Мишель, ни о чем не подозревая, продолжает съемку, как вдруг в его видоискатель попадает виолончель. У оператора перехватывает дыхание... Кстати, моральный дух экипажа великолепен, и это в тот момент, когда мы полностью осознаем свое поражение. Но у всех превосходное настроение. Ничего похожего на смех сквозь слезы. Ни малейшего намека на затаенную горечь.

Без всяких проволочек приступаем к «генеральной уборке». Археологические раскопки и киносъемки закончены. Убираем с рабочей площадки поплавок, кайла, буры, кирки. Обломки кораллов и корзины летят за борт «Калипсо». Компрессор возвращается в трюм. Задняя па-

луба промыта мощной струей воды. Поль пускает в ход брандспойт и щетки. «Калипсо» еще грязна, но ее уже нельзя узнать, так она помолодела, освободившись от обломков.

Вечером после обеда принимаемся за распределение сувениров из расчета три вещицы на человека. Все остальное перейдет к де Хенену. С общего согласия отбираем все, что представляет интерес для музеев.

Заседание проходит в дружественной, торжественной атмосфере, с легким налетом разочарования.

Море не слишком щедро одарило нас своими сокровищами. Но я на него не в обиде. Мне очень нравятся эти коллекции почерневшей керамики, полуразбитого стекла и раковины, сцементированные кораллами. Достаточно прикрепить их к подставкам — и абстрактные или сюрреалистические скульптуры готовы. Подобные произведения искусства приводят меня в восторг, и я предпочитаю их восьмиреаловикам.

Эпилог

Четверг, 5 сентября. Ранним утром поднимаем якоря, демонтируем землесос и затопляем «Джемс энд Мэри». Наконец мы покидаем узкий проход и бросаем якорь за пределами рифа. Наш «зодиак» направляется в обозначенный фарватер, чтобы снять светящиеся буи. К сожалению, он там напоролся на какую-то скалу и чуть было не затонул. Наконец в 12 часов 30 минут «Калипсо» покидает риф Силвер-Банк, где мы провели первоначально семь суток, потом одиннадцать и, наконец, двадцать шесть суток. В целом набегает сорок четыре, а если к этому добавить переходы в Сан-Хуан и пребывание в этом городе, то на всю экспедицию затрачено примерно два месяца. «Ландшафт не отличался большим разнообразием!» — лаконично констатировал Гастон при отплытии...

Пятница, 6 сентября. Прибываем в Сан-Хуан на час раньше, чем предполагали. Великолепная погода. Что касается метеорологических условий, то нам исключительно

но повезло на рифе Силвер-Банк: в этом году циклоны придут с опозданием против обычных сроков.

Рассылаю телеграммы, утверждаю порядок смен на вахте, привожу в порядок документы и проекты. Пора приниматься за организацию экспедиции на озеро Титикака.

Среди корреспонденции, полученной в Сан-Хуане, нахожу заключение своих адвокатов по поводу французского законодательства о затонувших судах. Зачитываем в кают-компании основные положения этого законодательства, состоящего из ряда новейших постановлений. Поразительно! Из этих законов следует, что если француз найдет сокровища на рифе Силвер-Банк или даже на Кокосовых островах и заявит об этом, то в лучшем случае он имеет право на возмещение своих расходов. Все остальное поступает в государственную казну. Если же он утаит свою находку, ему грозит тюремное заключение за кражу и сокрытие!

Я нахожу это законодательство высоконравственным. Достойный эпилог к нашей авантюре!

Глава двенадцатая

МОРАЛЬ ДЛЯ ВОДОЛАЗОВ

Вечером в каюте размышляю о днях, которые мы провели в иступленном труде на рифе Силвер-Банк, и о неожиданном финале нашей охоты за сокровищами. Как это ни странно, но мы испытывали большое облегчение от того, что нам не удалось найти ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни изумрудов — ничего, кроме ржавого железа, разбитой посуды да медали с изображением святого Франциска.

Если бы мне удалось извлечь сокровища со дна моря, то это был бы первый случай моего обогащения за его счет. Что-то изменилось бы в наших отношениях. Не думаю, что я был бы в большом выигрыше вопреки широко распространенному мнению, что только богатство вознаграждает за усилия.

Подводная деятельность — исследования, которым посвятили себя мои товарищи, жена и я, — всегда была бескорыстной. Мы принесли в жертву морю почти все

свое время, деньги, семейный уют, что обычно высоко ценится.

Капитан Немо брал золото с затонувших судов только для того, чтобы тратить его во имя справедливости. Есть моральный принцип, которого должны придерживаться все моряки и, пожалуй, в еще большей степени водолазы. Но, может быть, он живет только в романах?

Если бы нам по счастливой случайности все же удалось разбогатеть, я бы определенно об этом пожалел. Легко доставшиеся деньги испортили бы наше приключение.

Пока я размышляю над этим, «Калипсо» рассекает воды бурного свинцового моря, и волны, разбиваясь о ее корпус, смывают последние белые пятна, оставленные на борту коралловым известняком. Каторжная работа, когда за день мы пропускали тонны кораллов, дробя их ручными бурами, расцарапанные в кровь руки и онемевшая от усталости поясница — все это было лишь одним из эпизодов нашей повседневной жизни, одной главой из истории подводной археологии, которую пишет экипаж «Калипсо».

Мы сумели вырваться из ловушки для кораблей, куда вошли добровольно, и, снявшись с якорей, с облегчением вернулись в свободные от коралловых образований воды. Добродушная воркотня моторов сменила надсадный рев компрессора.

На борту каждый занят своим делом. Воцарился повседневный ритм нашей работы и жизни на море. Приступ золотой лихорадки, которая угрожала сплоченности экипажа, закончился. На море у нас много интересных дел, и нам не к лицу выпрашивать у него подавание. Передо мной длинный перечень предстоящих экспедиций: пожить среди морских слонов, моржей, тюленей, исследовать «Синие впадины» Багамских островов, сделать фильм о лососях и морских выдрах Аляски, провести подводные исследования у Большого Барьерного рифа Австралии, побывать в Новой Каледонии и на Зондских островах... Удастся ли полностью выполнить эту программу?

Но что испытывает экипаж «Калипсо», вернувшись в открытое море для новых дальних плаваний? Может быть, люди, погрузившись в раздумья, с горечью возвращаются к своим несбывшимся мечтам? Ведь они прошли через своеобразное испытание нравственных качеств, и оно ни разу не скомпрометировало спаянности, солидарности экипажа, не поставило под сомнение его жизнелюбие.

Доказательства у меня под рукой. Это интервью, записанные Мишелем на пленку сразу же после разочарования, постигшего нас, когда стало ясно, что обнаруженные нами обломки не имеют никакого отношения к галиону «Нуэстра сеньора де ла концепсьон».

У всех нас, начиная от кока и кончая капитаном, были более или менее точные планы на тот случай, если мы вдруг разбогатеем. Все, как это бывает в лотерее, в большей или меньшей степени надеялись на выигрыш. Один мечтал купить дом, другой корабль, третий меховое манто для жены или магазин для родителей. Морган, азартный игрок на тотализаторе, собирался приобрести скаковых лошадей. Тем не менее все единодушно заявили, что ни сколько не жалеют и не сетуют, затратив такие чудовищные усилия впустую. Пережитые приключения и исполненный ими труд оставили в душах людей чудесное воспоминание о бескорыстном подвиге, подобном восхождению на горную вершину.

И они говорили правду, ведь у меня такое же ощущение! Подлинное сокровище — это сама жизнь и напряженная деятельность. Это подводные поиски, даже в том случае, если они ведут всего лишь к разрушенному остову затонувшего судна.

Впрочем, затонувшее судно никогда не бывает безмолвным. Оно хранит на себе следы людей, которые жили, боролись, страдали в стране, находящейся в те отдаленные времена на краю обжитого мира. После окончания работы, сидя в кают-компании, мы часто с добрыми чувствами воскрешали память о тех, кто устремлялся в эти далекие края навстречу опасным приключениям,

даже если ими не всегда руководили высокие побуждения.

Они первыми осмелились проникнуть в новый мир, так же как и мы, были первыми среди тех, кто вторгся в морские пучины за пределы обитаемого человеком мира.

Я убежден также, что этот первый опыт систематических раскопок на коралловых отмелях обогатил наши знания. Какие бы технические средства ни применялись при археологических исследованиях в тропических морях, от них нельзя ожидать многого.

Кораллы растут здесь с невероятной быстротой и погребают под своим чудовищным панцирем следы, оставленные людьми: дерево кораблей, чугунные ядра, пушки... Но две наши рабочие площадки все-таки помогли найти эти следы, и они мне тем дороже, чем труднее было их обнаружить. Да, мне дороги эти обычные вещи, к которым прикасались люди, жившие задолго до нас. Это горшки, блюда, пряжки от пояса. Я часто с гордостью раскуриваю керамическую трубку, найденную около фок-мачты...

Фредерик Дюма рассказал нам увлекательную историю. Он руководил на Средиземном море раскопками затонувшего судна XVI века. Это был, вероятно, генуэзский военный корабль. Дюма удалось установить возраст судна благодаря найденным на дне монетам. Мой друг обнаружил горсточку склеившихся серебряных монет в песке на некотором расстоянии от затонувшего судна, а рядом лежала длинная рапира, изъеденная ржавчиной, череп и кости.

Казалось, призрак погибшего около трехсот лет назад воина дожидался свидания с современным водолазом, чтобы посмертно подарить ему хранившиеся в кармане деньги и тем самым снабдить надежным свидетельством о возрасте затонувшего судна. Такая встреча стоит всех сокровищ мира.

Вспомним об уроке, который преподали нам конкистадоры. Ведь они были изгнаны из открытого ими Нового Света, ибо руководствовались единственной целью — жаждой обогащения.

Эта жадность не только не способствовала процветанию родины конкистадоров, но и разорила хозяйство Испании, нарушив ее экономическое равенство на многие века.

— Полюбуйтесь, это испанский бог, — сказал мне однажды индеец, показывая на кусок золота.

Все, что мы делаем — на море и на суше, — должно определяться не поклонением золотому тельцу, а уважением к человеку. И на поверхности моря, и в его глубинах нашей главной заботой должно быть будущее человечества.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Знаменитый французский ученый, признанный лидер в деле исследования тайн Мирового океана, писатель и режиссер Жак-Ив Кусто родился во Франции в 1910 году. Окончил Военно-морскую академию. С конца 30-х годов — организатор и идейный вдохновитель ряда исследований по освоению и изучению моря с помощью автономных средств. Среди них и аппараты типа «летающего блюдца», и легкие подводные буксировщики, и легендарный «Калипсо», любимое детище Кусто, плавучая лаборатория, на которой ученый и его исследовательский экипаж избороздили вдоль и поперек Мировой океан. Но одно из первых и, несомненно, главных открытий его жизни — изобретение в 1942 году акваланга — прибора, совершившего революцию в изучении подводных глубин, необыкновенно расширившего возможности человека в постижении тайн безмолвного мира.

С 1957 года Жак-Ив Кусто являлся директором знаменитого Океанографического музея Монако, который благодаря ему превратился в передовое исследовательское учреждение. Кусто по праву считается одним из лучших популяризаторов научных знаний. Его книги и фильмы вызывают неизменный интерес у самой широкой публики и отличаются увлекательностью и простотой повествования. Снятые его группой научно-популярные фильмы «Мир тишины», «Мир без солнца», многосерийный телевизионный фильм «Подводная одиссея команды Кусто» закуплены многими странами мира.

В июне 1997 года великого сына Франции не стало... Но многие его идеи и начинания еще ждут своего воплощения.

СОДЕРЖАНИЕ

Жак-Ив Кусто. Мир без солнца

Красное море из иллюминатора реактивного самолета	7
Двадцать пять погружений в неизведанные глубины	14
«Конгресс» крабов	21
Подводные комары	26
Огни затонувшего города	34
Бортовой журнал Нижней станции	41

Жак-Ив Кусто, Филипп Диоле. Затонувшие сокровища

<i>Глава первая. В ловушке для судов</i>	97
<i>Глава вторая. Поток золота пересекает Атлантику . . .</i>	118
<i>Глава третья. Затонувшее судно найдено</i>	142
<i>Глава четвертая. Золото и кровь</i>	168
<i>Глава пятая. Искатели сокровищ во всеоружии</i>	184
<i>Глава шестая. Галионы в опасности</i>	203
<i>Глава седьмая. Каторжный труд</i>	223
<i>Глава восьмая. Богатейшее сокровище мира.</i>	242
<i>Глава девятая. Таинственный груз</i>	264
<i>Глава десятая. Морские катастрофы.</i>	287
<i>Глава одиннадцатая. Наконец-то выясняется дата кораблекрушения.</i>	305
<i>Глава двенадцатая. Мораль для водолазов</i>	327
<i>Коротко об авторе</i>	332

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:*

127018, Москва, ул. Сущевский вал, д. 49

Издательство «Дрофа»

Телефон редакции: (095) 795-05-43

Оптовое-розничную продажу книг производят:

Торговый дом «Школьник»

Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1а

(м. «Таганская», радиальная)

Тел.: (095) 912-15-16, 911-70-24, 912-45-76

Магазин «Переплетные птицы»

Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1

Тел.: (095) 912-45-76

Кусто Ж.-И.

- К 94 Затонувшие сокровища: Жак-Ив Кусто. Мир без солнца: Жак-Ив Кусто, Филипп Диоле. Затонувшие сокровища / Пер. с фр. Р. А. Фесенко, И. А. Фельдман; Худож. В. Э. Брагинский. — М.: Дрофа, 2002. — 336 с.: ил. — (Вокруг света).

ISBN 5-7107-6613-5

В эпоху открытия и эксплуатации богатств Америки в XIV-XVIII вв. по меньшей мере с полсотни судов, начиненных несметными сокровищами, были разбиты о коралловые рифы Сильвер-Банк. Именно здесь на каждый километр поверхности воды приходится больше всего затонувших сокровищ. О рифах Сильвер-Банк мечтают водолазы и искатели кладов. И именно сюда на поиски затонувших галеонов и безымянных сокровищ отправился экипаж научно-исследовательского судна «Калипсо» под руководством Ж.-И. Кусто. Об этой экспедиции и находках на дне моря рассказывает увлекательная книга «Затонувшие сокровища».

УДК 82-311.8(02)

ББК 84(4Фр)-44я5

РЕДАКЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НАУЧНО ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТГРАТУРЫ
Литературно-художественное издание

Зеленая серия

Вокруг света

Жак-Ив Кусто

МИР БЕЗ СОЛНЦА

Жак-Ив Кусто, Филипп Диоле

ЗАТОНУВШИЕ СОКРОВИЩА

Заведующий редакцией

Е. В. Туинов

Ответственный редактор

Л. В. Лобанова

Художественный редактор

Э. А. Иванов

Технический редактор

С. А. Толмачева

Компьютерная верстка

Т. В. Рыбина

Корректор

Т. С. Дмитриева

Подписано в печать 30.09.02. Формат 84x108¹/₃₂.
Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,67. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4210239.

ООО «Дрофа»

127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49

Изд. лицензия № 061622 от 07.10.97

**По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа» обращаться по адресу:**

127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49

Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, г. Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Владимир Бобров

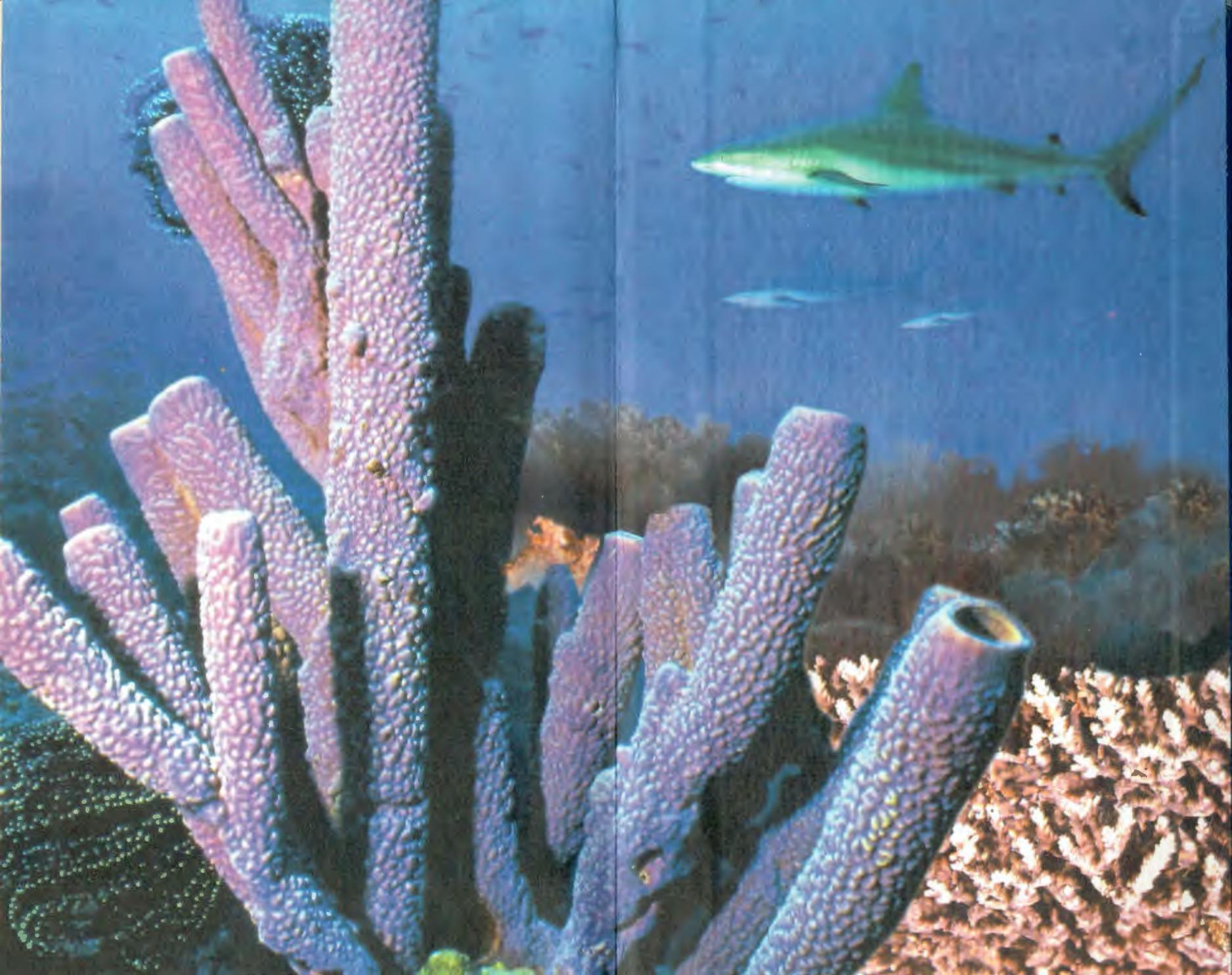
Королева джунглей

Если составить хит-парад животных, которых больше всего боятся люди, наверняка первое место в нем займут змеи.

Ни об одном животном на земле не столько мифов и легенд, как о змеях. Люди боятся их, но в то же время с глубокой древности обожают, поклоняются и используют их яд для исцеления. Больше всего легенд связано с королевской коброй, названной Владимиром Бобровым Королевой джунглей, но книга не только о ней...

«Королева джунглей» — это увлекательные рассказы-наблюдения за животными, которых автору приходилось встречать и изучать в его многочисленных путешествиях по пустыням Кызылкум и Гоби, дебрям Уссурийского края, джунглям Индии и Вьетнама, саваннам Австралии.

Жак-Ив Кусто (1910 – 1997) – французский исследователь океанских глубин, создатель акваланга, подводных домов «Прекоинент», автор замечательных книг и захватывающих фильмов, командор научного корабля «Калипсо», человек, с именем которого связан целый этап проникновения людей в тайны океана.

ISBN 5-7107-6613-5

9 785710 766156

